Татьяна Лунгина

ВОЛЬФ МЕССИНГ – ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

Tatyana Lungina
VOLF MESSING – CHELOVEK-ZAGADKA
("Volf Messing–a mystery man")

Copyright © 1982 by Tatyana Lungina
All rights reserved

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Lungina, Tat'iana.
Vol'f Messing–chelovek-zagadka.

Title on verso of t. p.: Volf Messing–a mystery man.
1. Messing, Vol'f, 1899-1974. 2. Psychical research –Soviet Union–Biography. I. Title. II. Title: Volf Messing–a mystery man.
BF1027.M47L86 81-23762
ISBN 0-938920-12-X (pbk) AACR2

Published by HERMITAGE
2269 Shadowood
Ann Arbor, Michigan 48104, USA

Предисловие автора

Пожалуй, два десятилетия назад созрел у меня общий план этой книги о человеке-телепате, о человеке не только необычайной судьбы, но и загадочной души, с мистическими всплесками, до сих пор окутанными ореолом таинственности и легенд...

В течение двадцати лет я, чья жизнь проходила бок о бок с жизнью Мессинга, вела скрупулезные записи всех мельчайших обстоятельств жизни, самых мимолетных впечатлений, хоть как-то относившихся к жизни Вольфа Григорьевича.

Я понимала, что любые житейские мелочи, кажущиеся на первый взгляд незначительными, возможно, помогут в будущем приоткрыть хоть какую-то частицу тайны.

Наброски отдельных глав и эпизодов я делала, не всегда соблюдая хронологическую последовательность. Для меня важно было — не затерять в памяти ни одного реального события.

Принцип, которого я старалась строго придерживаться в своей работе над воспоминаниями: предельное соблюдение документальности. Только то, что "проверено" личным опытом и наблюдениями, только слова и оценки, данные самим Вольфом Мессингом и людьми из самого близкого его окружения, легли в основу моей книги.

Ведь не секрет, что Мессинга знали многие сотни людей во всем мире, миллионы принимали участие в его психологических экспериментах. Восторженные и правдивые рассказы, передававшиеся из уст в уста, постепенно обрастали фантастическими выдумками и превращались в россказни. И по сей день досужая молва разносит о нем по миру были и небылицы. Это почти неизбежно, когда люди сталкиваются с явлением, не

укладывающимся в рамки обычного. Очистить образ и историю жизни Вольфа Григорьевича от таких домыслов было одной из задач этой книги.

Многие мои друзья, знавшие о моей давней и многолетней дружбе с Мессингом, не раз торопили меня написать книгу воспоминаний о судьбе и магических способностях моего друга. И почти все выдвигали три аргумента в пользу незамедлительной работы над книгой.

Первый, что о Мессинге в России никогда не было серьезных и больших публикаций, если не считать коротких журнальных статей — поверхностных, без глубокого анализа. Во-вторых, говорили они мне, такая книга с интересом будет встречена читателями, ибо такого рода литература пользуется большим спросом. И в-третьих, о Мессинге легко писать — то есть легко создать эффектный и броский бестселлер.

Первый довод, конечно, нельзя не признать логичным. Действительно, зенит славы и расцвет творческой деятельности — а именно так мне хочется определить реализацию необычайных способностей Мессинга — пришлись у него на десятилетия научного застоя в Советском Союзе, когда даже генетика и кибернетика объявлялись лженауками, не говоря уже о парапсихологии или каких-либо иных оккультных явлениях. Потому, естественно, психологическим сеансам Вольфа Мессинга не суждено было подвергнуться серьезным научным оценкам, хотя и характеризовались они порой как проявление феноменальных способностей.

На второй аргумент ответят сами читатели.

Третий мотив мне кажется сомнительным, лукавым. Как друг Вольфа Григорьевича я не могла идти наилегчайшим путем — путем создания сенсационной рекламы вокруг дорогого мне имени, исключить кропотливый труд.

Я решила прочесть как можно больше научных

публикаций, пытаясь найти если и не точные объяснения необычайному дару ясновидения Мессинга, то хотя бы упоминания о сходных с ним явлениях. И я надеюсь, что читатель благосклонно отнесется к моим теоретическим рассуждениям и вставкам, что они не утомят его, а, наоборот, помогут вникнуть в суть уникального психического дара Вольфа Мессинга.

Видимая "легкость" мемуарного жанра в моем случае оказалась обманчивой. Я не была ни ученицей его, ни последователем. Кстати, ни тех, ни других он никогда не имел. Но без ложной скромности я причисляю себя к одним из самых близких друзей Вольфа Григорьевича Мессинга.

С одной стороны, я пыталась писать книгу только о нем и его судьбе. В то же время я не могла опустить большие куски личной жизни, связанной с ним, а иногда и зависящей от него. Тогда и жизнеописание Вольфа Мессинга было бы неполным. Не было бы фона, живых декораций, одной малой частицей которых, смею надеяться, была и я.

Должна признаться, было нелегко писать о нем — человеке сложном и противоречивом, о человеке-телепате — Вольфе Мессинге.

Доброй памяти этого удивительного человека — моего большого друга я и посвящаю эту книгу.

Татьяна Лунгина

1. Вольф Григорьевич Мессинг

Глава 1. ПОЯВЛЕНИЕ КУДЕСНИКА

Концертный зал заполнился нарядной публикой до отказа. Сцена без традиционного занавеса, предельно скромна: на ней стояли два обыкновенных стола и несколько стульев — вот и вся декорация.

В ожидании начала нетерпеливая публика время от времени начинала аплодировать. После третьего звонка на сцене появилась женщина в черном костюме и, без особой торжественности, объявила:

— Вольф Мессинг! Психологические опыты!

Зал взорвался аплодисментами. Все с нетерпением ждали выхода человека, о котором рассказывали были и небылицы. Говорили, что он запросто читает мысли любого собеседника, что ему ничего не стоит найти спрятанные где угодно вещи, обнаружить преступника. Что, наконец, он может принять облик любого животного, превращаться в тигра или собаку, но ему государство запретило это делать, и, якобы, он даже дал подписку.

Одним словом — ОН МАГ И ВОЛШЕБНИК!

Через несколько секунд на сцену легкой походкой вышел мужчина среднего роста и среднего возраста в черном элегантном костюме, в белоснежной сорочке, с чересчур длинными по тому времени волосами.

Он по-восточному сложил ладони на груди и поклонился. Зрители бурно приветствовали его.

Мужчина подошел совсем близко к краю, к огням рампы, и я отчетливо увидела блеск большого камня на перстне... В то же мгновение как будто вспышка озарила мою память: это был мой давний знакомец, мой кудесник, произнесший накануне войны свое сакраментальное — "НИ-ЧЕ-ГО!"

Это он, несомненно ОН. Я его узнала...

Женщина, которая объявила о выступлении Вольфа Мессинга — ведущая вечера, — зачитала вступительное слово и объяснила, что для проведения ''опытов'' нужно выбрать жюри из числа зрителей. После чего из зала на сцену пригласили шесть или восемь человек — любых возрастов и профессий, но обязательно незнакомых с Мессингом.

Они сели за стол и выбрали из своей группы председательствующего. Зрители приступили к составлению самых, по их мнению, трудных заданий и вопросов, передавали записки жюри, а оно отбирало интереснейшие и сложнейшие из них и вызывало на сцену автора, который должен был стать рядом с Вольфом Мессингом и мысленно диктовать ему задание, написанное в записке, исполняя таким образом роль индуктора.

Это делалось так. Индуктор берет левую руку выше кисти и, не произнося ни звука, лишь мысленно диктует ему свое задание.

После того, как Вольф Мессинг безошибочно выполнял любое задание, председатель жюри зачитывал написанное на бумаге.

Такая процедура необходима по двум соображениям. Прежде всего этим предупреждалась нечестность индуктора, который мог бы заявить, что задание неверно выполнено. Во-вторых, чтобы сидящие в зале могли убедиться в том, что действия Мессинга и задания зрителей идентичны.

Я тоже решила участвовать в опытах. Написла свое желание и записочку передала в жюри. Волновалась, как малое дитя. Мое задание, видимо, понравилось, и меня пригласили для опыта. Я шла на сцену, с трудом сдерживая волнение.

Я уже близко подошла к Мессингу, протянула руку, чтобы взять его за запястье, но он резко отстранился и сказал:

— С этой женщиной я не буду работать... Она мне

знакома... Я провожу свои сеансы с незнакомыми мне людьми... Не должно быть подозрений в сговоре... А я ее знаю. Ее имя... Тайболе...

Зал ответил добродушным смехом и рукоплесканиями. Мне же ничего не оставалось, как, покраснев, покинуть сцену.

Смущенная и потрясенная его памятью, уселась на место. Опыты продолжались, а я возвращалась воспоминаниями к событиям двенадцатилетней давности...

Ничто не предвещало кровавой грозы.

Суетливые, но добродушные москвичи все так же устремлялись по вечерам в кафе и рестораны, в театры и на концертные представления, шахматисты и доминошники с раннего утра занимали столы и беседки во дворах и парках; старорежимные бабушки прогуливали в скверах и аллеях своих внуков и собачек. Гости столицы и редкие в то время иностранцы глазели на бездействующие, но великолепные церкви и храмы, теснили москвичей в магазинах и доминировали в музеях и картинных галереях.

Жизнь кипела!

Июньским утром 1941 года я сидела в уютном кожаном кресле вестибюля гостиницы "Москва", дожидаясь прихода Шарипова, директора недавно зародившегося в Средней Азии республиканского кино-объединения.

На улице летнее солнце уже изрядно припекало, но в гостиничном холле с мраморным полом и колоннами была приятная прохлада, тишина и изысканная нарядность, а швейцары в мундирах с позолоченными галунами создавали атмосферу дворцовой торжественности.

Я чувствовала себя скованно и виновато. По тем временам находиться в гостинице молодой девушке, да еще одной, считалось неприличным, а мне шел тогда восемнадцатый год, и я с нетерпением ждала киноделятеля из Средней Азии.

Дело в том, что за год до того в школу, где я

училась, пришли работники из "Союздетфильма", чтобы подобрать нужные типажи детей для съемки в фильме "День Артека", впоследствии шедшем на экранах просто как "Артек". Они присматривались ко многим ученикам нашей школы, и нужно ли говорить о моей неподдельной радости, когда я узнала, что выбор пал на меня. В таком возрасте много ли надо для счастья?!

Съемки проходили в павильонах "Союздетфильма" в тихом уютном Лиховском переулке, вблизи двух городских достопримечательностей — Садового кольца и сада Эрмитаж.

Участие в съемках затмило все другие мои радости и заботы. Но в школу я шла с особым желанием. За мной уважительно ухаживали мальчики, девочки смотрели с завистью на "восходящую звезду экрана", да и на учителей мой дебют в кино произвел впечатление: в драматическом кружке мне стали давать лучшие, ведущие роли.

Когда фильм вышел на экраны, я увидела себя на фоне чудесного пейзажа Крыма, где впервые побывала много времени спустя, уже в зрелые годы.

И вот теперь моей артистической персоной заинтересовались киношники из Средней Азии. В каком фильме и какую роль мне предстояло играть, я совершенно не представляла, знала лишь, что на натурные съемки мне придется выезжать в районы Средней Азии. Там же мне надлежало некоторое время жить и учиться. Это обстоятельство меня немного расстраивало, и прежнего восторга от приобщения к миру кино уже не было.

Гостиничные двери поминутно открывались, и я уже нетерпеливо всматривалась в лица, вплывавшие в дверной проем, пытаясь издали узнать Шарипова.

Очередного посетителя впустил широким гостеприимным жестом "дворецкий" гостиницы в золотой униформе. За полчаса ожидания я уже видела великое

множество их, но этот выделялся из безликой массы и привлек мое внимание. Этот довольно примечательный мужчина гипнотически притягивал к себе взгляд.

Он был в дорогом сером костюме, сорочка цвета морской волны, большие роговые очки. Лохматая, словно распотрошенный кочан капусты, голова. Нос, казавшийся ему "не по мерке" — слишком широкий. Из-за слегка согнутого в пояснице туловища взъерошенная эта голова клонилась вперед с "экраном" большого квадратного лба. Руки его расслабленно свисали к бедрам, а кулаки, словно в нервном тике, то сжимались, то разжимались. Был он средних лет, не очень высокий, худощавый. Шел медленно, поминутно оглядываясь, с усилием отрывая ноги от пола. Казалось, что он кого-то ищет, но двигался неизменно к моему креслу. Приостановился, заметил меня и, уже не оглядываясь, направился в мою сторону.

Подошел ко мне, и я увидела его глаза: пронзительные, ироничные, с бесовскими искорками и чуть усталые.

Мужчина, мягко улыбаясь, сказал:

— А шейн мейделе... (Красивая девочка) .

Я смутилась от похвалы. А он на плохом русском языке спросил, как меня зовут. Я ответила, что настоящее мое имя Тауба (что значит голубь), но обычно зовут меня Таней.

— Тайболе..? — переспросил он, — Голубушка..? Ты кого-то ждешь? Зачем ты тут сидишь?

Полузакрыв глаза и еще ниже опустив голову, слушал мой ответ... Нижняя губа его полуоткрытого рта нервно вздрагивала, брови сдвинулись к переносице, и в глазах — щемящая сердце тоска.

— Нет! — сказал он громко, почти выкрикнул. — Нет!Ничего этого уже не будет!

— Чего не будет? — спросила я незнакомца испуганно.

— Ничего: ни фильма, ни поездки, НИ-ЧЕ-ГО!.. И надолго!

Произнес он свою краткую тираду тоном пророка — внушая мне мистический страх своей безаппеляционностью.

Так, видимо, волхвы и кудесники предсказывали людям беды... Ничего больше не добавив, той же медленной тяжелой походкой он ушел к лифту, а я осталась, ошарашенная и нежданным его появлением, и таким же мгновенным исчезновением, напуганная этим апокалиптическим "НИ-ЧЕ-ГО!"

Кто этот незнакомец? Из реального ли мира? Доведется ли свидеться с ним?

А кинодеятель все не появлялся, да я уже и не думала о его приходе. Глаза растаявшего только что кудесника и его слова занимали меня в те минуты гораздо больше...

Глава 2. ВОЙНА

Прошло только несколько дней, и 22 июня началась война, и ничего уже не было: ни съемки фильма, ни поездки в Среднюю Азию, ничего того, ради чего я приходила в гостиницу "Москва".

Как все беды приходят нежданно, так и ненастье войны хлынуло в Россию без предупредительного стука. Уже в июле москвичи почувствовали тяготы военного времени. В магазинах исчезли продукты, удлинялись с каждым днем очереди, объявленный комендантский час и патрули на улицах — все говорило о том, что пожарище приближается к столице. И это было так странно: ведь был разгар лета — такого

упоительного, полного неги и кипения в природе Подмосковья, в парках и скверах самой Москвы, и не верилось, что уже совсем близко — Война. Но это была реальность, и моя юность после розовой беззаботности вступала раньше времени на путь горестных испытаний.

С раннего детства я мечтала о медицине, пока меня не сбила с толку неожиданная карьера актрисы. Но начавшаяся война лишь укрепила мои давние мечты, и 1-го сентября я стала студенткой.

Куда только нас, студентов, не отправляли в помощь. Летом на колхозные работы: убирали хлеб и картошку с полей, помогали на скотных дворах. Зимой разгружали вагоны с углем, дровами, и многое другое делали.

Было голодно, холодно и физически очень трудно, но в такой же ситуации были и все остальные вокруг, и это помогало мне перенести трудности и жить с надеждой в ожидании победы над нацизмом и встречи с отцом, братом и близкими, которые были на фронтах.

Так прошло два года.

1943 год. С фронта все чаще и чаще стали приходить обнадеживающие вести. Немцы отступали, появилась реальная возможность победы, хоть до нее и было еще так далеко.

Надо заметить, что во время войны многие обиды людей на сталинские репрессии, несогласия с системой, внутренние проблемы отодвинулись на второй план. У всех появился один общий и страшный враг.

И тут сработал сыновний инстинкт любви к Родине, любовь к родному очагу и земле. С самого начала войны многие, особенно молодежь, искренне стремились попасть на фронт.

По призыву Ленинградского Райвоенкомата Москвы формировались бригады из медицинских работников для фронта, и я в числе студентов-добровольцев

была направлена в распоряжение военных властей Полесья (Белоруссия), откуда только начали отступать немецкие дивизии.

Там свирепствовала эпидемия инфекционных заболеваний, в том числе и тифа. А так как медицинских кадров катастрофически не хватало, то меня, хоть я была и без диплома, незамедлительно назначили заместителем начальника эпидемиологической станции и одновременно начальником отдела вакцинации города Мозыря.

Город лежал в сплошных руинах.

Еще более были разрушены человеческие судьбы.

В землянках — трупы женщин, детей, стариков. Я никогда не смогу, наверное, забыть мертвую мать, около которой ползала дистрофическая девочка и пыталась сосать застывшую грудь...

Медицинский персонал занимался не только лечением и профилактикой, но и должен был устраивать сирот, сжигать разлагающиеся трупы и дезинфицировать все годные для жилья помещения. Приходилось работать за двоих, за троих, не покладая рук.

А отступавшие немцы продолжали напоминать о себе ночными бомбежками, и в одну из них я была ранена в ноги. После выздоровления продолжала свою работу, и лишь после окончательных мер по ликвидации эпидемий смогла вернуться домой. Довольно быстро наверстав пропуски в учебе, я догнала сокурсников и через некоторое время получила долгожданный диплом.

Наступил мир. Через год я вышла замуж, и у нас родился сын Саша. Но вскоре мне пришлось воспитывать сына одной. А это было чрезвычайно тяжело материально, ведь медицина в СССР одна из самых низко оплачиваемых областей.

Я пыталась отыскать среди моих увлечений, как сейчас принято говорить — хобби — такие,

которые могли бы дать мне лучшие заработки.

Меня всегда влекло к искусству фотографии, да и в прозе я часто пробовала свое перо. После долгих мучительных колебаний я решилась временно сменить профессию. Двухгодичные занятия при Доме журналиста и знакомство с известными фотокорреспондентами открыли мне дорогу в печать.

Глава 3. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С КУДЕСНИКОМ.

В 1953 году, оставив медицину, я, в должности фотокорреспондента, выехала на документальные съемки в Грузию. Первую остановку на грузинской земле я сделала в Батуми, в прекрасном городе у моря, знаменитом своими искусными кустарями — чеканщиками по серебру и меди.

Затем мне надлежало сделать фоторепортажи в столице горной республики, и вскоре я прибыла в Тбилиси. От гостиницы, носившей имя самого города — "Тбилиси", где я сняла номер, рукой подать — концертный зал.

В первый свободный вечер я решила познакомиться с искусством Грузии. Мне было безразлично, что шло в той вечерней программе: концерт народного искусства или классический спектакль. Но афиша объявляла о Вольфе Мессинге — человеке, читающем мысли, о котором я уже много слышала и которого мечтала увидеть. Мне повезло с билетом и...

Вот я сижу в зале, потрясенная только что происшедшим на сцене и, вспоминая прошлое, мучаю себя вопросами.

Моя молодая память могла удержать его образ.

2. Татьяна (Тайболе) Лунгина. Грузия, 1954 г.

Удивительного в этом ничего не было. Но как он мог запомнить меня и узнать, да еще удержать в памяти мое имя, названное единственный раз двенадцать лет назад?!

И опять мое воображение будоражило его ясновидение, проявившееся в предсказании:"НИ-ЧЕ-ГО!" Что это? Мистика? Феноменальный дар провидца? Память? Но сеансы на сцене к памяти не имели отношения. А, может быть, это от Бога? Последний вопрос звучал нелепо. При том активном атеистическом воспитании, которое мы получили в те годы, в Бога мало кто верил, только древние старушки и старики, и то исподтишка, потому что это каралось законом. А если не от Бога, то что же это?

Досмотрев "опыты" и не найдя ответа ни на один из вопросов, я вернулась в гостиницу и быстро уснула, устав от всех впечатлений.

Утром следующего дня, когда солнце золотило вершины горного отрога, я спустилась в гостиничный ресторан позавтракать. Наскоро перекусив, собралась уходить, как вдруг услышала позади себя спор нескольких мужчин, в котором выделялся голос, кажется, мне знакомый.

Речь шла о каких-то очках, потерянных, но находившихся по утверждению их владельца в кармане официанта, отсутствующего в этот момент в общем зале.

Его грузинские собеседники темпераментно возражали, что, мол, понятия не имеют об очках. Я обернулась. Да, это был он. Раздраженный Мессинг сделал несколько шагов в мою сторону.

— Тайболе, — обратился он ко мне, как к старой знакомой, — какое безобразие! Мне, Мессингу, не ве-е-рят!

Но тут вмешался метрдотель и все благополучно разрешилось.

Мессинг был, конечно, прав! Очки нашлись и именно у того, на кого он указывал...

Глава 4. АИДА МИХАЙЛОВНА

Положив очки в футляр, Мессинг взял меня под руку, и мы вышли на шумную улицу. У меня было странное чувство естественности происходящего. Словно это встреча была давно кем-то назначена, и я шла спокойно, без сомнений, подчиняясь какой-то уверенной и чужой силе...

У входа в гостиницу его ждала женщина. Я узнала в ней "ведущую", помогавшую Мессингу во время сеанса.

Мессинг представил мне ее: — Это моя жена.

Женщина с улыбкой протянула мне руку: — Аида Михайловна.

На сцене она держала себя строго, вела сеанс без улыбок и шуток, как подобает всякому выступлению, не связанному с чисто развлекательным характером номеров. В жизни — полная противоположность сценическому образу. Приятная собеседница, внимательная слушательница (последнее встречается среди женщин весьма редко). Поражала ее чувствительность к чужому настроению, неназойливая внимательность, корректность, интеллигентность и чувство юмора. При всем этом — притягательная простота. Ей легко удавалось искусство общения с мужем. Она хорошо знала его слабые стороны, которых, безусловно, больше у одаренных людей, нежели у простых смертных, уже хотя бы по причине их более тонкой душевной конституции. Она почти неотступно была с ним, а порой ей

приходилось проглатывать незаслуженную обиду, переносить частые его капризы. Значительно позже, когда я ближе и пристальней рассмотрела Вольфа Мессинга, я поняла, что в семейнэй жизни ему повезло; впрочем, он-то мог предвидеть, какой будет его подруга жизни.

Трудно представить себе другую женщину, которая могла быть столь самоотверженной и уступчивой, как Аида Михайловна. Я бы, например, при всем моем глубочайшем уважении и даже восхищении Мессингом, не могла быть такой. Слишком уж моторной и болезненно-чувствительной реакцией он обладал. Причем, относилось это к самым незначительным мелочам. К примеру, стоило кому-то задержаться, придти на три-пять минут позже условленного — скандал. Мессинг никогда не спрашивал о причинах вашей задержки. Если причина была серьезной, он это чувствовал и озабоченно молчал, если же это было просто неряшливое отношение ко времени, то неизменно раздраженно повторял:

— Безобразие, п а н э м а е т е!

Возбужденный, с мечущимися глазами, с отвислой дрожащей нижней губой, с трясущимися руками, он часто был не очень-то приятен. И прикуривал одну сигарету от другой. Но сам был очень пунктуален и даже педантичен.

Во время этих сцен Аида Михайловна тактично смягчала его порывы, находила умные и нужные слова утешения, ласково называла его — ”Вольфочка”.

А ”Вольфочка” слушал ее, иронично скашивал глаза, но постепенно сменял гнев на милость и успокаивался.

В такие минуты я недоумевала — кто же кого гипнотизирует?

Но все это я узнала и поняла гораздо позже, а сейчас мы шли втроем по красивому Тбилиси, наслаждаясь обилием зелени, весенним солнцем, любуясь

старинными зданиями. Это была моя первая встреча с Мессингом и я несколько нервничала, зная о его способности читать чужие мысли. Я старалась думать о чем-то нейтральном, но в голову, как назло, лезли всякие мысли. И чтобы нейтрализовать их, я нашла, как мне показалось, блестящий выход. Я стала мысленно петь. Это была пустая песенка:

У попа была собака, поп ее любил,
Она съела кусок мяса, он ее убил.
И в землю закопал, и надпись написал,
Что у попа была собака, он ее любил,
Она съела кусок мяса, поп ее убил... и т. д.

Эту песенку можно было петь без конца. Так мы шли минут десять. Я себе пою. Мессинг шел посередине, держа нас под руки. Все было прекрасно и спокойно. Во всяком случае для меня. Вдруг Мессинг остановился, повернулся ко мне и, как обухом по голове:

— Тайболе, не надоело тебе петь про этого дурацкого попа и нахальную собаку? Ты других песен не знаешь?

И пошел дальше. Если бы он не держал меня под руку, я бы так наверное и села на тротуар. Ведь, не считая 1941 года, это была моя первая личная встреча с Мессингом как с телепатом.

Аида Михайловна никак не отреагировала, видимо, для нее это было привычно. Что же касается меня, то произошло что-то странное, словно я выпила какое-то лекарство: я успокоилась, думалось лишь о том, что было вокруг. Так это и осталось на все последующие годы: когда бы я ни была рядом с Мессингом, всегда было очень спокойно на душе, и никакие нежеланные мысли в голову не приходили. Остаток утренней прогулки прошел славно.

Мне в тот день надо было еще отлучиться по

работе, но мы договорились, что вечер вновь проведем вместе. Тем более, что у Мессингов в тот день выступлений не было.

Встретившись вечером, мы отправились ужинать на гору Мтацминда, одно из излюбленных мест отдыха тбилисцев и туристов. Мтацминда грузины еще называли "Святая гора". На этой горе находился великолепный парк с хорошим рестораном. К пятисотметровой вершине горы проведен фуникулер.

В центре Святой горы есть святое место — кладбище, где похоронены все знаменитые деятели Грузии. Мы решили заглянуть туда. Пантеон произвел на нас сильное впечатление. Бросалось в глаза обилие княжеских титулов. Нынешнее правительство не решилось перенести или уничтожить могилы старой грузинской аристократии, и в наше время традиция сохраняется. Наряду с действительно талантливыми и знаменитыми художниками, поэтами, актерами хоронят здесь и нынешнюю партийную "аристократию". Здесь же похоронена мать одного из величайших злодеев истории — Сталина.

Ее памятник выше других и очень выделяется.

А вот и другая могила — великого русского писателя Александра Грибоедова.

Мы заглянули с почтительным трепетом внутрь склепа, вход в который прикрывала узорная решетка. У небольшого памятника Грибоедову бронзовая фигура женщины с низко склоненной головой. Лица женщины не видно из-за ниспадающей траурной накидки, усиливающей печаль.

Бронзовое изваяние изображает Нину Чавчавадзе — жену поэта. На памятнике высечены ее слова:

"Слава о тебе будет вечно в памяти русской, но почему любовь моя пережила тебя".

Нина Чавчавадзе овдовела в 22 года. Великая любовь к мужу удесятерила боль потери. Замуж

3. Вольф Мессинг, его жена Аида Михайловна и Т. Лунгина

она больше не выходила и умерла совсем молодой.

Вольф Григорьевич все внимательно осматривал — тут он был педантичен, вникал в мельчайшие подробности, расспрашивал о том, чего не знал или не понимал. Казалось даже, что его интересуют самые пустяшные, ничего не значащие мелочи. А потом я стала понимать, что и в других случаях он так же вникал во все мелочи, в суть явлений и образов, недоступную другим.

Затем мы поднялись на вершину горы, где расположен был экзотической конструкции ресторан. Облюбовали для себя столик на открытой веранде, чтобы не терять из виду панораму вечернего города. А вид сверху на город был просто потрясающий, и мы молча и долго смотрели на вечерний Тбилиси с утеса, поросшего деревьями южных пород и увитого лозами дикого винограда.

Аида Михайловна заботливо разрезала Вольфу Григорьевичу кусочки мяса, размешивала сахар в его стакане с чаем. А он сидел беспомощный, безинициативный, расслабленный. Видно, что он изрядно устал. Да ничего удивительного. Уже на его первом выступлении я заметила, что своим психологическим опытам он отдается всецело, исступленно, и уже ни на что другое у него не остается сил. На сцене он всегда в состоянии нервного напряжения, да не только сам нервничает, но и всех зрителей в зале заставляет быть в напряжении.

Переглянувшись с Аидой Михайловной, мы без объяснений поняли: ему нужен основательный отдых. Сделав несколько фотоснимков, мы вернулись в гостиницу. Оказалось, что мы жили на одном этаже, почти рядом. На второй этаж он поднялся с трудом.

Но почему с трудом? Возраст? Да ему ведь лишь где-то за пятьдесят лет. И на сцене во время выступлений он так энергично и быстро двигается. Порой даже бегом. "Видимо, он просто устал", — так я тогда решила.

4. Мессинг с женой и Т. Лунгиной в Тбилиси, 1954 г.

В оставшиеся дни нашего пребывания в Тбилиси все свободное время мы проводили вместе. Я не замечала, что когда-либо бывала им в тягость. Но пройдет еще много месяцев, пока мы станем настоящими друзьями.

Глава 5. БУДНИЧНЫЕ ТРЕВОГИ

Я старалась приучать себя к самодисциплине, особенно, если это касалось работы. И фотопленки по материалам журнальных заданий стремилась всегда, так сказать, по горячим следам, на месте проявлять. Это частенько не совпадало с моим настроением, мешала усталость. Однако, с практической стороны это было удобно тем, что в случае неудачи была возможность продублировать съемку на месте, а не обнаружить брак уже в издательстве. Тем более, что я уже слышала о подобных вещах.

Например, у Олега Кнорринга, одного из ведущих фотокорреспондентов журнала "Огонек", чуть было не случились большие неприятности, когда из поездки на Дальний Восток (весьма дорогостоящей командировки) он возвратился в Москву, не проверив на месте отснятый фоторепортаж. А пленка оказалась бракованной. И ему это сошло с рук только потому, что он в свое время был обласкан самим Сталиным, которого удачно снял держащим на руках Мамлакат — узбекскую девочку, сборщицу хлопка. Фотопортрет был отлично выполнен технически и к тому же изображал вождя любящим детей и близким к народу...

Для всех фотожурналистов, не имевших еще громкого имени, его ошибка была назидательным уроком.

Срок моей командировки подходил к концу, поэтому я решила немедленно приступить к проявке пленок, чтобы убедиться в их качестве.

Работу мою прервал настойчивый стук в дверь. Это была Аида Михайловна. Она просила зайти к ней ненадолго, пока Вольф Григорьевич на время отлучился из номера. Последние несколько дней я замечала, что стала пользоваться доверительным отношением их обоих. Я оставила работу и пошла к ней в номер.

Едва она успела рассказать мне о своем серьезном недомогании, как вошел Мессинг и тут же с порога:

— Что случилось?.. Тебе плохо? — Он был так взволнован, что даже не поздоровался со мной. Аида Михайловна молчала.

— Аидочка, ты должна обратиться к специалисту... Не шути с этим!

Супруга отнекивалась, повторяя свое излюбленное — "Вольфочка"...

Но тут Мессинг, впервые на моей памяти, произнес твердым, стальным голосом:

— Это тебе не Вольфочка говорит, а Мессинг!

Да, он был прав. Лишь позднее стало ясно, что наступило начало ее конца...

А через день я провожала их в Москву. Условились, что дружба на этом не прервется.

На вокзале они припомнили, что не отправили телеграмму какой-то своей Ирочке. Отправить ее поручили мне, что я тут же и сделала.

Я возвращалась с вокзала со смешанным чувством грусти и радости. Что-то незримое нас объединяло в эти дни. А может быть, я предчувствовала интуитивно, что многие годы моей жизни пройдут рядом с жизнью этих интересных людей.

Глава 6. ПАСХАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Вернувшись в Москву вечером, я уже наутро пришла в редакцию, чтобы сдать собранный материал. Моими фоторепортажами, кажется, остались довольны, и я получила несколько дней отдыха. Решила немедленно позвонить своим новым друзям и получила приглашение посетить Мессингов в первый же день пасхи. Я не заставила себя уговаривать. Жила я тогда в четверти часа ходьбы от Красной площади, а к Мессингам нужно было добираться через весь город.

Они жили на Новопесчаной улице. В начале 50-х годов зто еще была окраина Москвы. Так что на дорогу ушло более часа, но весенняя Москва накануне цветения лип располагала к умиротворению, и дорога не казалась мне ни дальней, ни утомительной.

Трехэтажный дом стоял в глубине двора. Двор с ухоженными клумбами напоминал старинный двор с картины Поленова. Поднялась на второй этаж и сразу заметила на двери медную пластинку — Вольф Мессинг. И нет никакого пояснения, вроде: "доктор оккультных наук, маг и волшебник..."

На звонок первой откликнулась собака — сочным незлобным рычанием. Дверь отворила Аида Михайловна, и сразу же за ее спиной всплыла косматая голова Вольфа Григорьевича.

Оба были любезны и искренне рады моему приходу.

Обстановка квартиры, начиная с прихожей, весьма и весьма скромная. В первой комнатушке-коридорчике — старинный, окованный железом сундук, какие сейчас, в пору массовой ностальгии по прошлому, в большой моде. Над ним вешалка для одежды. Кроме прихожей — единственная жилая комната, да кухонька метров девять.

Пока я осматривала жилище, за мной по пятам, все еще урча, следовала огромная чистокровная немецкая овчарка.

В узкой прямоугольной комнате-гостиной (она же и столовая и спальня) бросался в глаза большой круглый стол, у стены — не первой молодости диван, но рядом с письменным столом на высоком журнальном столике стоял редкий в те годы большой телевизор, подаренный, как я впоследствии узнала, Председателем Совета Министров в благодарность за лечение сына от хронического алкоголизма. Небольшой буфет, заставленный посудой — разрозненными предметами из столовых сервизов белого фарфора работы фабрики Кузнецова.

А у широкого окна, занимавшего почти всю стену, — кресло-кровать. В нем сидела совершенно седая женщина, седину которой можно было принять за парик, — столь моложаво выглядело ее лицо.

Меня познакомили: — Это наша Ирочка, моя старшая сестра, — сказала Аида Михайловна.

Женщина, не поднимаясь, подала мне руку:

— Ираида Михайловна...

Так вот, значит, какой "девочке" Ирочке я отправила телеграмму с тбилисского вокзала! И лет ей, конечно же, под шестьдесят.

Аида Михайловна тем временем стала хлопотать у стола, а Вольф Григорьевич деловито расспрашивал о делах в издательстве, как всегда дотошно вникал в мелочи.

Пока стол празднично и пышно оформлялся в духе московского гостеприимства, я узнала многое о других "членах семьи": немецкой овчарке Дике и Левушке — кенаре в клетке.

Вольф Григорьевич, словно речь шла о сыне или внучке, дважды повторил, что Дик аристократически воспитан, и за дрессировку он заплатил полторы тысячи. Тогда это были немалые деньги.

И еще я обратила внимание на множество книг, разбросанных повсюду: на шкафу, на полках, даже под стульями и под столом. Но, несмотря на такую хаотичность, чувствовалось, что отношение к книгам бережное.

Вольф Григорьевич был в истинно праздничном, пасхальном настроении: атеист (по его собственным словам), он всегда радостно встречал все свои национальные праздники. Не подчеркивая при этом религиозную суть...

Стол, между тем, был накрыт. Все чинно усаживались. Отдельное, подчеркнуто заботливое приглашение — Ираиде Михайловне. Она медленно поднялась, упираясь руками в подлокотники кресла и, не передвигая ноги, а волоча их, напрягаясь всем корпусом, стала подвигаться к столу. Она была в брюках, так что не было ясно: врожденный ли у нее дефект или травма. Но вот все собрались у праздничного стола, и я увидела — подана фаршированная рыба, кнейдлики и даже маца. Все, ка́к должно быть и что́ должно быть у евреев на пасхальном столе. Вольф Григорьевич надел белое платье — китл, как некогда делал мой дедушка, подпоясался белым шнуром — гартлом и провел сейдер до конца. Из памяти еще не выветрился кошмар процесса еврейскийх "преступников-врачей", и потому такая религиозная церемония и кулинарная вольность могли в те времена сойти за подвиг.

Отведав угощений, я отметила про себя, что Аида Михайловна еще и искусный кулинар.

Подняли бокалы, поздравили друг друга с Пасхой. По знаку Вольфа Григорьевича все умолкли.

— Я надеюсь, я... уверен, что у Бурденко Ирочку спасут!

Последнее слово он как-то нервно выкрикнул.

— Правда, Вольф Григорьевич?.. — Лицо Ираиды Михайловны осветилось надеждой.

— Это вам не Вольф Григорьевич, а Мессинг говорит!

Так во второй раз я услышала эту фраэу, звучащую как заклинание. Надо полагать, что называя себя в третьем лице, он отделял себя от обычного человека, а для них еще и своего, домашнего — Вольфа Григорьевича, вкладывая в свою фамилию особый смысл.

Когда я помогала Аиде Михайловне мыть посуду на кухне, я не выдержала и спросила:

— Как вы не боитесь быть с человеком, который читает ваши мысли?

— А у меня не бывает плохих мыслей, — спокойно ответила она.

Хотелось спросить еще об Ираиде Михайловне и о здоровье самой Аиды Михайловны, но я решила, что, быть может, сейчас не время. Уже стемнело, пора было и честь знать. Поблагодарив за радушие и праздник, я уехала домой.

Глава 7. ИСЦЕЛЕНИЕ

Быстротечное время все больше укрепляло нашу дружбу. Не знаю, стала ли я полноправным членом семьи Мессингов, но определенно стала замечать, что относятся они ко мне, как к родному человеку, делятся сокровенными мыслями и планами, что явно выходило за пределы обычной благожелательности. Я, в свою очередь, старалась отвечать взаимностью.

Через несколько недель после пасхи я была приглашена на чрезвычайный семейный совет. Решался вопрос о срочной операции позвоночника у Ираиды Михаловны. Теперь я поняла, почему она не ходит. Опухоль! Но семейный совет оказался условный: все уже решено, вопрос — делать операцию или нет был чисто

риторическим. Окрыляло благословение Вольфа Григорьевича.

Госпиталь имени академика Бурденко не только одно из известнейших медицинских учреждений в нынешней России, но и одно из самых привилегированных. Туда приглашены лучшие медицинские светила. Оборудован госпиталь новейшей аппаратурой. Как правило, на лечение попасть в него не просто. Нужно принадлежать к элите советского общества или иметь высокий военный чин, на худой конец — быть заслуженным пролетарием либо найти хорошую протекцию.

Николай Бурденко принадлежал к числу талантливейших ученых-новаторов, которым чужда была косность. Даже в самые трудные для советской науки годы, когда на научном олимпе правили карьеристы-догматики, Бурденко шел своим, независимым путем. Он стоял у истоков молодой тогда нейрохирургии, много сделал в области военно-полевой хирургии, за что даже был принят в почетные члены Лондонского Королевского общества. По счастливой случайности он не попал в кровавые жернова 1937 года. Более того, именно в тот кошмарный 37 год был назначен Главным хирургом армии.

И вот в этот-то госпиталь и предстояло лечь Ираиде Михайловне для серьезной операции.

Можно представить себе ее волнение в тот день. Ведь операция предстояла на позвоночнике, и при малейшей неточности или оплошности неизбежен общий паралич. Да и наркоз должен был даваться через интубатор прямо в трахею. В госпитале было новейшее оборудование, однако общий интубационный наркоз в те годы был еще новинкой, техникой мало кто владел, и чаще всего применялась эфирная маска. Лишь значительно позже в клиниках широко научились интубировать больного с подключением кислорода к эфиру и закиси азота. Но мы надеялись, что уж

в этом-то госпитале медики не подведут.

Позже, когда я сама, работая в клинике, давала больным общий наркоз, я не раз вспоминала этот тревожный день.

К счастью, скоро тревога сменилась облегчением. Как нам сказали, операция прошла благополучно. А Вольф Григорьевич, заранее предвидя такой исход, внешне казался спокоен, хотя курил одну папиросу за другой, когда мы ждали результата в вестибюле госпиталя.

Надо отметить, что его заслуги в том, что Ираиду Михайловну поместили в привилегированный госпиталь, вовсе не было. Он всегда был противником всякого "блата", никогда не извлекал пользы из своей славы. Для этого он был слишком скромен и застенчив.

Но возвращаюсь к Ираиде Михайловне, ко дню, когда решили позволить ей вставать с постели.

Операция-то прошла успешно лишь в том смысле, что Ираида Михайловна осталась жива, и никаких видимых осложнений не возникло. Но ведь под полным успехом обычно подразумевается исцеление от недуга или хотя бы частичное выздоровление.

И потому у всех одна мысль — встанет ли на ноги?

Встала! Робко, с первым неуклюжим падением, но встала.

Так что вернулись мы тогда из госпиталя, изрядно переволновавшиеся, но счастливые. Несколько шагов, сделанных ею в присутствии врачей и на наших глазах, окрыляли: болезнь побеждена! Да еще как! Много лет спустя я сама видела, как Ираида Михайловна, забыв ключи от дачи, перелезала через забор, словно мальчишка.

Итак, предсказание Мессинга сбылось.

После обеда, поданного Аидой Михайловной, сидели расслабленные и говорили об Ираиде Михайловне.

Много хороших слов было сказано в ее адрес. Мне стало известно, что в прошлом она была актрисой. Жила и работала в Ленинграде. Что она пережила ленинградскую блокаду, похоронила там мужа, умершего от голода. К моменту снятия блокады была полнейшим дистрофиком и в таком состоянии прибыла в Москву к сестре, которая уже была замужем за Мессингом.

Было уже часа четыре. Мне казалось, что на сегодня все темы обговорены и, пожалуй, скоро пора будет прощаться. Но вдруг... Далее произошло то, без чего эта книга вряд ли была бы написана...

Вольф Григорьевич закурил, оживился и обратился ко мне:

— А хочешь, я тебе о себе расскажу?

— А я о вас все знаю из рассказов Аиды Михайловны...

— Все, да не все. То Аидочка — обо мне, а то я — о самом себе!

...И спустя десять лет Вольф Григорьевич использовал мои записи для своей автобиографии, которая была опубликована в журнале под таким же заголовком — "О самом себе".

Глава 8. МЕССИНГ РАССКАЗЫВАЕТ

— Я плохой рассказчик, — начал Мессинг, — но надо же когда-то попробовать рассказать все, что хранится в этом банке, — и он, улыбаясь, постучал себя по лбу. Своими длинными костлявыми пальцами, цепкими, как щупальца осьминога, достал из портсигара папиросу, прикурил от зажигалки и смачно затянулся.

Да, рассказывал он, и правда, плохо, то забегал вперед, то повторялся, так что нужно было внимательно следить за нитью повествования, чтобы уловить суть. Я частенько переспрашивала его, иногда на самом интересном месте. Он не сердился, повторял непонятное.

— Я родился в канун нового века — 10 сентября 1899 года, в небольшом местечке Гора-Калевария вблизи Варшавы. Тогда мы входили в состав Российской Империи. Трудная была жизнь у евреев того местечка, как впрочем, и многих других. Монотонная, наполненная страхом, суеверием и борьбой за кусок хлеба, за крошечный пятачок под солнцем.

...Я рано сбежал из дому, а потому не могу много рассказать о жизни нашей семьи. Отец работал в саду, который нам не принадлежал, ухаживал и следил за фруктовыми деревьями, малиновыми кустами и смородиной. Ясно вижу и сейчас ласковые глаза матери. И еще помню братьев — по веселым и драчливым играм. Очень памятен — да и как иначе! — приезд знаменитого, к тому времени уже классика еврейской литературы, писателя Шолом-Алейхема. (Снова глубокая затяжка "Казбеком"). Приехал-то он не специально в наше захолустье, а только проездом, но судьба подарила мне встерчу с ним лично.

Внешне он запомнился мне таким: небольшая бородка, пышные усы, а главное, добрый, внимательный взгляд из-под очков. Он ласково потрепал меня

по щеке и почему-то, ни с того ни с сего высказал мысль, что мне-де предстоит блестящее будущее. Это не было, конечно, предсказанием пророка. Просто Шолом-Алейхему хотелось видеть в каждом еврейском мальчике грядущую знаменитость.

Больше мне ни разу не пришлось встретиться с этим удивительным человеком, но именно с той поры я полюбил его всей душой: за великий гуманизм его таланта, его книг.

Наша семья была ортодоксально религиозной, порой до фанатичности. Мысли о Боге пронизывали не только сознание моих родителей, но и каждый незначительный шаг и поступок в их жизни. Господь представлялся им требовательным, но справедливым вершителем человеческих судеб. Отец, в противоположность матери, лаской нас не баловал. Не приведи Господь заявиться к нему с жалобой. Нытиков и плакс он не любил, мог беспощадно высечь именно за то, что прежде него тебя кто-то обидел. Он старался вырастить из нас жестких и выносливых звереныщей, способных постоять за себя в этом жестоком и беспощадном мире...

— ...Понимаешь, Тайболе, — перебил сам себя Вольф Григорьевич, обращаясь ко мне, — у меня не сохранилось, к сожалению, ни одной фотографии ни отца, ни матери, ни кого-либо из братьев. Я жил в трудные времена. Мать скончалась от сердечного приступа, с моим именем на устах, отец и братья погибли насильственной смертью — кто в концлагере Майданек, кто в варшавском гетто... —

Сжатым кулаком поднес к губам папиросу, и лихорадочным огоньком вспыхнул на его пальце бриллиант.

— ...Шести лет от роду я пошел в еврейскую школу — хейдер — учиться. Главным предметом программы был Талмуд, тексты которого требовалось заучивать наизусть. Я обладал неплохой памятью, и мне это без

труда удавалось. Меня даже ставили в пример нерадивым ученикам. Вот почему меня и представили Шолом-Алейхему.

В детстве я не сомневался в существовании Бога. Напротив, иной взгляд казался мне кощунственным, преступно дерзким. И раввин, обратив внимание на мою раннюю набожность, решил послать меня в иешиву, чтобы подготовить к карьере раввина. Родители были бесконечно рады, ибо считали это за великую честь. Да и слову раввина подчинялись беспрекословно. Но меня, признаться, такой оборот не очень обрадовал. Почему? Не знаю... Может, надоела зубрежка, может, что иное, но я стал решительно противиться уготованной мне судьбе. Меня настойчиво уговаривали, упрашивали, а когда не помогло, то и били, несмотря на мое "призвание". Я же упорствовал, и в конце концов все от меня отстали, — Вольф Григорьевич постучал по ладони другой руки, поправил съехавший набок перстень и продолжал:

— Однажды под вечер отец отправил меня в лавку за спичками. Уже смеркалось, а когда я возвращался к дому — совсем стемнело. И вот тут-то и произошло первое в моей жизни чудо, роковой печатью предопределившее всю мою дальнейшую судьбу. Быть может, не чудо, а, как говорят, знамение, исполненное глубокого для меня смысла.

На ступеньках крыльца в бликах затухавшей зари выросла гигантская фигура в белом облачении, и я отчетливо расслышал слова, сказанные глубоким низким басом, который и сейчас звучит у меня в ушах:

"Сын мой! Свыше я послан к тебе... Предсказать твое будущее... Стань иешиботником! Небу угодны молитвы твои!"

Мессинг умолк, вернее сказать, затих, так, видно, зримо он представил в эту минуту далекое видение из детства. Выдержав значительную паузу, чуточку тише продолжал:

— Сейчас мне трудно передать тогдашнее мое впечатление от этой встречи и от слов таинственного великана. Ведь нужно помнить, что я был тогда мистически настроен. Видимо, я упал и потерял сознание, потому что, когда пришел в себя, то увидел над собой лица родителей, читающих молитвы в экстазе. Успокоившись, припомнил, что со мной стряслось, и рассказал родителям. Мать печально покачивала головой, что-то бессвязно нашептывая. Отец же, проявив завидную выдержку и сосредоточившись на каком-то своем размышлении, вдруг вынес решение: "Так хочет ОН!"

Потрясение было настолько сильным, а слова отца столь вескими и решительными, что я больше не упрямился...

Вольф Григорьевич попросил крепкого чая с лимоном. Пока закипал чайник, он не проронил ни слова, даже сник и отрешенно смотрел в сторону. Отпив несколько глотков чая, оживился, складки у переносицы и на лбу разгладились, потеплел взгляд.

"Теперь вот нужно все ворошить в памяти,— подумала я, — разбудить в сердце, а за давностью все ведь улеглось, спрессовалось..."

И снова длительная пауза. Я не решалась торопить, терпеливо ждала. Стала рассматривать кольцо, которое он не снимал ни в праздники, ни в будни. Широкое, массивное, с четырьмя зубьями платины, охватывающими бриллиант, размером примерно в три карата.

Сделав пару глотков, взглядом попросил разрешение продолжать.

— А духовная школа находилась совсем в другом селении. Так впервые я покинул отчий дом, чтобы начать самостоятельную жизнь.

Молитвы... Талмуд... Все в пределах молитвенного дома. Там же и жил. Вскоре меня постигло новое потрясение. В одном из странников, часто находивших приют в нашей школе, я узнал того "посланника неба",

который указал мне от имени Бога предначертание жизни! Я узнал его сразу по громадному росту и необычайно редкому голосу.

Вот как! Значит, все это было подстроено отцом?!

Именно это событие поколебало мою веру, прежде столь глубокую. Разве Господь мог допустить, чтобы какой-то нечестивец от Его имени мог говорить! Я и сейчас считаю, что тот отцовский обман помешал мне стать раввином. Жуткое разочарование в отце, школе и даже религии овладело мной.

Разочаровавшись, я решил все оставить и отправиться куда глаза глядят. Да, я совсем упустил вот что, Тайболе. — Он взглянул на меня с плутовским прищуром своих усталых глаз. — Я забыл, что прежде чем я покинул школу, я совершил три преступления, одно из которых нельзя назвать иначе, чем святотатством. Совершая его, я мстил неведомо кому и за что: я украл кружку, в которую верующие евреи опускали свои пожертвования "на Палестину". Разбив ее, я забрал содержимое себе... Вот так-то! Но совесть жестоко мстила мне за это: я противен был сам себе, испачкав свою душу об эти жалкие восемнадцать грошей — девять копеек...

...С этим "капиталом" я и пустился странствовать по житейскому морю. А проще сказать — сбежал из школы. Мне тогда было только одиннадцать лет, и я не знал, что "все дороги ведут в Рим", но понимал, что начало всех дорог — на железнодорожном вокзале. Туда и направился. Добираясь, так проголодался, что не выдержал и в чужом огороде накопал картошки, испек в золе костра и тем совершил второе преступление, против заповеди — "Не укради!"

На станции я забрался в первый же проходивший поезд, шедший, как оказалось, в Берлин. Людей в вагоне было мало, а посему больше возможности попасться без билета. Пришлось лезть под сидение, где

и заснул сном "праведника". То было последнее нарушение общественных законов в моей жизни.

Во сне я, видно, сладко растянулся, ноги торчали наружу, и первый же ревизор обнаружил зайца.

— Твой билет? — спросил он, не церемонясь.

Я лихорадочно соображал, как мне выпутаться из неприятной ситуации. Нервы были натянуты до предела, я сжался в комок, словно готовился к рысьему прыжку. Бессознательно взял первую попавшуюся на глаза бумажку. Протянул контролеру. Наши взгляды встретились.

Как хотелось мне в тот миг, чтобы он принял грязный бумажный лоскут за билет!

Контролер взял бумажку, повертел туда-сюда, из-под бровей посмотрел на меня. Я совсем уплотнился в комочек и мысленно внушал ему: "Это билет... билет... билет."

Щелкнули железные челюсти компостера. Протянув "билет" обратно, добродушно улыбнувшись, сказал: "Что ж ты, братец, с билетом едешь под лавкой?"

Вот так впервые и неожиданно проявились мои способности к внушению... —

Некстати зазвонил телефон. Трубку взяла Аида Михайловна. Звонили из госпиталя сообщить, что Ираиде Михайловне несколько расширили режим. Значит, дело идет на поправку. Обрадованные такой новостью Мессинги решили тут же заказать продукты для больной в ресторане "Москва". Заказ должны были привезти в тот же день. Для них это делалось всегда быстро, так как прежде они около четырех лет жили в той гостинице, при которой был ресторан. И поэтому их фамилию знали очень хорошо. С жильем после войны было крайне туго, и только спустя несколько лет, по личному распоряжению Сталина, им выделили ту самую квартиру на Новопесчаной улице, в доме №8, где я сейчас слушала автобиографическую повесть Вольфа

Григорьевича Мессинга. Да, это действительно можно назвать повестью, а не просто биографией.

Закончены телефонные переговоры, Вольф Григорьевич, заметно повеселев, продолжил свой рассказ:

— Итак — Берлин! Раньше я как-то слышал, что в столице Германии на Драгунштрассе останавливаются бедные евреи. Я разыскал эту улицу, где и находился дом для приезжих. Устроился у них мальчишкой на побегушках, выполнял самую черную работу: подносил вещи, мыл посуду, чистил обувь, мыл полы.

Я считаю эти дни самыми трудными в моей нелегкой жизни. Берлин ошеломил меня своим многолюдьем и огромностью, уймой всяческих соблазнов, требовавших денег, которых у меня, увы, не водилось.

Однажды отправили меня с пакетом в пригород. Хроническое недоедание, наконец, сказалось, и я в голодном обмороке свалился на берлинской мостовой.

Привезли меня в больницу, как потом мне сказали, без пульса и без признаков жизни. Бездыханного поместили в морг.

Так бы и похоронили меня в "братской" могиле для беспризорников, но спасла чистая случайность, а может, и провидение. Студент-практикант заметил, что сердце у меня все-таки бьется, тихо, но бьется... это и спасло меня... —

Теперь зазвенел дверной звонок. Опять перебивают на самом захватывающем моменте. Первым к двери рванулся Дик, до этого "слушавший " своего хозяина, лежа под столом. Дверь отворила Аида Михайловна, и пропустила в прихожую молодую, лет 22-х, незнакомую девушку. Она передала пакет с продуктами хозяйке дома и попросила расписаться в получении заказа.

Мессинги поблагодарили ее за скорость доставки — ведь прошло не более часа, а девушка сказала: "Вам спасибо. В ресторане работает моя мама, она вас давно

знает. А я студентка медицинского института. Много слышала о вас, но никогда не видела, а так хотелось! И я вызвалась сама отвезти вам заказ." Откланялась и ушла.

Вольф Григорьевич вернулся на прежнее место, но к рассказу в тот вечер больше не возвращался. Как бы оборвал на полуслове.

Аида Михайловна разбирала принесенные продукты, вместе с Вольфом Григорьевичем планировала завтрашний день.

За окном наступил вечер. Я простилась с Мессингами и ушла.

Глава 9. В ОБ'ЯТИЯХ ЭСКУЛАПА

До метро "Белорусская" я добиралась пешком. Дорога заняла что-то около полутора часов. Ни времени, ни усталости я не заметила. Я думала о Мессинге!

На сцене во время выступлений Мессинг кажется зрителям человеком не от мира сего. Его нервное состояние передается всем присутствующим, он буквально электризует зал. А в момент выполнения задания его взгляд мечется со зрителей на индуктора и обратно. Прикрывая ладонью рот, всхлипывая, словно после рыданий, он шепчет "мамочка", и создается впечатление, что перед вами беспомощный человек, в лихорадке. Но в домашней обстановке он совершенно преображался. Спокойный, ласковый, расположенный к шутливости, предупредительный и галантный. Между сценическим его образом и поведением в быту не было видимой связи, могущей хоть что-нибудь прояснить. Человек-загадка... А по молодости лет меня неудержмо

влекло проникнуть в эту тайну, и узнать как можно больше о нем самом, обо всех и обо всем, что окружало его повседневно. Жаль, что приход девушки из ресторана остановил его. Но я утешала себя тем, что рано или поздно узнаю продолжение. Только бы ничего не помешало... Единственное, что меня волновало в тот день — опухоль у Вольфа Григорьевича. Я ее еще в Тбилиси заметила. Ниже правого уха, величиной с орех. (Да разве у него могут быть недуги, как у простого смертного?) Подсказать им, что с этим шутки плохи? Да уместно ли? Они оба должны понимать, что нужен хирургический осмотр. Вероятнее всего, заботы о других, полная отдача сил на выступлениях, болезнь сестры жены — все это отвлекало Мессинга от собственной болезни.

Вскоре возвратилась домой Ираида Михайловна. Узнала я об этом событии позднее, так как по делам издательства уезжала из Москвы. Ираида Михайловна ходила и в меру сил помогала по дому. Мессинги часто отлучались в гастрольные поездки, а Ираида Михайловна не была еще в полной форме. От этого пострадал Дик. Некому было гулять с ним. Приехали знакомые Мессинга и его забрали. Вольф Григорьевич ушел из дому. Этого видеть он не мог. Стало тихо и грустно в доме без Дика. Его все любили. Он был огромного роста, казался злым и ворчливым, а вообще был смирный, миролюбивый и добрый пес.

Когда я вернулась из командировки — новая напасть: в больнице сам Вольф Григорьевич. Прямо-таки наваждение! Но выписали его на следующий день после моего приезда, без каких-либо послеоперационных осложнений. Так что я застала его уже на ногах и в полном здравии.

А на операцию по удалению опухоли за ухом согласился, как он мне рассказал, легко и безбоязненно. Быть может, предчувствовал и в своем случае благополучный исход.

— Опухоль мне не мешала, — говорил он насмешливо, — но "мешала" зрителю. Я же знаю, что многие были убеждены, что именно благодаря этой шишечке я и читаю мысли на расстоянии. Она будто бы у меня как радиотелевизионная антенна, нечто вроде локатора...

Действительно, по Москве, да и в других городах среди обывателей ходили самые невероятные толки о способностях Мессинга. Поистине, безбрежная фантазия! Уверяли, что он, будучи заграницей, вшил себе под кожу за ухом специальный механизм: аппарат-улавливатель чужих мозговых импульсов. Другие россказни были еще невероятнее. Что-де за огромные деньги хирургическим путем вживлен в его мозг (наподобие того, как вживляют в землю грибницы шампиньенов) второй мозговой слой, который со временем "вырос наружу". Словом, с исчезновением "подозрительного" нароста исчезнет и его необыкновенный дар. Что какое-то научное общество в одной из Западных стран неофициально предлагало, в случае смерти Мессинга, миллион рублей за его мозг.

Все это Мессинга почему-то не злило, он как ребенок тщеславно наслаждался повышенным интересом к себе. И втихомолку посмеивался. Но, уходя на операцию, все же распорядился, не знаю насколько серьезно:

— Ну, а в случае чего... мой мозг останется здесь, в Москве!

Его оперировал Борис Петровский, тогда заведующий кафедрой госпитальной хирургии 1-го Московского медицинского института. Он уже тогда был в зените славы, имел немало научных трудов, множество проведенных сложных операций, а позднее достиг вершины административной карьеры, стал министром здравоохранения СССР.

Липому — жировую доброкачественную опухоль — удалили без труда, и вся операция прошла по классическим стандартам. В норму он пришел быстро и вскоре приступил к работе. Правда, меня всегда смущало это слово "работа" в применении к тому, что делал Мессинг. Работа ли это в обычном понимании?

В самой Москве Мессинг довольно редко проводил свои сеансы "Психологических опытов", но на периферию выезжал часто и с охотой. Особенно любил выступать перед студенческой аудиторией, когда любознательная молодежь до отказа заполняла зрительный зал, и все задания отличались особой сложностью и богатой выдумкой. Такая работа доставляла ему особенное удовольствие.

"Госконцерт", под маркой которого проходили все выступления Мессинга, числил его у себя в штате артистов оригинального жанра. Там к дару его относились как к практической антирелигиозной пропаганде, считали, что он демонстрирует отсутствие в природе всего сверхтаинственного и Божественного. Вот почему чаще всего он выступал в отдаленных районах Урала, Сибири и в Средней Азии, где, по мнению заправил Госконцерта, сильны еще были мистические предрассудки.

Какая ерунда! Разве опыты Мессинга могли укрепить претензии материализма на владение ключом ко всем тайнам природы?!

Но сказать, что Мессинг выступал только в деревенской глубинке было бы несправедливо. Маршруты его поездок пролегали из конца в конец Союза и включали в себя очень многие крупные города. Всюду и неизменно вызывал он к себе большой интерес.

Меня удивляло, что и сам Мессинг пытался поддерживать в публике официальную позицию в оценке собственных способностей, всякий раз подчеркивая,

что он-де обычный человек. Что за этим крылось? Скромность или нежелание вызвать гнев Свыше?

Однако я не уверена, всех ли находящихся в зале мог он убедить в обыденности своего дара. Аида Михайловна рассказывала, что однажды во время его выступления какая-то экзальтированная женщина выкрикнула: "Ваня, да он же святой!!!"

Такого к себе отношения Мессинг не любил. Подозреваю все-таки, что таковы были пожелания высоких государственных инстанций: не вызывать у публики "нездоровых мистических настроений". Ибо как же можно объяснить (и не увидеть в том противоречия), что Мессинг недоволен был тем, что проходил он в концертных ведомостях по графе "артист".

— Разве я артист?! — часто патетически вопрошал Вольф Григорьевич. — Артист готовится к выступлению, изучает и репетирует роль. Он четко знает, что и как он будет говорить и делать, в какой тональности играть... Я же не играю, до встречи с индуктором я понятия не имею, о чем будет речь, какое задание мне приготовят экспромтом, почти молниеносно должен "войти в струю".

Действительно, парадоксальная ситуация! Не проводить же "Госконцерту" Вольфа Мессинга в своих бухгалтерских книгах — "Телепат. Первая категория. Ставка — 180 рублей за один сеанс мыслечтения".

Глава 10. ПЕРВЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ УДАР

Прошло семь лет. Наша дружба с Вольфом Григорьевичем все больше наполняла меня гордостью, но в то же время требовала от меня необычайной дели-

катности и такта, ибо я понимала, что имею дело с человеком редкой чувствительности, а потому легко ранимым. К тому времени мой сын Саша подружился с Мессингом и пользовался его расположением и благожелательством.

Я всегда старалась объяснить ему, что Вольф Григорьевич человек с необыкновенным даром и заслуживает потому особенно чуткого к себе отношения.

Нужно отдать сыну должное: он относился к Мессингу очень уважительно, но без заискивания. Саша никогда не был мальчиком-паинькой, энергии в нем было на троих и, давая выход этой энергии, он нередко расстраивал меня. Но на мои рассказы о его шалостях Мессинг реагировал добродушно, уверяя меня, что мой сын станет толковым и честным человеком. Конечно, такая похвала из уст Мессинга была бальзамом для материнского сердца.

Саша с ранних лет мечтал о профессии врача, и Вольф Григорьевич горячо и вполне серьезно одобрял его выбор, несмотря на то, что разговаривал тогда, в сущности, с ребенком. И я, со своей стороны, придерживалась той же позиции: рассказывала сыну о проведенных операциях, употребляя часто медицинские термины. Думаю, что мы с Мессингом вовремя сумели посеять в душе мальчика добрые семена. В то время Саша уже рос без отца, и Вольф Григорьевич старался смягчить эту психологическую травму в сознании мальчугана, уделяя ему много внимания и часто беседуя с ним.

Те несколько лет мне запомнились как относительно тихое и спокойное время для обеих наших семей. Но безмятежная жизнь ни у кого не длится бесконечно. Внезапно на жизненном горизонте появляются тучи и наполняют душу болью и тоской.

Заболела Аида Михайловна — злокачественная опухоль молочной железы. И снова клиника, опять лекарства и вновь тревоги.

После ампутации всей молочной железы началось длительное консервативное лечение. Нет сомнения, что Мессинг предвидел печальный исход. Он впал в меланхолию. В семье ощущалось тягостное напряжение. Ираида Михайловна всецело была занята больной сестрой. Допоздна просиживала у ее постели, выполняя все предписания врача и указания самого Мессинга. И болезнь, радикального лечения которой не найдено и поныне, вдруг была приостановлена на время.

Я искренне восхищалась Аидой Михайловной. Каким духом нужно было обладать, каким оружием она вооружилась для жизни? В перерывах лечения химио- и рентгенотерапией сопровождать Мессинга в его гастролях и продолжать быть ведущей на его сеансах! Но во время поездки в Горький она окончательно занемогла и в сопровождении медицинской сестры пароходом была отправлена в Москву.

Она даже не смогла уже спуститься сама по трапу, и Вольф Григорьевич вынес ее на руках. Так прервалось их волжское турне — последнее в ее жизни. Состояние ее было столь тяжелым, что и на пароходе ей постоянно делали инъекции, чтобы только живой довезти до Москвы.

На сей раз Вольф Григорьевич в госпиталь ее не положил. Он понимал — незачем. Он знал, что это конец. А все началось много лет назад, в Тбилиси, когда он сказал Аиде Михайловне, что с этой болезнью шутить нельзя... Да и сама она понимала, что погибает. Отсчитывая свои последние дни, она пыталась убеждать Мессинга, что все будет хорошо, что все обойдется. Даже в таком состоянии проявлялся ее альтруизм.

Ей создали в доме обстановку полнейшего покоя. Без нужды в дом никто не входил, но жизнь угасала на глазах.

Однажды навестить больную пришли академик Блохин — директор Института онкологии — ученый-

исследователь, блестящий хирург, который и оперировал Аиду Михайловну, и академик Кассирский, очень уважаемый Вольфом Григорьевичем. Терапевт-гематолог с мировым именем, Кассирский, как и другие, не мог объяснить феномен Мессинга. Кстати, у Кассирского дома велась любопытная традиция: приходившие к нему в гости знаменитости должны были оставить на большой белой скатерти свои автографы, а потом по факсимиле делалась вышивка черными нитками. Подпись Вольфа Мессинга красовалась в центре и вышита была красными нитками.

Было начало июня — любимое время года Аиды Михайловны. После дождя в окно проникал аромат цветущих лип. Их было много под окнами квартиры. У постели больной в тягостном раздумье сидели оба светила медицины, словно испытывали чувство вины перед Аидой Михайловной за безуспешное лечение. В доме все еще жила медицинская сестра Антонина Алексеевна Фролова, сопровождавшая больную из Горького. Вместе с Ираидой Михайловной она неусыпно находилась у постели умирающей женщины.

Потом, чтобы не утомлять Аиду Михайловну, все перешли в кухню, небольшую, но уютную. Никому не хотелось уходить. Вольфа Григорьевича нельзя было оставлять одного с его мыслями о смертельно больном, самом дорогом и любимом человеке. У него во всем мире не было больше ни одной родной души. Уничтожая целые народы ради торжества своей сумасшедшей идеи, Гитлер уничтожил и всех родных Мессинга.

Вольф Григорьевич не мог усидеть на одном месте, часто вставал и ходил взад-вперед.

Молчание нарушил академик Блохин:

— Вольф Григорьевич, дорогой мой, не нужно так переживать... Знаете, бывает так, что больному плохо, а потом вдруг наступает улучшение и больной живет долго и в приличном состоянии здоровья... Я помню...

Мессинг не дал ему договорить. Его трясло, руки дрожали, и по лицу пошли красные пятна.

— Послушайте, — почти закричал он, — я не мальчишка! Я Мессинг! Не говорите мне глупости, она уже не выздоровеет. Она... умрет.

Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Или наступит то состояние нервного шока, которое как увертюра открывало его выступления на сцене. Он стих, постоял с минуту посреди кухни и тихо сказал:

— Она умрет 2-го августа в семь часов вечера...

Сам он тут же расслабился, вернее сник, плетью повисли руки, и он тихо опустился на стул. Я быстро взглянула на Блохина — оценить реакцию. Знаменитый врач обомлел от сверхчеловеческого прогноза. Сейчас не узнать было в нем уверенного в себе целителя. В его глазах читался и ужас, и почтение одновременно.

О, Боже! Как хочется, чтобы хоть на этот раз Мессинг ошибся в ясновидении. Вновь воцарилась гнетущая тишина, и когда все расходились, не было сказано ни единого слова — только прощальные жесты.

Разве это не ужасно, когда в семье есть человек, знающий точно о предстоящем горе? Тогда жизнь, как на аэродроме — вылет откладывается, но будет непременно...

Слух о предсказании не мог не просочиться в медицинские и научные круги Москвы. Возможно, что и сам академик Блохин рассказал своим коллегам о предвидении Мессинга. Но так или иначе, его мрачный прогноз стал достоянием многих москвичей, и все со смешанным чувством ждали рокового дня: никто не желал смерти, но и любопытство не покидало людей. А вдруг?.. Наступил июль, состояние Аиды Михайловны заметно ухудшилось. Напряжение росло, день для нас пролетал быстрее секунды. Июль прошел.

1 августа мой день рождения, а завтра... Я-то помни-

ла о нем, получая поздравления. Я думала о завтра.

О, как хочется вычеркнуть этот день из календаря, перехитрить судьбу и время!

Но оно наступило — это страшное ЗАВТРА.

Утром я получила приглашение посетить Мессингов. Вольф Григорьевич беззвучно плакал на кухне, хотя смерть и не пришла еще в дом. В чаду сигаретного дыма я не сразу увидела его согбенную фигуру над кухонным столом. А в доме тишина — до болезненного звона в ушах. Изредка отвечали на телефонные звонки, передавали приветы Аиде Михайловне. Она в полном сознании отвечала словами благодарности, и ничто не указывало на близкий конец. После шести часов вечера она даже стала больше, чем прежде, говорить, вполне четко и ясно. Чаще обращалась ко мне с просьбами. Я теперь заменяла ей уехавшую домой медсестру. В половине седьмого она попросила меня принести стакан воды... Страх медленно заполнял меня и рос с каждой минутой.

Ровно в семь часов Аиды Михайловны не стало... Приход зловещей старухи с косой был предсказан с точностью до минуты!

Втроем — Вольф Григорьевич, Ираида Михайловна и я — просидели мы всю ночь безмолвно, в глубоком трауре. Вольф Григорьевич курил несчетное количество сигарет, надрывно всхлипывал и стонал.

Хоронили Аиду Михайловну 5 августа на Востряковском кладбище, в еврейской части, с соблюдением всех религиозных обрядов. Так хотел Мессинг. Кантор, знакомый Вольфа Григорьевича, пел заупокойную молитву. Пришло много друзей, знакомых и просто тех, кто лишь мельком знал Мессинга. Но академика Блохина на похоронах не было.

С тех пор ежегодно второго августа в семь часов вечера в доме на Новопесчаной улице собирались близкие друзья, чтобы минутой молчания почтить память

5. Вольф Мессинг у могилы жены. Москва, 1963 г.

жены, друга и помощника Вольфа Григорьевича.

Прошли считанные дни, а вокруг могилы уже появилась ограда и черная мраморная доска, на которой я впервые прочла ее девичью фамилию — Рапопорт.

Сам Мессинг впал в состояние глубочайшей депрессии и подавленности. Ему не под силу было даже поднять телефонную трубку, он мог с трудом одеться или приготовить себе что-нибудь поесть.

Вот ведь и здесь тайна! На сцене он мог давать невероятные приказания другим, волевым усилием заставлял их исполнять свое желание, а сам с собой становился немощным! Тягостно было видеть его таким.

Так продолжалось девять месяцев. Тяжело было находиться у них дома. Давила тишина и безмолвие. Казалось, Мессинг уже навсегда вышел из строя.

Глава 11. А ЖИЗНЬ ИДЕТ

Чтобы жизнь прошла интересно и не бесполезно, человек посвящает себя многим вещам. Но я думаю, что наиболее часто человек отдает себя воспитанию детей или любимому делу. Наличие хотя бы одного из этих пунктов не только приносит человеку удовлетворение и ощущение полезности, но и помогает легче переносить жизненные невзгоды, материальные трудности, быстрее придти в себя после болезни и любых бед, встречающихся на пути.

У Мессинга не было детей, так что оставалась лишь одна надежда — его любимая работа.

Первые несколько месяцев после смерти Аиды Михайловны никто даже не пытался заговорить с ним об этом.

К этому времени сестре Аиды Михайловны —

Ираиде Михайловне пришлось взять на себя хозяйство в доме. Эта очень волевая, много испытавшая на своем веку, редко улыбающаяся женщина, с несколько надменным лицом, никому не показывала своих переживаний в связи со смертью сестры и делала все, чтобы вернуть Мессинга к жизни.

Через полгода после смерти Аиды Михайловны, она начала заговаривать с Вольфом Григорьевичем о работе. Он в ответ болезненно морщился и, почти плача, говорил: "Я не могу! Я не могу! Я ничего не чувствую!" День за днем очень деликатно мы обе возвращали его к этой теме, пытаясь вернуть ему веру в свои собственные силы.

На это ушло еще месяца три и, в конце концов, жизнь и наши усилия победили — Вольф Григорьевич сам стал говорить о работе.

Надо заметить, что на протяжение тех 9 месяцев я ни разу не видела Мессинга-телепата. Казалось, это умерло в нем. Но поскольку его способности были не профессиональной выучкой, а природным даром, то они лишь временно были заторможены в его мозгу под давлением более сильной доминанты — смерти жены.

Итак, Мессинг решил вернуться к работе. Но была еще другая проблема: кем можно было заменить Аиду Михайловну как ведущую? Ираида Михайловна и сам Мессинг предложили эту функцию мне. Я колебалась: "Может, и вправду выйти на сцену?" По своим данным я будто бы подходила. Но в конце концов я отказалась, хотя и была беззаветно предана этой семье. Отказ я мотивировала тем, что всецело поглощена репортерской работой. Это было правдой — к ней меня влекло даже сильнее, чем к медицине. Да и находиться постоянно в гастрольных поездках я тогда уже не могла: у меня появился второй сын.

Как-то, готовя репортаж в одном из детских домов города Баку, я познакомилась с мальчиком-

сиротой, который сам попросил меня стать его матерью. Вот так случай сплел житейский сюжет, и я усыновила мальчика. Владимир стал моим вторым, и притом старшим, сыном.

После моего отказа вспомнили о давней знакомой Мессингов — Валентине Иосифовне Ивановской и предложили эту миссию ей. Она вполне отвечала сценическим требованиям: стройная, прекрасного сложения, с удивительно крепкой нервной структурой, что немаловажно для помощницы Мессинга — человека горячего и вспыльчивого. К тому же у нее была прекрасная дикция.

На том и порешили. Но необходимо было "поставить ее на ноги", то есть научить азам сценической пластики и поведения, элементарному актерскому мастерству. Пока Ираида Михайловна готовила Ивановскую к работе на сцене, окончательно пришел в себя Вольф Григорьевич. И ровно через год Мессинг снова вышел к зрителям!

С новой ведущей я познакомилась позднее, я тогда отдыхала у Черного моря. Дело в том, что незадолго до возвращения Мессинга на сцену я, выполняя в горах Тянь-Шаня задание издательства, случайно оказалась в зоне добычи урана и облучилась. Врачи-гематологи предписали мне немедленное лечение на курорте морского побережья Кавказа, хотя на мой вопрос, что может дать море при таком заболевании, ни один из них вразумительно ответить не смог. Ведь вся медицина — это искусссственное управление организмом. Беда только в том, что оно неточное. Непредвиденная болезнь при полном благополучии моего здоровья так меня ошарашила, что распространяться о ней, да еще Мессингу, совсем недавно пережившему свое горе, я не считала нужным.

Бархатный сезон на взморье уже прошел, но бабье лето еще дарило тепло, и даже в последний месяц

осени — в октябре — можно было купаться.

Я сидела на пригорке у пляжа, ни о чем не думая, как вдруг услышала мелодичный женский голос:

— Вольф Григорьевич, выходите сюда, здесь самое солнечное место!

Никому другому такое имя не могло принадлежать. Я вздрогнула, оглянулась и увидела выходящего из гостиницы Мессинга.

Оба мы были рады встрече, и тогда-то он и представил мне свою новую ведущую. Функции ее на сцене были те же, что у Аиды Михайловны: выйдя к зрителям, представить Вольфа Григорьевича, объяснить смысл его опытов, по ходу выступления давать комментарии. Но обязанности ее были в действительности гораздо шире. Она заключала контракты на выступления, покупала билеты на самолеты и поезда, бронировала места в гостиницах, готовила, если они не обедали в ресторане. Женой его она не была.

Им еще предстояло пробыть в Сочи три дня, дать два выступления, так что у нас нашлось время для общих прогулок и бесед.

Недавнее потрясение, связанное со смертью супруги, заметно состарило его, весь он переменился, казалось, не только внешне, но и внутренне. Но это был тот же Мессинг, в котором мощно пульсировала его необъяснимая сила. К нему вновь стали обращаться больные или считавшие себя таковыми, и в обоих случаях он находил нужное "лекарство" — внушение словом. Позже я была очевидцем многочисленных таких исцелений.

Подходили последние часы нашей сочинской встречи. Валентина Иосифовна предложила Мессингу заранее попрощаться со мной, так как их отлет в Москву предстоял ранним утром. Но Вольф Григорьевич сказал, что предпочитает провести со мной весь вечер. Теплая ласковая погода располагала к прогулке. Мы бродили по

сочинской набережной. Багрово-фиолетовое закатное небо стало темно-синим, почернело море, и от воды потянуло прохладой. С набережной мы вышли на бульвар, разговор как-то не клеился. Я решила нарушить молчание и спросила, не хочется ли ему в Москву. Я давно научилась улавливать его настроение без слов и видела, что какие-то тягостные мысли угнетают его. Он решительно ответил: "Нет!"

Лишь позднее я поняла причину этого нежелания вернуться домой. Сестра покойной жены создала в доме нервозную обстановку, непрестанно повторяя Вольфу Григорьевичу, что теперь вся его жизнь и заботы должны быть сосредоточены на могиле Аиды Михайловны.

Слов нет, память о самом близком человеке и его могила священны. Но Ираида Михайловна раздувала этот культ покойной до чудовищных размеров, требуя от Мессинга ежедневного посещения кладбища. Сама она каждый день ходила на могилу сестры. Это не могло не выводить Вольфа Григорьевича из душевного равновесия, и мне до боли было жаль его. Упрекнуть его в невнимании к памяти жены никак было нельзя. Уже через год после ее смерти Аиде Михайловне был поставлен красивый памятник — на постаменте черного гранита белый мраморный бюст покойной. На губах навеки застыла мягкая, добрая улыбка. Посещая кладбище, Мессинг часто приглашал знакомого кантора петь Кадыш у могилы.

И здесь, в Сочи, он отдыхал сейчас от домашнего кошмара. Ему хотелось видеть окружающий мир, который как бы заснул для него на долгое время. И, несмотря на постоянные боли в ногах, ходил, любовался природой, которая в Москве уже не радовала глаз, а здесь в Сочи все еще было, как летом.

Мне уже было пора отправляться спать, но я понимала, что оборвать вечер нельзя, что Мессингу нужна

разрядка. Может быть, ему помогало даже мое молчаливое пристутствие. И покидать его мне не хотелось.

Глава 12. БЕРЛИНСКАЯ ЭПОПЕЯ

— ...Значит, я тебе рассказывал, что очутился среди трупов в морге, — неожиданно обратился он ко мне, словно мы только что прервали его давнишнее автобиографическое повествование. Это было сказано так быстро и невнятно, что я не сразу сообразила, что он имеет в виду. И вдруг до меня дошло! Я не могла поверить. Прошло семь лет с того вечера, когда впервые, вот так же неожиданно, он сам мне предложил рассказать о себе. Обычный человек не может — это уже доказано — все происходящее с ним помнить. Как же объяснить память Мессинга?

— ...Студенту-практиканту я обязан тем, что остался жив, но в сознание меня привел лишь на третьи сутки профессор Абель, врач-невропатолог. Ему же я обязан и другим — именно ему принадлежит заслуга открытия моих способностей, о которых ты хорошо теперь знаешь.

Я пришел в сознание, но еще лежал с закрытыми глазами. В голове была ватная пустота и гулкие бессвязные звуки. Вдруг в моей голове "появились" чьи-то слова: "Надо заявить в полицию и потом найти для мальчика приют".

Я открыл глаза. На краю койки сидел мужчина в белом халате, с очень добрыми глазами и прощупывал пульс на моей руке. Это был Абель. Тихим, еще слабым голосом я попросил: "Пожалуйста, не зовите полицию и не отправляйте меня в приют".

Глаза мужчины округлились, рот приоткрылся, но он быстро взял себя в руки и спросил: "А разве я это говорил?"

"Не знаю", — ответил я. И добавил: "Но ведь вы так подумали".

Так произошло открытие телепатических способностей Мессинга.

— Доктор Абель пригласил своего коллегу профессора-психиатра Шмидта, который обследовал меня, давая мне простые мысленные приказания: "Открой рот, закрой глаза, подними руку" и т. д.

А на следующий день они проводили со мной уже более сложные опыты. Моим индуктором была жена Шмидта, а задания в чем-то походили на то, что я делаю сегодня в моих "Психологических опытах".

Доктор Абель много занимался со мной, ища новые вариации моих телепатических возможностей. Он же учил меня контролировать свою волю и психику, учил уверенности и самообладанию. Вот с тех самых пор главным рычагом моей воли стали слова: "Я — Вольф Мессинг!"

Позже Абель познакомил меня с первым в моей жизни импрессарио. Это был ловкий и недобрый бизнесмен. Опутав меня невероятным количеством бумаг и подписей, он крепко держал меня в руках, в то же время выставлял себя в качестве благодетеля, желающего только моего благополучия. А правда такова, что импрессарио всегда нещадно эксплоатирует свой "товар". Не избежал такого хода вещей и я, ибо мой импрессарио всегда зарабатывал несравненно больше меня. Но я был без средств и друзей, а потому не жаловался на такой оборот жизни. Хуже другое. Мой первый владыка продал меня, словно собственного раба, в берлинский паноптикум, сорвав, надо полагать, солидный куш.

Сейчас это может показаться невероятным, но в

то время живые люди выставлялись напоказ в качестве экспонатов. Причем, экспонаты-уродцы ясно сознавали, что их показывают за деньги праздной публике.

Так, в одном помещении была выставлена на показ толстая женщина, обнаженная по пояс, с большущей бородой. Зрителям даже дозволялось подергать ее за эту бороду, дабы убедиться в ее подлинности.

Другим "номером" программы паноптикума являлись сиамские близнецы, две сросшиеся боками сестры. Они перекидывались с глазевшими на них молодыми людьми шуточками, часто далеко не невинными. Развлекал толпу зевак безрукий человек, который ловко тасовал ногами колоду карт, сворачивал сигарету-самокрутку, чиркал спички и прикуривал.

В четвертом отделении три дня в неделю показывали находящегося на грани смерти "чудо-мальчика" — Вольфа Мессинга.

В пятницу утром до открытия паноптикума я ложился в хрустальный гроб и к приходу зрителей должен был привести себя в каталептическое состояние.

Пробыл я у них что-то около полугода, чуть ли не половину этого времени пролежал в холодном прозрачном гробу. Платили мне целых пять марок в сутки. Для привыкшего к постоянной голодовке и лишениям мальчишки это казалось баснословно большой суммой. А мой щеголеватый проныра-импрессарио получал за меня ежедневно тридцать марок... —

Вольф Григорьевич вынул из серебряного портсигара сигарету, прикурил, сладко затянулся, обдал меня облаком сизой отравы. Но я не смела сказать ни слова, чтобы не сбить настроение и не прервать рассказ.

— ...У меня, таким образом, оставалось четыре свободных дня, и я старался их использовать с максимальной пользой для себя: все время отдавал психологическим этюдам-экспериментам. Ежедневно отправлялся на берлинский рынок, "включал" свои

"подслушивающие антенны", стараясь проникнуть в мысли торговцев, "подслушать" их сокровенные тайны. Заботы о хозяйстве, интрижки соседей, мечтания о женихах — все зто "транслировали" мне белокурые головки молоденьких крестьянок, "излучали" почтенные бюргерши.

Но мне хотелось не только "прослушивать" их, но и проверить, насколько правильно я настраивался на их мысленные импульсы и насколько правильно мое восприятие. И тогда я подходил к рыночным столам и, пристально глядя в глаза, проникновенно говорил: "Не волнуйся, милая Гретхен... Не думай об этом... Все будет хорошо, доверься судьбе... Ганс вернется к тебе.

Возгласы удивления, смущение убеждали меня, что я не ошибался. И при помощи таких "тренировок" я упражнялся более года. А потом импрессарио перепродал меня в варьете Зимнего Сада — Винтергартен.

Это было ступенькой выше в моей карьере. Здесь мне отводилась роль в живом действии, а не роль хрустального покойничка. И выступал я перед зрителем в двух ролях. Сначала я изображал восточного факира — некая смесь йога с Прометеем, прикованным богами к скале. Меня кололи иглами в грудь, пронзали руки и ноги насквозь шпагами, а я должен был изображать полную невозмутимость или высшую жертвенность — кому как по вкусу.

В заключение шоу на сцене появлялся артист, изображавший богатого бездельника, светского щеголя, одетый аристократом-миллионером: блестящий фрак, цилиндр, пальцы усеяны брильянтами. Внезапно на сцену врывались "разбойники", "убивали" франта, предварительно избавив его от драгоценностей. Совершив злодейство, они тут же становились добрейшими филантропами и раздавали аметисты, сапфиры и бриллианты зрителям, предлагая спрятать их где-нибудь в пределах зала.

Тогда появлялся молодой сыщик... Вольф Мессинг. Он спускался со сцены к зрителям, проходил от столика к столику и просил прелестных дам и уважаемых господ вернуть ему ту или иную драгоценность, спрятанную там-то и там-то.

Номер этот пользовался неизменным успехом, публика валом валила на представление, но платили мне все те же пять марок.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я снова оказался разменным товаром. На сей раз меня перепродали в знаменитый на всю Европу цирк Буша, с которым мы должны были объехать многие страны. Я уже начинал свыкаться с куплей-продажей. Мои работодатели заботились лишь о моей популярности у зрителей, внушая мне мысль, что успех — ключ ко всем благам жизни. Тем не менее, я умудрялся выкраивать время и для посещения учителей по общеобразовательным предметам, и на оплату этих уроков часто уходила большая часть моего заработка.

Глава 13. ОТКРЫТИЕ ЕВРОПЫ

Все-таки время работало на меня, и я вскоре стал довольно знаменитым, а мой импрессарио раздобрел на глазах: округлился живот, фигура потеряла стройность. Мои успехи избавляли его от всяческих хлопот, и его распирало, как на дрожжах. Но он был первый, кто по сути, открыл мне двери в Европу. В 1913 году он повез меня на родину Иоганна Штрауса — в Вену. Это

было первое серьезное турне. Выступал я в венском луна-парке и, скажу без ложной скромности, стал гвоздем программы и сезона.

Но не этим мне памятна красавица Вена. Знакомством, которое там произошло, я буду гордиться всю свою жизнь. И не одним. Сначала мне выпало счастье познакомиться с величайшим гением человечества Альбертом Эйнштейном. Признаюсь, я не был знаком даже поверхностно с сутью его теории относительности, и для меня он был "только" известным физиком мирового масштаба.

Эйнштейн прибыл в Вену из Цюриха в ноябре 1913 г., чтобы на съезде естествоиспытателей и врачей сделать доклад о своих новых выводах относительно гравитации. Не помню точно, но думаю, что встреча произошла на квартире Фрейда, потому что Эйнштейн тут же представил меня этой не менее знаменитой личности, тоже совершившей научную революцию в XX веке.

Квартира поразила меня количеством книг. Уму непостижимо, как мог один человек даже мельком пролистать за всю жизнь это книжное море.

Исследования Зигмунда Фрейда мне ближе по духу, чем физико-математические глубины Эйнштейна, его исследования близки к моим опытам. Позже, ознакомившись с его работами, я понял, что, признавая масштаб его эксперимента, не могу во всем с ним согласиться. То, что он часто наблюдал на психически неустойчивых личностях, он распространял на всех. Я не считаю учение Фрейда во всем верным. Уж очень он придает большое значение половому инстинкту. Я не согласен и с тем, что инстинкт человека непобедим. Фрейд — сильный ученый, но и он совершал ошибки. Но тогда я был горд и польщен тем, что одновременно меня представили таким двум научным гигантам.

Фрейд уже был осведомлен о моих "дарованиях" и предложил немедля приступить к опытам. Он взял на

себя роль индуктора. Никогда не забыть мне его мысленное приказание: подойти к туалетному столику, взять пинцет и, подойдя к Энштейну, вышипнуть из его пышных усов три волоска...

Можешь представить, Тайболе, мое состояние тогда... Что мне оставалось делать? Я подошел к Эйнштейну и, извинившись, объяснил ему, чего требует от меня его друг. Эйнштейн улыбнулся и безропотно подставил щеку. Фрейд остался доволен результатами опытов, но комментировать, как сейчас сказали бы, с позиции фрейдизма, не стал.

Через несколько лет господин Цельмейстер, мой процветающий импрессарио, сообщил мне, что решено отправиться в большое турне по странам мира. Маршрут должен был охватывать такие страны как Япония, Бразилия, Аргентина, Мексика. В короткий отрезок времени вместился такой калейдоскоп событий и зрительных впечатлений, что я порой, вспоминая, многое путал или смещал в хронологической последовательности. Да и не мудрено, если учесть, что полных четыре года пролетели в непрерывных гастролях.

В 1921 году я возвратился в родные пенаты — в Варшаву. За годы, проведенные вдали от родины, многое изменилось в Восточной Европе. В России пронеслась революция, обрела свою государственность и Польша. Местечко, где я родился, оказалось на ее территории. Я вынужден был вступить в армию Речи Посполитой: мне исполнилось двадцать два года. Но моя армейская служба носила чисто символический характер, ибо за то время, что на моих плечах была солдатская шинель, я в глаза не видел стрелкового оружия, да и подготовку никакую пройти не успел. А уже в следующем году я и вовсе стал штатским человеком. Не пришлось долго искать и импрессарио. Им вскоре стал господин Кобак, человек нового склада. Энергичный прагматик, он, тем не менее, не утруждал себя беготней

в поисках выгодных для нас гастролей, а деловито вел переговоры большей частью по телефону. И надо сказать — не безуспешно.

Я вновь очень много путешествовал по той части Европы, где до того бывать не приходилось: Париж, Лондон, Рим, Стокгольм, Женева, Рига. В эту поездку я стремился не только обновить, но и расширить свой репертуар, однообразие приедается и самому.

В Риге я разъезжал по улицам в автомобиле в качестве водителя, но с завязанными глазами. Сам я не имел ни малейших навыков вождения, но рядом со мной сидел профессиональный шофер. Мои руки, как и следует, лежали на руле, ноги — на педалях, а шофер давал мне мысленные указания: повороты, внезапные остановки, движения назад. Эксперимент этот видели многие сотни рижан, сплошной стеной стоявшие на тротуарах, словно встречали короля или посла заморской державы. Трюк этот производился с рекламной целью. С тех пор я ни разу не сидел за рулем автомобиля.

Побывали мы с господином Кобаком и за тридевять земель — в Австралии, в Южной Америке, в нескольких странах Азии.

Не могу не вспомнить знаменательную встречу в 1927 году. Мы находились в ту пору в Индии, и мне довелось познакомиться с ее духовным вождем Мохатмой Ганди. Как о выдающемся государственном деятеле я слышал о нем немало и прежде был понаслышке знаком с его философскими воззрениями. Признаюсь, не старался вникать в их тонкости. Но как личность он оставил во мне неизгладимое впечатление.

Ганди тоже интересовался моими опытами и согласился быть моим индуктором. Его задание оказалось очень простым, но по случайному стечению обстоятельств дало блестящий эффект.

Мне следовало взять со стола флейту и передать ее третьему лицу. Но тот оказался, по-видимому,

профессиональным факиром, постоянно носил с собой корзину с прирученной коброй. И вот, когда я передал ему флейту, постоянный атрибут его выступлений, он заиграл прелестную восточную мелодию. Сработал "профессиональный инстинкт" и у кобры, и она стала медленно, грациозно извиваясь, подниматься из корзины с узким отверстием, похожей на бутыль. У меня восхищение победило страх. Это был настоящий танец, изящный и красивый не менее, чем человеческий.

Познакомился я там и с йогами. Не скрою, завидовал их почти неограниченной воэможности погружаться надолго в состояние глубокой каталепсии, иногда на несколько недель. Мой рекорд был — три дня... —

Мессинг потянулся, на миг зажмурился, а потом мельком взглянул на часы. Всякую паузу он использовал для курения. Не обошлось без сигареты и в этой передышке, но он сразу же продолжил рассказ...

Глава 14. ПОЛЬСКАЯ МОЗАИКА

— ...В Польше ко мне как к земляку часто обращались помимо концертных выступлений. Каких только просьб и желаний мне не пришлось выслушать! Мелким желаниям я никогда не потворствовал и не потакал праздному любопытству обывателя. Я всегда руководствовался двумя принципами: чтобы моя помощь была действительно необходима и чтобы случай был интересен для меня самого.

В Польше мало кто не знал знаменитое семейство графов Чарторыйских. Кроме богатства они еще обладали обильными "запасами" голубой крови, то есть

принадлежали к знатному аристократическому роду.

И вот в этом-то семействе происходит банальное событие: пропадает фамильная драгоценность, передававшаяся из поколения в поколение — бриллиантовая брошь. По оценке известных ювелиров она стоила порядка 800 тысяч злотых — сумма по тому времени фантастическая. Все попытки опытных частных детективов оказались тщетны, дело запуталось, а ускользающая с каждым днем новизна случившегося не оставляла надежд на успех. Слухи ходили самые невероятные.

Граф Чарторыйский прилетел ко мне на собственном самолете в Краков как раз под конец моих там выступлений. Взволнованно рассказал о происшествии и умолял, если возможно, помочь. Мы тут же вылетели с ним в Варшаву.

Должен для некоторй ясности дальнейших событий описать мою тогдашнюю внешность. Длинные, почти до плеч черные волосы, бледное лицо. Одевался я в темные костюмы, широкие пальто-накидки и носил экстравагантного покроя шляпу. Граф, когда мы прибыли в его родовой замок, представил меня его обитателям как модного столичного художника.

Утром следующего дня я приступил к "работе с натурой". Устроили так, что передо мной прошли все, кто постоянно жил в замке и приходил туда на службу. Всех я оценил как людей честных и порядочных. Вне подозрений оставил я и всю многочисленную семью графа. Что говорить, верна поговорка — в семье не без урода, но в этом случае я ни на мгновение не сомневался в порядочности каждого.

Осталось проверить совершенно безобидное существо. Лишь об этом человеке я не мог сказать ничего определенного. Это был слабоумный мальчик, сын одного из слуг графа. Ни в чем плохом он замечен не был, и поэтому внимания на него не обращали. Его никто не мог заподозрить в краже, ибо что он мог

понимать в художественной ценности броши или в ее стоимости. Он пользовался в замке полной свободой, мог заходить во все комнаты. И хотя я не чувствовал не только его мыслей, но даже его настроения, он все же вызывал во мне какое-то предчувствие, и я "держал в уме" мальчишку.

Поразмыслив, я решил, что мой интуитивный ход верен, что этот случай не подлежит парапсихологическому анализу, а обычному психологическому решению.

Я остался с больным ребенком наедине в детской комнате, и сделал вид, что рисую в моем блокноте. Потом, словно что-то вспомнил, достал из кармана золотые часы и стал вращать их перед собой по кругу на цепочке. Затем "небрежно" положил их на стол и вышел. Но через окно, спрятавшись за кадку с пальмой, стал наблюдать за мальчишкой.

Он немедля подскочил к столу, схватил часы, покачал их на цепочке, как и я, и сунул их в рот... Потом вынул и стал забавляться ими. Он играл с ними как с игрушкой не менее получаса. И вдруг он с поразительной ловкостью взобрался на огромное чучело медведя, разинул ему пасть, и мои часы последний раз сверкнули и исчезли в пасти зверя... Я не ошибся. Вот он, невольный похититель. А вот и его безмолвный сообщник — хранитель краденого. Теперь дело пустяковое: нужно положить чучело на "операцию", и загадочное исчезновение семейной реликвии благополучно разрешится.

Пришлось распарывать медведя. Оттуда в руки изумленных "хирургов" высыпалась целая куча блестящих предметов. Тут и золоченые чайные ложечки и ювелирные украшения, кусочки цветного стекла. Была там и фамильная драгоценность графов Чарторыйских. По словесному уговору мне причиталось 25% от общей стоимости броши. Я отказался от этой суммы, но вместо этого обратился к графу с просьбой проявить свое влияние в сейме (Польский парламент) и

ходатайствовать перед правительством об отмене ранее принятого постановления, ущемляющего права евреев. Граф дал свое обещание, успешно его выполнил, и через некоторое время польский парламент действительно отменил постановление...

А вот другой случай, в котором тоже фигурирует бриллиант. В одном небольшом селении появился незнакомец приятной наружности. Представился американцем, интересующимся народным фольклором. Записывал сказки, собирал старинные предметы домашнего обихода. Принимали его радушно и с почетом. Неожиданно он влюбился в прелестную шестнадцатилетнюю польку, попросил у ее родителей разрешение на брак. В знак серьезности своих намерений преподнес ей бриллиантовое кольцо. Предложение было с радостью принято. Богатый американец в бедной Польше был словно сказочный принц. Но родительские сердца щемила смутная тревога.

В те края забросила меня судьба гастролера, слухи о моем "ясновидении" дошли и до родителей молодой невесты, и они обратились ко мне за советом. Я попросил придти на мое выступление вместе с женихом.

Я заподозрил неладное с первого же взгляда на "жениха", но для верности задал ему как зрителю несколько вопросов. Он почуял беду и пытался немедленно покинуть зал. Я закричал: "Задержите его и обыщите!" "Американца" скрутили и нашли при нем множество фальшивых паспортов. Как выяснилось на следствии, он оказался членом хорошо организованной шайки, поставляющей красивых молодых девушек в публичные дома Аргентины... —

Вольф Григорьевич посмотрел на меня виноватым взглядом.

— ...Пожалуйста, Тайболе, не подумай, что я когда-либо тайно сотрудничал с полицией или с каким-либо сыскным ведомством, что можно допустить в связи

с историей с "американцем". И злые языки не раз пускали по миру подобные сплетни. Нет, я никогда не выполнял агентурных функций. Но всегда приходил на помощь, если мог, и всегда бескорыстно. —

Я ответила, что никогда не имела такого подозрения.

— ...Вот ты сама рассуди такую историю. Однажды в мой гостиничный номер пожаловала молодая и очень красивая женщина. Как в сказке, не правда ли? Но ты слушай, дальше будет суровая проза. Не буду перед тобой лицемерить. С одной стороны, из-за шумной рекламы вокруг моего имени, с другой — потому что я был холостой мужчина со всеми вытекающими отсюда слабостями, я всегда на гастролях снимал отдельные номера в отелях и, конечно же, — люкс.

В тот раз мой роскошный номер был изолирован даже от тех комнат, где жил мой импрессарио господин Кобак.

Я взглянул на вошедшую женщину и сразу все понял.

— Садитесь, пани, — любезно предложил я, — будьте как дома. Такие очаровательные гости редко навещают обитель заезжего гастролера. Так что я безмерно рад вашему визиту. Присаживайтесь, а я, простите, на минуту выйду, что-нибудь закажу в номер...

Закрыв за собой дверь, я пулей помчался в номер к Кобаку.

— Мигом бегите в полицию, возьмите несколько человек, и назад, — выпалил я ему. В мой номер не врывайтесь, а наблюдайте через стекло над дверью. Быстрее!

Возвращаюсь в номер и вновь рассыпаюсь в любезностях перед красоткой-пани. Эх, протянуть бы время, ну, минут семь-десять! Ведь у меня как на ладони эта каверзная затея. Моя гостья приступает к делу:

— Вы творите такие чудеса! Удивительные вещи...

А знаете ли вы, о чем я сейчас думаю?

— Простите, пани, я же не на сцене, а дома я обыкновенный человек... Но твердо уверен, что в такой очаровательной головке могут быть только очаровательные мысли.

— Как знать... Но я хочу стать вашей любовницей... Сейчас же, немедленно!

И она стала рвать на себе одежду. Потом бросилась к окну и что есть мочи закричала: "На помощь! Насилуют!"

Я дал знак рукой, что спектакль окончен, дверь распахнулась, и в номер вошли полицейские. "Пани" арестовали. Это кто-то из моих коллег-завистников подстроил. Захотели меня скомпрометировать, уронить мой престиж.

— Да-а, Тайболе... Таня-Танечка, сколько я могу порассказать тебе приключений... — Он смущенно улыбнулся, видимо, осознав, что впервые за долгие годы назвал меня обычным моим, русским именем.

Он заметно устал в тот вечер — столько было рассказано. А речь его была сумбурна, непоследовательна. В таких случаях говорят, что мысли опережают слова. Я тоже устала — слушать. Не оттого, что было слишком много рассказано, нет. Просто Вольфа Григорьевича трудно было понимать. Русским он владел неважно, а потому приходилось напрягать внимание, чтобы пробиваться сквозь языковую неразбериху.

И когда я решила взяться за подробное жизнеописание Вольфа Мессинга, я ясно отдавала себе отчет в том, сколь кропотливой и трудоемкой будет моя работа. Ведь я пишу книгу, главным образом, по моим дословным записям рассказов самого Мессинга, а они грешат бесчисленными стилистическими изъянами. Приходится решать труднейшую задачу: как сохранить "вкус и аромат" его рассказов и в то же время

"перевести" их на современный и доступный читателю язык. Так что, если говорить откровенно, в тот вечер я утомилась, но прервать его боялась. Потому что, кто его знает, снизойдет ли когда-нибудь на него такое вдохновение опять? В тот вечер он вел повествование в строгой хронологической последовательности. Упускать такую удачу было нельзя.

А город уже заснул. Редкие влюбленные парочки пересчитывали свои звезды.

Глава 15. ШКВАЛ ВОЙНЫ

...Почувствовав, что Мессинг готов продолжить повесть своей жизни, я спросила:

— Помните вы первые свои разговоры со мной?.. Так вот, все это я позже записала и отпечатала на пишущей машинке. Сберегаю до лучших времен...

— В том смысле, что худших для меня? — спросил Мессинг.

— Ну, что вы! — горячо воскликнула я, пытаясь смягчить свою невольную бестактность. — Я при вашей жизни хочу опубликовать свои наброски о вас и вашей работе. Или вам помочь это сделать.

Вольф Григорьевич заметил мое смущение и сам пришел мне на выручку:

— Хорошо, Таня, только без лишних славословий и еще без ..., — тут он минуту помолчал, подбирая слова, — еще без этого мистического тумана. И обязательно дай мне посмотреть свои заметки.

— А как вы получили гражданство в СССР? Или вас заставили принять его?

— Ишь ты, из психологии да в политику, — с иронией сказал Мессинг. — Да, этот период моей жизни насыщен множеством событий... Опасных и трагических, как говорят в России: я попадал из огня да в полымя. Удивляюсь, как я жив остался и вот сейчас разговариваю с тобой. А ведь благополучно перепрыгивают огненное кольцо только львы в цирке. Меня таким прыжкам никто не обучал.

Еще в 1937 году, выступая в одном из варшавских театров, я довольно убедительно и громко предсказал, что любой поход на восток закончится для Германии катастрофой. Я предсказал это в присутствии сотен людей. Это пророчество весьма дорого мне обошлось: 200 000 марок — в такую сумму позже была оценена фашистскими главарями моя голова. Ведь ни для кого не было секретом, что Адольф Гитлер окружил себя целым штатом всякого рода предсказателей: от составителей гороскопов до ученых телепатов, среди которых встречались одаренные психологи.

Одно время при нем подвизался и пользовался неограниченным доверием некто Гаусен, — "придворный ясновидец", — работу которого мне доводилось видеть раньше.

Чистокровный еврей, сын старосты синагоги, при всесильном арийце №1 он был вхож в салоны самых знатных вельмож третьего рейха. Возможно, что первые успехи фюрера он удачно обосновал положением звезд на небосклоне. Потом, когда его небесные советы стали расходиться с делами земными, печально закатилась его собственная звезда: его без лишних слов убрали. Впрочем, его судьба довольно точно и подробно передана в романе Фейхтвангера "Братья Лаутензак".

Атмосфера войны чувствовалась в Европе задолго до первых залпов. Но как всякому человеку свойственно даже в отчаянном положении надеяться на лучшее, так и я, ясно сознавая приход всеуничтожающего

урагана, пытался "укрыться" в отчем доме. Потом понял, что слишком я заметная фигура в сельском пейзаже, и нужно уходить в большой город. Но и варшавский подвал не мог бесконечно долго служить мне надежным убежищем: за мной охотилось гестапо, и я решил выбраться из оккупированной в 1939 году Польши. И как раз тогда, когда я проявлял особую бдительность и осторожность, меня и схватили. Офицер, остановивший меня, долго вглядывался в мое лицо, потом вынул из кармана листок бумаги с моим портретом. Я узнал афишу с объявлением, которую расклеивали гитлеровцы по Варшаве, о награде за мое обнаружение.

— Ты кто? — спросил офицер и дернул меня больно за мои длинные волосы.

— Я художник...

— Врешь! Иуда! Ты Вольф Мессинг! Это ты предсказал смерть нашему фюреру.

Офицер еще раз сверил фотографию с оригиналом и с одного размаху молотобойным ударом сбил меня с ног. С мостовой он поднял меня за волосы, брезгливо отстраняясь от моего кровоточащего рта. С земли-то он меня поднял, но на ней остались, "посеянными на счастье", мои зубы.

Меня отвезли в полицейский участок и, не обыскав, бросили в камеру. Сидя в камере, я понял: или я уйду сейчас, или погибну. И все должно решиться до утра. Я сосредоточил до предела свою волю сначала на том, чтобы заставить полицейских из наружной охраны войти внутрь здания. А затем заставил собраться у себя в камере всех полицейских, которые были в помещении участка. Они открывали дверь, перебрасывались шутками, но на меня не обращали никакого внимания, словно в камере никого не было. Я же лежал, не шевелясь, боясь произвести малейший шорох, хотя полицейские и были "запрограммированы" мной так, что они вошли в "пустующую" камеру. Но поскольку вопрос для

меня стоял поистине гамлетовский — быть или не быть — я не мог положиться только на свою психическую "атаку", а потому тихонько, как мышонок мимо кошки, проскользнул мимо полицейских, когда те стояли у противоположной стены.

Я облегченно вздохнул лишь тогда, когда засов окованной железом двери поддался мне, и я мог не опасаться немедленной погони. Представляю, какой переполох начался спустя двадцать минут в полицейском участке, когда с них сошли мои "чары" и они обнаружили себя запертыми в арестантской камере!

Но мне еще предстояло пробраться в какое-нибудь укрытие по ночной Варшаве, что теперь стало для меня вдвойне опасно. Строжайший комендантский час давно уже наступил, и будь я задержан по малейшему поводу, — сразу стали бы известны мои "фокусы" в полицейском участке, — и тогда утро для меня вообще не наступило бы.

В кромешной тьме, по глухим переулкам бежал я квартал за кварталом, пока не очутился в предместье столицы — районе, населенном бывалым людом. В дешевых меблирашках здесь ютились неудачники-актеры, спившиеся художники, вышедшие в тираж проститутки. Район, на облавы в котором немецкая комендатура решалась только в дневное время.

Никогда раньше я здесь не бывал, но четко держал в памяти адрес одного старого доброго венгра, циркового клоуна Яноша, с которым был знаком по гастролям в Австрии. Пародируя воздушных гимнастов, он сорвался (не в шутку) с трапеции, и то выступление в венском шапито оказалось для него последним. Все предвоенные годы он жил, по сути, подаянием, развлекая дворовых мальчишек и кумушек, и пожертвованиями актерской братии. Дважды я посылал ему деньги по почте, но на варшавской его квартире не был. Я не сомневался, что Янош не откажет мне в приюте, даже с

риском для себя. Так и случилось. Я пробыл у него два дня, не показывая носу даже в коридор. Днем Янош отправлялся за продуктами и по моему поручению собирал деньги и ценности, которые я хранил в разных местах. Ведь мне нужно было подготовиться к дальней дороге, так как я окончательно решил пробираться на восток, бежать из Польши. В то время многие были убеждены, что от чумы фашизма спасение можно найти в Советском Союзе. Не был и я исключением. На третьи сутки перед рассветом у дома Яноша остановилась крестьянская телега с сеном. В ней меня и вывез сердобольный поляк, с которым Янош столковался накануне на рынке.

За городом я стал переходить из рук одних проводников в руки других, щедро платил им, и через неделю уже подходил с провожатыми к берегу Западного Буга. На той стороне лежала огромная неведомая мне страна...

Нос небольшой лодки мягко чиркнул по песчаной отмели... Рубикон перейден! Ориентируясь по звездам, я пошел на восток, так и не наткнувшись на пограничный пост, что совсем не входило в мои планы. Я не знал ни местности, ни обычаев новой страны, и мне необходимо было влиться в общий поток беженцев и поскорей легализовать свое положение. Так я добрался до Бреста, где немедленно представился властям.

Глава 16. РОССИЙСКИЕ БУДНИ

Странным показался мне на первых порах новый мир: жесткий и сентиментальный, суетливый и медлительный до сонливости — меня поражали эти крайности.

Мешало и почти полное незнание языка. Я попадал часто в курьезные ситуации. Бюрократические формальности с документами прошли довольно гладко, но огромный наплыв беженцев сводил на нет какое-либо сносное устройство с жильем, и я с этой проблемой должен был развязываться сам. В Европе это разрешалось просто: я отправлялся в гостиницу и выбирал нужный мне номер. В Бресте, увы, моя европейская широта и светские замашки быстро вошли в рамки суровой действительности. Никакие мои посулы, даже тройной оплаты, на гостиничных служащих не действовали, и везде мне приходилось слышать ответ: "Мест нет!"

Так что первую ночь в Бресте пришлось мне провести в синагоге. Я взял себе за правило не унывать ни в каких ситуациях и тогда подумал: ну что ж, я, вроде как правоверный паломник, совершивший длинный путь в некую свою Мекку.

Но на другой день — утро вечера мудренее — осенило меня обратиться в отдел культуры местного муниципалитета, как это называется в Европе, а здесь, в России это называлось горисполком, что мне тогда было и не выговорить.

Встретили меня вежливо, но сдержанно. Во все времена в Советском Союзе, мягко говоря, не жаловали и не жалуют представителй астральных "профессий": гадалок, предсказателей, телепатов и парапсихологов. А ведь мое занятие полностью подпадало под одно из этих определений. Как часто в будущем это мешало моей работе, а порой холодность и даже враждебность так угнетали, что у меня и руки опускались!

Приходилось долго убеждать, что мои опыты далеки от какого-либо вида шарлатанства, демонстрировать скептикам свои способности.

В конце концов отдел культуры согласился включить меня в бригаду артистов, гастролировавших по брестскому району. Что ж, жизнь начинала налажи-

ваться. Только постоянно попадал я в комические ситуации из-за слабого знания русского языка. Так, распределяя последовательность актерских номеров в концерте, начальник отдела искусств распорядился: "Дайте ему в программе последний номер"...

Мое честолюбие взыграло и я раздраженно запротестовал:

— Почему это я последний? Я ведь первый в мире телепат!

Или после концерта конферансье говорит мне: "Здорово работаешь!"

— Да, я здоров...

Но в общем, положа руку на сердце, не могу сказать, что жилось мне тогда плохо. Товарищи по гастролям относились ко мне уважительно, постепенно вводя меня в русло новой жизни. Стяжателей среди них не было, а значит, обходилось в труппе без склок и зависти, что нередко встречается на провинциальных сценах. Работали они, как говорится, из любви к чистому искусству и довольствовались малым.

Тогда же впервые мне довелось вкусить и от "искусства" пропаганды моей новой родины. В рядах интеллигенции и работников культуры пришлось мне прошагать в первомайской демонстрации в Бресте в последнем предвоенном 1940 году. И поручили мне самый "почетный" плакат с портретом "отца народов". А вскоре меня перевели в столицу Белоруссии — в Минск, где моими "загадочными делами" заинтересовалось высокое начальство.

Здесь меня представили секретарю ЦК республики Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко, ставшему потом руководителем партизанских отрядов Белоруссии, а после войны и членом правящего Политбюро в Москве. Именно он, видимо, счел нужным доложить обо мне еще выше — вплоть до верховного божества на кремлевском Олимпе.

Однажды, когда я выступал на одной из клубных сцен Гомеля, в зал вошли офицеры службы безопасности, извинились перед зрителями, бесцеремонно прервали номер и увели меня. Не чувствуя для себя никакой опасности, я спокойно ушел с ними. Лишь предположив, что, возможно, ехать с ними нужно далеко, я сказал им уже в машине:

— В гостинице за мной числится номер, нужно уплатить за него вперед.

— Не волнуйтесь, за вас заплатят!

— Да, но там и чемодан мой с вещами...

— И чемодан никуда не денется!

И я уже догадывался, что попал под "опеку" какой-то важной персоны. Но куда меня везут, они не объясняли, во всем их поведении ощущалась таинственность и напряженность, да думаю, что они и сами не знали, какая особа меня пожелала видеть.

Наконец подъехали к гостинице, приличной не только с виду, но и внутри. И номер "люкс", вполне на уровне европейских стандартов, для нас уже был зарезервирован. В холле отеля находилась публика явно из привелегированных слоев. Но я не понимал, радоваться мне или огорчаться этому обстоятельству.

Оказалась, что и гостиница не предназначалась для таинственного разговора. Или кто-то неожиданно менял планы. Но так или иначе, через час мы отправились дальше. Мои спутники и элегантно одетый шофер черного лимузина сохраняли полное молчание, я тоже не беспокоил их вопросами, догадываясь, что цель пути им велено хранить от меня в тайне.

На сей раз автомобиль остановился в пригороде белорусской столицы, в уютном, но безлюдном районе. У старинного особняка нас уже поджидали. У крыльца стояли два высших офицера, кажется, в чине полковников, и трое в штатской одежде, чинные и

холеные. Пока вся эта свита сопровождала меня на второй этаж, я пытался прочувствовать, что бы это значило. Меня ввели в просторную гостиную, убранную роскошной мебелью, и оставили одного. Но в получасовом одиночестве ничего вразумительного я не ощущал. Я не нервничал. На душе было спокойно. А, да будь что будет! Сейчас должно что-то проясниться.

В комнату без стука вошел мужчина столь властного вида, что я, признаться, тревожно заерзал в кресле. Никак не представившись (лишь несколько лет спустя, по газетным фотографиям я узнал, что ко мне вошел тогда всесильный слуга и личный секретарь "Зевса-Вседержителя"), он сухо спросил у меня: "При вас есть оружие?"

Я обомлел. Оружие? Да я редко в своей жизни держал в руках перочинный ножик! Но чувство юмора не покинуло меня, и я "храбро" ответил, многозначительно постучав пальцем по лбу:

— Только в этом арсенале я храню свое оружие.

Он никак не отреагировал, подошел ко мне и быстро и профессионально обыскал, вернее, ощупал меня с ног до головы.

И когда через несколько минут дверь мягко отворилась и на пороге возникла знакомая по бесчисленным бюстам и портретам личность всемирно известного диктатора, я сразу понял всю ту таинственность, с которой была обставлена и наша поездка, и все чопорные приготовления к встрече, и вопрос об оружии.

Он тихо поздоровался, но руки тогда не протянул. Я вежливо ответил, но бес сидел во мне, я не удержался и скаламбурил:

— А я недавно носил вас на руках!

Теперь, должно быть, оторопел Сталин, но он обладал завидной выдержкой, и только по-восточному хитро прищурился и спросил:

— Как это, на руках?

Я объяснил, что во время демонстрации нес его большущий портрет.

— Да ви, оказивается, ищо и юморыст...

Но в тоне его я не чувствовал ни капризной обиды, ни зловещего намека. Он стал задавать мне вопросы, но все они носили только политический характер, и моих телепатических возможностей он в тот раз в разговоре так и не коснулся.

А расспрашивал о положении в Польше, о моих встречах с Пилсудским и другими польскими деятелями. Я понимал, что тогдашняя Польша стояла у него бельмом в глазу.

Со Сталиным мне пришлось встречаться и позже, и уже после второй встречи он, вероятно, отдал приказ всесторонне и на самом высоком уровне проверить мои способности. Но это случилось несколько позже, уже в Москве, а тогда он, по-видимому, выезжал в Белоруссию с какими-нибудь партийными проверками или с военной инспекцией. Думаю, что только по его личному указанию мне предложили провести следующий эксперимент.

В одном крупном отделении Госбанка меня попросили получить 100 000 рублей по чистому листу бумаги. То есть в мою задачу входило внушить служащему банка, что я представляю ему солидный финансовый документ на получение столь огромной по тому времени суммы. Именно в громадности этой суммы и заключалась вся соль опыта. Ведь выдать такую сумму денег кассир мог, только тщательно проверив "документ", проявив при этом чрезвычайную бдительность.

Я подошел к кассовому окошечку и протянул человеку за стойкой чистый листок бумаги, вырванный из обычной школьной тетрадки. Пожилой кассир долго и пристально рассматривал протянутое мной "финансовое требование", перевел взгляд на меня, снова

на "документ", а потом открыл сейф и начал отсчитывать "полагавшиеся" мне сто тысяч...

Для меня, по сути дела, зто было повторением того эпизода в берлинском поезде, когда я превратил клочок бумаги в проездной билет.

В сторонке за моей операцией незаметно наблюдали специально приглашенные официальные лица — свидетели, которые тут же подписали акт о проведенном опыте. Пересчитали и сложенные мной в чемоданчик деньги — ровно 100 000. Потом я снова вернулся к окошечку кассы и протянул вновь тот же лист, но на сей раз мысленно приказал служащему банка увидеть лист бумаги таким, каким он и был на самом деле: чистым листом с печатью и его подписью о выданных деньгах. Он ошалело метался взглядом по пустой бумажке, с ужасом посмотрел на меня, потом откинулся на спинку стула и потерял сознание... Сердечный приступ! Вызвали скорую помощь. К счастью, все обошлось, и он выздоровел. Но память об этом случае до сих пор мучает мою совесть.

Другой эксперимент состоял в том, чтобы пройти на глазах трехрядной охраны одного военизированного учреждения, заранее предупрежденной, что именно меня-то и нельзя выпускать. Четырем часовым были даны мельчайшие приметы моей внешности и с точностью до долей минуты время моего предполагаемого прихода. Задание я выполнил без особого труда. Вспомнилось тогда, что уходить из полицейского участка было куда сложнее. Уже хотя бы потому, что тогда решался вопрос жизни и смерти, и сам я находился под повышенной психической нагрузкой. Там любой холостой "выстрел" мысленного приказа мог стоить мне дорого.

И хотя эти эксперименты проводились по указанию самых высокопоставленных государственных деятелей, но слух о них, однако, распространился по столице, обрастая, как всегда, по пути былями и небылицами.

Нисколько не сомневаюсь, что именно те пра-

вительственные задания и дали повод моим недоброжелателям, а также просто бездумным сплетникам злословить о моем якобы тесном сотрудничестве с НКВД. Слухи ходили чудовищные. Мне приписывали участие в следственных допросах важных политических заключенных в казематах печально знаменитой Лубянки. Более того, я будто бы мысленно "просматривал" настроение ближайших сотрудников Сталина, которых он мог подозревать в оппозиционных настроениях или даже заговорах.

Тебе, Танечка, как медику известна клятва Гиппократа, которую врачи дают перед началом своей практики. Смысл ее в том, что они клянутся употребить свои медицинские знания только на благо людям. Так вот, когда я впервые открыл в себе телепатические возможности, когда я осознал, что обладаю таинственным даром "повелевать" людьми, я сам себе поклялся, что никогда и ни при каких обстоятельствах я не буду использовать свой дар во вред человеку и обществу в целом. Ни разу я не нарушил это нравственное обязательство. Хотя знаю, что и по сей день злоязычники плетут обо мне самые невеселые истории.

Нужно, правда, сказать, что и сами власти на первых порах не очень мне доверяли. Продолжали довольно долго всесторонне меня "прощупывать", особенно, если учесть всегда свойственное им подозрительное отношение к разного рода оккультным проявлениям, не укладывающимся в негибкие рамки материализма.

Была и другая причина для недоверчивого ко мне отношения, чисто политическая, так как я был пришельцем с Запада, да еще из Польши, к которой тогда у них было самое враждебное отношение. И во время первой встречи со Сталиным я недвусмысленно сказал ему, что его страна на Западе не имеет надежной защиты, что самый "лучший" друг его станет самым ярым врагом. На мои предупреждения Сталин не

отреагировал. Позже я снова и снова пытался довести до сведения начальства свою уверенность в предстоящем нападении Германии, но мне ответили, что когда понадобится мой совет, меня поставят в известность...

Но все когда-нибудь кончается. Улеглась подозрительность и ко мне, и я получил возможность работать сравнительно свободно. Но сенсационного ажиотажа вокруг моего имени не создавали.

Первые большие аудитории советского зрителя я получил во время гастролей в Одессу и Харьков, а потом в Тбилиси, где и застало меня известие о нападении Германии на Россию.

Глава 17. ПЕРЕДОВОЙ ТЫЛ

Воскресное утро 22 июня 1941 года я помню до мельчайших подробностей. А еще лучше помню свое собственное настроение. Кроме того, что я не мог не разделять общей тревоги — беда-то пришла настоящая — я сокрушался от невеселых мыслей, что к моим предупреждениям о войне не прислушались, и о теперешней своей ненужности. О личном участии в боях или даже в какой-либо косвенной помощи фронту не могло быть и речи. При моем здоровье от меня бы отмахнулись, каким бы патриотом я себя не выказывал. А кому в такой час нужны мои психологические опыты, с грустью думал я.

С такими вот мрачными мыслями и возвращался я в Москву из Грузии. На всех станциях и даже незначительных полустанках наш пассажирский поезд останавливался, порой надолго. Зеленую улицу давали

только военизированным эшелонам. На всех остановках я неизменно выходил прогуляться по перрону и почему-то ни разу не попытался "проникнуть" в мысли озабоченных людей, осаждавших штурмом вокзальные кассы. Я понимал, что помыслы у всех схожие: как спастись от надвигавшегося шквала войны.

Попадал я на таких остановках и в неприятные ситуации: несколько раз меня задерживали патрули. Мой экстравагантный вид и иностранный акцент вызывали активное подозрение. Тому еще способствовало постоянное напоминание по радио и в наспех отпечатанных плакатах, что в тыл фашисты забросили свою агентуру.

Даже по прибытии в Москву я был арестован, несколько часов провел в военной комендатуре, пока шло выяснение моей личности. Так что я старался теперь без надобности ни с кем не вступать в разговор, чтобы не обнаружить незнания языка.

Но и на произвол судьбы меня не бросили. Вскоре я получил повестку о предстоящей эвакуации. Кто-то все-таки помнил обо мне и опекал. Дорога меня вновь вела на восток, теперь в сердце сибирского края — в город Новосибирск. Но вышло так, что в глубоком тылу я неожиданно стал приобщаться к фронтовым будням. Мне приходилось выступать перед частями, которые сразу после концерта отправлялись на фронт, либо выступал я в цехах заводов, когда зрители мои вместо театральных кресел сидели на ящиках с минами и снарядами. Что ж, я тогда даже возгордился: не вышел в лихую годину Вольф Мессинг в тираж, нужен он еще людям. Солдаты-зрители не могли не понимать, что многие из них завтра не вернуться из боя, но на моем выступлении их не покидало чувство здорового оптимизма. И когда кто-то вызывался быть моим индуктором, то почти каждое второе свое пожелание они сводили к какому-нибудь шутливому заданию. И я сам старался поддержать в них этот живительный дух.

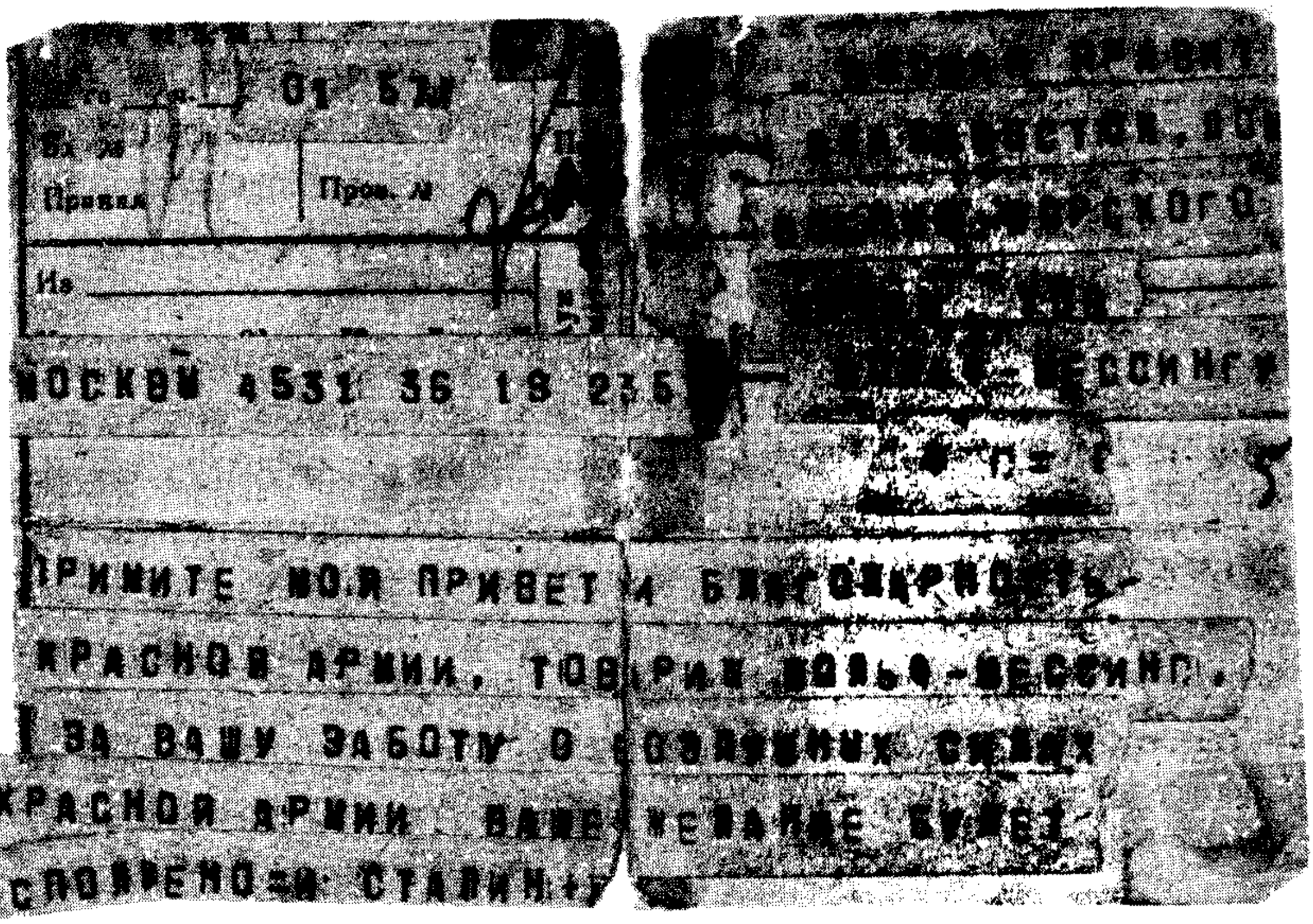
Я до сих пор храню толстую пачку пожелтевших бумаг в моем архиве, где, кроме солдатских и офицерских писем, есть и почетные грамоты командования, которые часто составлялись так, будто я был на самых передовых боевых позициях. Я безмерно гордился этим, как вкладом в борьбу с фашизмом.

Не скрою, оплачивались мои выступления по самой высокой актерской категории, и я располагал значительными денежными сбережениями, часть которых захватил с собой из Польши и обменял в Советском банке. Расходы мои всегда были невелики — я вел почти аскетический образ жизни. К тому же в то время я не имел семьи. Хотя знаешь, Таня, мне не приходилось встречать в жизни человека, который бы пожаловался на избыток денег. Я это совсем не ради бахвальства. Я действительно никогда не поклонялся золотому тельцу. Так что в моем положении эмигранта самым разумным было отдать свои сбережения на нужды армии. Такие поступки тогда широко рекламировались для поднятия патриотизма. Я решил, что лучше всего вложить деньги в самолет.

Я обратился к правительству с просьбой удовлетворить мое желание. И получил телеграмму — ответ за подписью самого Сталина:

"Товарищу Вольф Мессингу. — Примите мой привет и благодарность Красной армии, товарищ Вольф Мессинг, за вашу заботу о воздушных силах Красной армии. Ваше желание будет исполнено. И. Сталин."

Первую боевую машину я подарил в 1942 году, а более усовершенствованный истребитель передал авиационному полку два года спустя. Как-нибудь покажу тебе экземпляр многотиражной газеты тех лет "Летчик Балтики". В ней есть большая статья героя войны, летчика — капитана К. Ковалева, в которой он рассказывает о встрече со мной. Что ж, встреча эта памятна и мне. Но не могу без улыбки вспоминать, с каким трудом далось мне составление дарственного текста



6. Телеграмма Сталина

7. Самолет, построенный на пожертвования В. Мессинга.

для фюзеляжа самолета. Ведь не писать же краской неграмотно составленный мной текст! Но меня отредактировали, и надпись выглядела так:

"Подарок профессора В.Г. Мессинга балтийскому летчику Герою Советского Союза К. Ковалеву. За победу над фашизмом!"

В том же 1942 году с гастролями я побывал в Ташкенте, где меня ожидало приятное знакомство с писателем Алексеем Толстым, или как его называли за глаза — с "красным графом". До этого я знал его по книгам и пьесам. Уже после знакомства, когда наметились кое-какие успехи в русском языке, я немедленно прочел его книгу "Хождение по мукам", но пьесы по его произведениям я смотрел еще в Москве. "Хождение по мукам" оказалась близка мне по сюжетной канве: я и сам-то с детства прошел тернистый путь. Сродни мне оказался и мятущийся дух героев романа.

В годы войны, хоть Москва и продолжала быть эпицентром жизни государства, но культурная и научная элита разъехалась из Москвы, растеклась по окраинам России. В Ташкенте тогда было особенно много представителей интеллигенции. К моему приходу в особняк Толстого там уже сидели за чайным столом писатель Корней Чуковский, жена Максима Горького, знаменитый актер Берсенев, неизвестные мне музыканты. Квартира Алексея Толстого являла собой клуб избранных. Я провел там для гостей импровизированный сеанс своих опытов. Но слух о моем приезде вышел из этого замкнутого кружка, и через три дня моими зрителями были рабочие вывезенного из Воронежа завода, кажется, строительного.

Все годы войны я выступал, в основном, перед невзыскательной, но искренне принимавшей меня аудиторией. Да для меня и не важна была в то время интеллектуальность зрителя. Гораздо важнее было не

оставить в людях чувства подозрения, что перед ними шаман или ловкий надуватель.

Глава 18. ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ ВЗОРОМ НАУКИ

В 1944 году в Новосибирске после моего выступления ко мне за кулисы пришла молодая женщина. И сразу быка за рога:

— Вы знаете, мне кажется, что вступительное слово перед вашим выходом нужно читать по-другому... Ну, хотя бы в иной манере.

Меня заинтриговала такая прямота и полное пренебрежение к моей известности.

— Ну, что ж, — сказал я, — попробуйте вы, если можете. Следующее мое выступление через два дня. Успеете подготовиться?

— Думаю, что да, — ответила незнакомка.

Накануне выступления я встретился с ней снова. Мне понравилась ее манера говорить: четкая, сдержанная, без намека на внешний эффект. В ней самой чувствовалась большая внутренняя культура.

— А у вас есть длинное платье для выступления? Что-нибудь вроде вечернего туалета?

Казалось, она сама была заинтересована работать со мной и должна была бы во всем соглашаться. Но ответила она гордо, даже вызывающе:

— Такого платья у меня нет. Но я уверена, что для ваших "Психологических опытов" оно и не нужно. Такой программе, выпадающей из привычных

сценических рамок, больше подходит строгий темный костюм. Такой у меня есть.

Такова была моя первая встреча с женщиной, которая стала потом и моим помощником, и другом... Да ты и сама, Танюша, видела наши отношения. —

Вольф Григорьевич внезапно умолк, словно ловя ускользающую нить повествования. Я понимала, что душа его сейчас с ней — с Аидой Михайловной, и отвела от него взгляд, словно хотела дать им возможность побыть наедине.

— ...А в первые послевоенные годы я познакомился еще с одной замечательной личностью, сложной душевной конституции, изломанной судьбы. Понимаешь, такие люди меня всегда притягивали больше, нежели те, о ком говорят — "в здоровом теле — здоровый дух". Я вспоминаю о нем с величайшим почтением. Я говорю о писателе Алексее Игнатьеве, авторе жизненной драмы-эпоса "Пятьдесят лет в строю". Ну, книгу тебе пересказывать, Таня, думаю, нет нужды, да я сейчас больше хочу сказать не о его творчестве, не большой я знаток русской литературы, а о тех незабываемых днях уюта и тепла, которые он мне подарил. Понимаешь, таким вечным скитальцам, как я, особенно памятны дни и минуты, ты будешь смеяться, как бы это сказать... ну, мещанского, что ли, благополучия, когда тепло и покойно.

Игнатьев прожил большую и сложную жизнь, напомнившую мне мою собственную, хотя его скитания по житейским дорогам вряд ли можно сравнить с моими. Ведь он был дипломатом, ему не приходилось ездить под лавками вагонов. Но позже, уже в качестве политического изгнанника, ему довелось попробовать и горький хлеб чужбины...

Жил он после возвращения в Москве, на Старой площади, и двери его квартиры всегда были широко распахнуты, с истинно русским гостеприимством.

Памятен мне день, когда он пригласил нас с женой на ужин, который я всегда с удовольствием вспоминаю. Ужин был обставлен с русской широтой и хлебосольством. Стол сверкал изысканными серебряными приборами — вплоть до вилочек для лимона и китайской соусницы с головой дракона на ручке. И чай мы пили из тончайшего кузнецовского фарфора. Правда, многие приборы нам не понадобились, так как единственным блюдом, не считая чая, была рассыпчатая гречневая каша со шкварками.

Но с уверенностью могу сказать, что любой гурман отдал бы должное этой каше! Незабываемая каша — такой я больше никогда не пробовал! И если при таком скромном меню я сказал, что ужин был обставлен в традициях русского хлебосольства, то имел в виду атмосферу душевной доброты и щедрости, которые каждый мог найти в семье Игнатьевых и в дни недостатка, и в дни благополучия. Как в той русской поговорке: "Чем богаты, тем и рады". А еще он был великолепным собеседником, умевшим и слушать, и рассказывать. Любовно храню среди множества книг, подаренных мне авторами с дарственными автографами, и его книгу, и когда вновь перечитываю любимые страницы, словно слышу опять голос самого Алексея...

Было у меня немало и других знакомств, которые я бережно храню в памяти сердца, но не обо всех настала пора рассказать: ведь многие живут и творят и сейчас, так что не хочется говорить о них без их "санкции".

Все эти послевоенные годы я много разъезжал со своими "Психологическими опытами", все лучше и больше познавая огромную страну и ее народы, а главное — приобрел неисчислимое множество новых знакомств. Были у меня, безусловно, и завистники, но друзей — неизмеримо больше.

Не мог я жаловаться и на невнимание ко мне публики, потому что не припомню ни одного своего выступле-

ния без аншлага. Грех мне пенять и на равнодушие прессы. В газетах и журналах стали появляться восторженные заметки и статьи, хотя я не раз говорил, что всегда старался избегать "мистического ажиотажа" вокруг своего имени. Всякий раз подчеркивал, что способности мои могут в той или иной степени обнаружиться в каждом человеке. И главное, я не хотел придавать им сверхъестественный оттенок, подчеркивал их "земное" происхождение.

И только одна категория "зрителей" относилась ко мне, мягко говоря, сдержанно — ученые. И суть тут не в их равнодушии к необычным телепатическим экспериментам, отнюдь. Они активно участвовали и в качестве зрителей, и в составе жюри на моих сеансах. Но со страхом или, скажем, с осторожностью подходили к необходимости уложить "Сеансы" в какие-то объяснимые научные рамки.

В 1950 году мое непосредственное начальство, под эгидой которого я работал, театральный отдел Министерства культуры, обратился к Институту философии Академии наук СССР с просьбой помочь в составлении текста, который бы объяснил материалистическую сущность моих опытов. Ничего удивительного: это были трудные времена для развития философской и вообще научной мысли в России, как в ее классических вариантах, так и в каких-либо новых аспектах. Единственным человеком, которому принадлежало последнее слово в философской науке, был Иосиф Сталин.

Таким образом, если на олимпийской вершине мысли не давалось какого-нибудь внятного объяснения явлениям парапсихологии, то и внизу, в рядовых научных кругах, никто не осмеливался сказать свежее слово. Все непонятное, необъяснимое подводилось под уже расчерченные законы, утвержденные "непогрешимым пророком". То, что никак не совмещалось с

границами "апробированных" результатов, мне просто не рекомендовали делать.

И вот мое артистическое руководство получило следующее письмо:

Институт философии.

Гастрольному бюро Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

В соответствии с Вашим запросом направляем текст вступительного слова к выступлениям В. Г. Мессинга.

Автор текста — кандидат педагогических наук — психолог М. Г. Ярошевский.

Текст апробирован сектором психологии Института философии.

Заведующий сектором психологии —
Петрушевский.
17 мая, 1950 года.

Ну, Таня, текст ты этот слышала многократно, думаю, что ты его знаешь уже наизусть... —

Глава 19. НАУЧНЫЕ ЛАБИРИНТЫ

На протяжении всех лет дружбы с Мессингом я следила за печатью, стараясь найти хоть какую-то серьезную работу, объясняющую или хотя бы пытающуюся объяснить явление телепатии. Иногда встречались несмелые попытки, тут же заливаемые потоками критики, а порой и просто брани с обилием избитых

шаблонов: антиматериалистические, буржуазные, псевдонаучные, ренегаты...

Во главе "инквизиции" стоял профессор Александр Китайгородский. Сами гонители любых проявлений телепатии и парапсихологии никакого серьезного объяснения дать не могли. А как же объяснить народу, что ничего сверхъестественного в опытах Мессинга нет, что все просто и ясно? Ведь материалистическая философия должна (!) объяснить все. На помощь пришла вездесущая теория Павлова. На ее основе было написано объяснение способностей Вольфа Мессинга. Аида Михайловна должна была каждый вечер зачитывать этот текст зрителям до выхода Мессинга, текст, который написал Ярошевский, кандидат наук из Института философии.

Не знаю, убеждало зрителей это объяснение или нет, но я хочу в этой книге дословно передать весь этот "научный" текст:

"Психологические опыты Вольфа Мессинга, которые вы сейчас увидите, свидетельствуют о наличии у Мессинга чрезвычайно интересной способности. Мессинг точно, безошибочно выполняет самые сложные мысленные приказания, которые любой из присутствующих здесь пожелает ему мысленно продиктовать. На первый взгляд умение Мессинга улавливать мысленные приказания других людей может показаться какой-то таинственной сверхъестественной силой. Однако, ничего сверхъестественного Мессинг не делает.

Его опыты полностью объясняются материалистическими законами природы и строгой научной логикой. И чтобы у присутствующих была полная ясность в сути психологических опытов, я попытаюсь доступно и вкратце рассказать, почему ему удается выполнять сложнейшие задания зрителей.

Мыслящим органом человека является мозг. Механизм или технологические процессы его работы объяснены русскими учеными Сеченовым и Павловым.

Еще в прошлом веке Сеченов выдвинул теорию рефлекторной деятельности головного мозга. Идеи эти позже были отшлифованы Иваном Петровичем Павловым. Последний доказал, что все душевные процессы: ощущения, чувства, представления, мысль — есть результаты деятельности миллиардов клеток, из которых состоит мозг.

Отражая воздействия внешнего мира, мозг регулирует все физиологические процессы, которые лежат в основе нашей жизнедеятельности.

Когда человек о чем-то думает, его мозговые клетки мгновенно передают импульсы по всему организму. Например, если человек думает о том, что он берет в руку какой-нибудь предмет, представление об этом действии сразу же изменяет направление мышц руки. Правда, это направление мышц не столь значительно. Однако, оно реально существует. В этом можно убедиться на простом опыте. Возьмите в руку шнурок, к которому прикреплен какой-нибудь груз. Вы получите своего рода маятник. Затем начните думать о каком-либо движении, например, о вращении маятника по часовой стрелке. И чем вы ярче будете думать об этом, тем скорее убедитесь, к собственному удивлению, что груз действительно начнет описывать круг. Объясняется это тем, что тот участок мозга, в котором протекает нервный процесс, лежащий в основе представления, тесно связан с участком мозга, который регулирует движения. Представление всегда тесно связано с движением. Чем ярче преставление, тем заметнее эта связь. Стоит только велосипедисту ярче представить, что ему грозит опасность наехать на кучу камней, как он непроизвольно совершает на самом деле такие движения, которые и приводят его к аварии. Стоит только нам представить, переходя по узкой перекладине, что нам грозит опасность упасть, как наши движения становятся неуверенными, и нас на самом деле может постичь

несчастье. Представление непроизвольно преобразуется в движение.

Такое изменение в скелетной мускулатуре человека при одной только мысли о движении называется в науке идеомоторным актом. От слова "идея" и "моторика", что означает — двигаться. Идея, мысль отражается на моторной, двигательной сфере.

Исследования физиологов — учеников и последователей академика Павлова — К. М. Быкова и других показали, что мысль о движении вызывает не только слабые сокращения соответствующих мышц, но также и изменение кровообращения в организме, повышение его возбудимости и т. д.

Не так давно были применены очень чувствительные приборы для записи токов, возбуждающих мышцы при мысли о чем-либо, о движении в каком-либо направлении и т. д. Оказалось, что если человек, закрыв глаза, представляет како-нибудь высокий объект, например, высокую башню, то в этот момент в мышцах его глазных яблок появляются такие импульсы возбуждения, словно он действительно смотрит на высокую башню и при этом поднимает глаза вверх.

Если к языку и гортани человека приложить электроды, соединенные с достаточно чувствительным гальванометром, а затем попросить испытуемого представить в уме, что он произносит какую-нибудь фразу, то гальванометр зафиксирует возникновение в мышцах гортани слабых импульсов. Как будто испытуемый вслух произносит несколько слов.

Данные научных экспериментов не оставляли никаких сомнений в том, что наши представления и мысли, являясь продуктом деятельности мозга, неразрывно связаны с соответствующими движениями. Эти движения, как было уже указано, очень слабые, незаметные, недоступные непосредственному восприятию. Однако при известных условиях их можно уловить.

Приводимые сегодня опыты являются ярким тому доказательством... Как же познаются эти незаметные движения? Все, что мы познаем, мы познаем только через наши органы чувств.

Ощущение — единственный источник сознания. Ощущения возникают в результате воздействия реального мира на наши органы чувств.

Для того, чтобы возникло ощущение, необходимо, чтобы раздражитель достиг известной величины. Вы, например, не слышите тиканья ваших часов, но если вы приблизите часы достаточно близко к уху, то появятся соответствующие слуховые ощущения.

Острота органов чувств не у всех людей одинакова. Некоторые из них, в силу условий жизни и деятельности, обладают очень высокой, иногда поразительной чувствительностью.

Вероятно, многим из вас приходилось слышать об обостренной чувствительности слепых или слепоглухонемых. Вследствие того, что они лишены возможности ориентироваться в окружающем мире с помощью зрения и слуха, у них сильно обостряется осязательная, вибрационная чувствительность.

Идя по знакомым улицам, по запаху судят о том, мимо какого дома проходят; издали, по вибрации, воспринимают приближение человека, автомобиля, любого движущегося предмета или существа.

Чувствительность не является неизменной, независящей от опыта, способностью. Тренировка и упражнения могут резко повысить чувствительность любого органа чувств.

После того, что было сказано о переходе мысли в слабое мышечное движение, а также вообще о чувствительности человека, станет полностью понятным то, чему вам сегодня доведется быть свидетелями...”.

Вот таким интригующим многоточием и заканчивала Аида Михайловна свое вступительное слово перед началом "Психологических опытов" Вольфа Мессинга.

Что в этих словах было истинного, а что просто приемом, имеющим целью заинтриговать зрителя?

Думаю, что самой Аиде Михйловне далеко не все было ясно, несмотря на то, что почти два десятка лет она видела зти эксперименты почти ежедневно.

Словом, факт налицо, а научных объяснений никаких.

Что же такое парапсихологическая связь? Ведь элктромагнитный спектр изучен во всем диапазоне. В нем нет ни одного участка, на котором могла бы осуществляться телепатическая связь.

Спектр изучен от сверхжестких гамма-лучей до сверхдлинных радиоволн. Стало быть, материального поля, которое бы служило передатчиком информации непосредственно из мозга в мозг, не существует. Но, может быть, существуют неведомые виды поля, которые не регистрируются и не фиксируются существующими в наше время приборами?

Электромагнитное поле было открыто Генрихом Герцем только в 1886 году. Где-то только полтораста лет назад понятия не имели о материальном поле и передаче звуков и изображения на большое расстояние. Так может, еще через 100 лет кто-то откроет новое поле, способное объяснить телепатию.

И опять возникает мысль — как мало мы знаем о возможностях человека! Пускай, не чудо. Тайна человеческого мозга! А сам Мессинг? Может ли он сам четко объяснить свои ощущения? А ученые? Могут ли они, положа руку на сердце, сказать, что все ясно в этом редком даре человеческой природы? Тайна за семью печатями...

Предоставим слово чистой науке, а в других

случаях просто фактам, имевшим авторитетных свидетелей, добросовестных очевидцев.

Приходится сожалеть, что самый пик творческого расцвета совпал у Мессинга с так называемым периодом культа личности. Да еще и после этого пресловутого культа понадобилось несколько лет, прежде, чем и другие, более очевидные, да и практически полезные научные изыскания приобрели право гражданства: генетика, теория игр, кибернетика и др. А ведь придись у Вольфа Григорьевича активная творческая работа на два десятилетия позже — и кто знает, к каким результатам и открытиям пришли бы с его помощью психологи. К сожалению, тяжелые времена не позволили осуществить этого, и творчество Мессинга, этот редчайший психологический феномен, свелось к развлекательным концертным программам.

Но давайте посмотрим, какой багаж накоплен учеными в этой области, как оценивают наши современники возможность "бестелеграфной" связи.

Вопрос — существует ли передача чувственных образов на расстоянии — имеет многовековую историю. Догадка об этом возникла в глубине столетий на основании существования предчувствий. Примеров много.

В годы Второй мировой войны ходили бесчисленные рассказы о том, как мать или жена необъяснимым образом до получения извещения с фронта уже знала о смерти сына или мужа. Речь идет, конечно, не просто о тяжелых предчувствиях, а о тех случаях, когда люди предвидели точную дату, а иногда и час гибели близкого.

А вот что произошло с самим Гансом Бергером, создателем электроэнцефалографии (методики регистрации биотоков мозга), который пишет в своей брошюре "Психея":

"*Это произошло, когда девятнадцатилетним студентом я едва избежал неминуемой гибели во время*

военных учений в Вюрцбурге. На узком крае обрывистой горной дороги я упал вместе с лошадью, которая в числе прочих шести лошадей везла артиллерийское орудие, и едва не попал под колеса. В последнее мгновение удалось остановить лошадей, и я спасся, пережив лишь испуг. Это случилось в утренний час прелестного весеннего дня, а вечером того же дня я получил телеграфный запрос от отца. Он спрашивал, все ли со мной благополучно. Первый и единственный раз в моей жизни я получил от него подобный запрос.

Оказалось, что моя старшая сестра, с которой я был особенно близок, настояла на том, чтобы телеграмма была послана, сказав родителям, что со мной случилось несчастье, что она определенно это знает. Мои родители жили тогда в Кобурге.

Это была спонтанная передача мысли, причем я в миг величайшей опасности, видя перед глазами смерть, действовал как передатчик, а особенно близкая мне сестра оказалась приемником...

...Однажды утром, когда я одевался, — пишет Ганс Бергер, — *внезапно у меня появилось неприятное ощущение, будто я нахожусь вместе со своим школьным товарищем, с которым не виделся лет двадцать. Идя на работу в клинику, я все время возвращался к мысли об этом товарище и не мог от нее отделаться. Четыре часа спустя комендант клиники доложил мне, что со мной по важному делу желает поговорить один господин. Господин этот оказался моим товарищем."*

Профессор Л. Л. Васильев в своей книге "Внушение на расстоянии" рассказывает о следующем случае (и у нас нет оснований не верить свидетельству серьезного ученого) :

Летом, когда ему было двенадцать лет, он жил на даче недалеко от Пскова. Мать и отец уехали на воды в Карлсбад (Карловы Вары).

"Однажды под вечер мы решили повторить одно из приключений детей капитана Гранта, спасшихся на дереве от наводнения. Выбор пал на развесистую иву, склонившуюся над водой на другом берегу реки. Я изображал Паганеля и так вошел в эту роль, что, как и он, сорвался с дерева, упал в воду и, не умея плавать, стал тонуть. Только ухватившись за попавшуюся под руку ветку, я с большим трудом смог выбраться на крутой берег. Брат и сестра с немым ужасом смотрели с дерева на эту сцену. Особенно волновала нас неизбежность наказания. Скрыть от теток свое приключение мы не могли: я промок до нитки, а моя новенькая гимназическая фуражка с белым верхом — предмет моей гордости и любования — подхваченная течением, уплыла к запруде и скрылась в пене и брызгах. Дома наши юные тетки скрепя сердце согласились не писать в Карлсбад о случившемся (им это тоже было невыгодно), взяв с нас слово, что мы не повторим ничего подобного.

Каково же было удивление и смущение, и наше, и теток, когда в первый же день приезда мать со всеми подробностями рассказала всю нашу историю, указала на злополучную иву, упомянула о фуражке, уплывшей к запруде и т. д. Все это она увидела во сне в Карлсбаде и, проснувшись в слезах и смятении, уговорила отца тотчас же послать телеграмму домой — все ли благополучно с детьми. Отец признался, что на телеграф он тогда не пошел, а, чтобы успокоить мать, подремал с полчаса в вестибюле гостиницы и, вернувшись, сказал, что телеграмма послана."

Такие совпадения говорят в пользу существования телепатии. Что же касается специалистов, то одни говорят о "передаче телепатической информации" как естественном, но еще не изученном психофизическом явлении, другие обращаются к вере, религии, мистике.

Но не противоречат ли примеры передачи чувственных восприятий на расстоянии научному взгляду на мир?

Телеграф, телефон, радиовещание и телевидение — разве это не передача человеческой мысли на расстоянии? Верно, здесь налицо материальная "веревочка". Но в тех многочисленных "нематериальных" случаях передачи нельзя ли поискать какое-то новое, пусть вещественное, просто неизвестное доселе поле? Кто может утверждать, что больше нет белых пятен в природе?! Серьезные ученые продолжают искать новые виды материальных процессов, лежащих в основе телепатических явлений. А быть может, вовсе и не материальная основа в них заключена...

Секреты гипнотического влияния известны были еще древнему миру. Искусством гипноза владели жрецы Египта, Вавилона, а у древних греков существовал четкий налаженный институт жриц, угадывающих в своих предсказаниях самые невероятные события в судьбах отдельных личностей и целых народов и государств.

В лондонском институте парапсихологических исследований демонстрировал свои способности некто Куда Бакс из Индии. Он ходил по раскаленной дорожке, усыпанной горящим углем и залитой расплавленным парафином. Перед испытанием ступни ног у Бакса проверили на предмет того, не приклеена ли к ним какая-нибудь жарозащитная прокладка. После эксперимента оказалось, что кожа на ступнях не имела ни малейших следов ожога. Но самое удивительное и загадочное произошло потом. Бакс должен был пройти по такой же дорожке вторично. Но он вдруг отказался продолжать опыт...

"Что-то во мне сломалось, — сказал он. — Извините, но я не могу повторить эксперимент. Я потерял веру в себя и могу сильно обжечься..."

Если верить Баксу, то в феномене "огнеходцев"

самую значительную роль играет психический настрой и связанное с ним психофизическое состояние организма. И в этом нет ничего абсурдного, поскольку доподлинно известны, например, многочисленные случаи, когда слова врача-гипнотизера способны были вызвать на теле загипнотизированного настоящие следы ожогов. А сколько примеров из опыта глубоко верующих людей! Многие десятки христиан, желая мысленно пройти путь страданий Иисуса Христа вплоть до распятия, потом обнаруживали на своих ладонях кровавые следы от гвоздей — стигмы.

Возможно, со временем физиологи узнают, каким образом человек способен наделить свой организм такими свойствами, каких он, по видимым признакам, от природы не получил.

Никакие чудеса мира не могут сравниться с тем, на что способен человеческий мозг. Он — источник мыслей гениев и творец божественного искусства, чьи плоды нетленным духом наполняют материальный мир. Но удивительно, что сам мозг, порождая чудесное, остается все еще тайной за семью замками, областью неведомой и таинственной.

Одно из величайших "достижений" мозга есть слово. Древнегреческий софист Георгий, славившийся мудрым красноречием, говорил: "*Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить*".

Глава 20. ЧТО ЖЕ Я МОГУ?

...Автобус грязь месит,
Автобус филармонии по лужам бежит.
На концерт к шахтерам едет Вольф Мессинг,
Наверное, без Мессинга они не могут прожить...

Тучи над дорогой залегли, нависли,
Едет Вольф Мессинг, спокойствием лучась.
Шахтерские подземные, подспудные мысли
Начнет он, будто семечки, щелкать сейчас...

Вольф Григорьевич процитировал мне этот отрывок из посвященного ему стихотворения поэта Роберта Рождественского и снова потянулся к своим треклятым папиросам.

А я, воспользовавшись паузой, стала припоминать свои собственные первые пробы пера, когда разрывалась между двух огней — медициной и журналистикой. Из этой попытки оседлать Пегаса так ничего и не получилось, но сейчас было к месту припомнить свои девичьи "идеи":

У светлой мысли — чистый путь,
Ей нипочем преграда зла!
От сердца к сердцу не забудь
Ты перекинуть мост добра...

И подумалось: ведь как хорошо, что необычайный этот дар "перебрасывать" свои мысли другим, эта возможность дарована человеку, который способен "наводить мосты" между человеческими сердцами только во имя истины и добра. Не знаю, "слышал" ли тогда Вольф Григорьевич мои "подспудные" размышления. Только он продолжал так:

— Видишь, Роберт Рождественский говорит в стихотворении, будто я читаю чужие мысли... Так ли это на самом деле? Да, при известной натяжке можно определить это так, что я воспринимаю мысль другого человека. Но чаще всего я воспринимаю ее в виде схем-образов, обозначающих действие или определенное место.

Мой друг, писатель и журналист Михаил Васильев, с которым мне однажды пришлось прожить несколько дней на его подмосковной даче, тысячу раз задавал мне один и тот же вопрос:

— Скажите, Вольф Григорьевич, как это у вас получается? Как вы это делаете?

Я видел, что его, как и других, разбирает вовсе не праздное любопытство школьника, просящего раскрыть секрет карточнго фокуса.

Помню, Васильев работал тогда над сбором материала для серии книг "Человек и Вселенная" и как раз над материалом для тонкой и щекотливой темы — "Человек наедине с собой". Весьма абстрактная и одновременно конкретная тема. И что я мог ответить — как ЭТО "делается"? И как назвать это "ЭТО"?! Я совсем не хочу напускать туману вокруг своего имени и способностей. Сколько уж я повторял, что и сам не склонен числить себя среди небожителей. Во всяком случае, "ЭТО" я не поднимаю выше других незаурядных способностей человека. Ведь сколько талантливых людей мы встречаем на каждом шагу! Приведу простой пример.

Представь себе, что ты очутилась в стране слепых. Ну, скажем, в той, которую нарисовал в одном из своих пессимистических рассказов Герберт Узллс. Либо в той, в которую перенес действие своей маленькой драмы Метерлинк (для нас эта фантастическая страна или остров не равнозначны человеческому бытию, они нужны для большей наглядности).

Итак, ты в этом мире слепых, где и не подозревают,

что такое зрение, и ты там единственное зрячее существо. И дотошный популяризатор настойчиво допытывается у тебя:

— Неужели ты можешь знать о предметах, удаленных от тебя на десятки и сотни метров? Невероятно!.. Ну, расскажи, как это у тебя получается — видеть? Как ты "это" делаешь?

А теперь отвлекись от этих вопросов, столь прямолинейных, а потому и профанирующих серьезный подход к сложной проблеме. Отвлекись и сама попробуй ответить — действительно, как?

Вот в таком положении оказался и я перед вопросом моего друга. Но ты все-таки в лучшем положении. Ты сможешь объяснить своему собеседнику суть лучей, разъяснить, как работает глаз с его линзой-хрусталиком и дном, на которое проецируется изображение. То есть, ты сможешь объяснить то, что целая когорта ученых на основе многих тысяч опытов установила как непреложную истину. Ну, а если спрашивает меня житель страны слепых? Как ему передать то, что ему никогда не дано было испытать ни зрительным, ни чувственным, ни рассудочным опытом?..

Мне давно не терпелось спросить Мессинга о его встречах с другими телепатами и о том, как он оценивает их способности. Мне казалось, что в тот раз он сам подошел к этой теме. И когда я все-таки спросила первой, он заметно оживился.

— Конечно, конечно, Тайболе — встречался! Я же никогда не претендовал на свою уникальность. Монопольным правом можно обладать только на какое-то изобретение. Но я ничего не изобрел, я получил свои способности, как получают наследство. Вот только не знаю — от кого. Вероятно просто, что возможности телепатически контактировать с окружающими у меня выражены ярче, чем у других.

Я могу припомнить множество встреч с телепатами

разных стран, которые в той или иной мере действительно обладали талантом воспринимать чувство, образ, мысль, иногда слово индуктора. Не мало повидал я и откровенных шарлатанов, обыкновенных мошенников, водивших публику за нос, прибегавших в своих обманах к примитивным "техническим" методам.

Многим приходилось бывать вот на таком представлении. На сцену выходят, как правило, двое — мужчина и женщина. Первому плотно завязывают глаза черной повязкой. Затем на сцену приглашают кого-нибудь из зрителей, чтобы дать ему возможность убедиться, что платок повязан плотно и увидеть сквозь него нельзя. Что обман-де исключен.

Тогда женщина-ассистент направляется в зрительный зал и "действо" начинается. Женщина останавливается, например, у восьмого ряда партера. В крайнем кресле сидит военный, полковник с четырьмя рядами орденских ленточек и золотой звездой Героя. Очень отчетливо и громко, чтобы слышно было всем присутствующим, ассистент спрашивает:

— Кто рядом со мной?

"Телепат" на сцене отвечает:

— Военный...

— Уточните... Подумайте...

— Полковник, пехота...

— Точнее..?

— Гвардейская пехота...

— К чему я прикоснулась?..

— Орденские колодки...

— Четче!..

— К ленточке ордена Красного Знамени.

— Сколько у него вообще орденов?.. Отвечайте!.. Не сразу... Считайте...

— Четыре.

— Правильно... А рядом с кем я сейчас стою?..

Подобный диалог можно было бы продолжать до

бесконечности. И я всегда смотрел такие сеансы со смешанным чувством. Во-первых, как рядовой зритель я отдавал должное натренированности "телепата" и его помощницы, равно как мы восторгаемся ловкостью манипулятора, хорошего фокусника. Но не больше. Эти ловкачи не обладают элементарной порядочностью, чтобы демонстрировать т о л ь к о техническую виртуозность, заключающуюся в данном случае в тренированности памяти.

Известные в свое время иллюзионисты Дик Читашвили, а также Ефим и Полина Кубанские весьма эффектно выхватывали из воздуха на глазах изумленной публики десяток зажженных сигарет. Но они не пускали пыль в глаза и не утверждали, будто сигареты эти имеют "неземное" происхождение. Напротив, они сообщали, что их можно купить в театральном буфете или в ближайшем табачном киоске. Таким образом, они демонстрировали искусство блестящих манипуляторов, доступное многим при хорошей тренировке. Они готовы были и поделиться своими "секретами".

А "телепаты", о которых я рассказал, идут на намеренный обман, чем подрывают доверие к настоящим парапсихологам.

Давай посмотрим, в чем трюк вышеописанной сценки. У обоих партнеров заранее обусловленный код, которым они достаточно примитивно обмениваются. И зашифрован он примерно следующим образом:

СЛОВО	ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
Кто рядом...	Военный
Уточните, подумайте...	Полковник
Быстрее...	Пехота
Точнее...	Гвардейская
Я дотронулась...	Орденские колодки
Четче...	Орден Красного Знамени

Вот и весь "секрет"! Если бы, скажем, вместо слов "уточните, подумайте" было бы произнесено только "уточните", тогда бы это означало, что офицер носит звание подполковника. Если одно "подумайте", то — генерала. Если вместо "я дотронулась" женщина скажет "я коснулась", тогда бы это означало слово "погон", а "я прикоснулась" — звездочка Героя, "прикоснулась я" — головной убор и так далее.

Возможности для передачи информации такого рода ограничены лишь пределами человеческой памяти, так что психологией здесь и не пахнет. В кругу семьи и друзей каждый (в меру своих сил и памяти) может устроить похожее представление.

Приходилось мне видеть и другое "колдовство", выдававшееся за "чтение мыслей". И тоже построенное на техническом приеме. Вот представь себе такой диалог:

— С кем я рядом стою?

— Военный. Полковник, награжден четырьмя орденами Красного Знамени.

— А теперь я с кем?

— Этот человек одет в серый костюм... В руках у него вчерашний номер газеты.

— А с кем я стою сейчас?

— С шахтером, а с ним рядом очаровательная молодая женщина...

В данном случае разговор не имеет зашифрованных слов, нет в нем и уточнительных повторений, и очевидно, что никакой информации он скрыто не несет. Но и с телепатией ничего общего не имеет. У партнера на сцене черной повязкой закрыты не только глаза, но и все лицо. Платок плотно сжимал рот "отвечающего" на вопросы, а следовательно не мог он на самом деле произнести ни звука.

Вопросы задавал и сам на них отвечал один и тот же человек, тот, что прохаживался между рядами... Здесь уже иной дар — искусство чревовещания, и обладают им немногие. Суть его состоит в том, что человек говорит, не шевеля губами, утробно, причем, разными голосами: ребенка, женщины, старика, известных актеров или политических деятелей. Тут, несомненно, присутствует актерский талант.

Я с восторгом смотрел такие номера, как диалог матери с "ребенком" — куклой, или разговор маленькой девочки с портретом своей прабабушки, или совсем сказочные беседы феи с цветами и птицами... Но и это т о л ь к о и с к у с т в о. Элемент использования психики явно отсутствует.

В арсенале моих способностей есть древнее (как и почти все в этом мире) умение приводить себя в состояние каталепсии. Им в совершенстве владеют и многие члены секты йогов, что мне неоднократно приходилось видеть в Индии. У меня оно проявилось в раннем детстве, ты помнишь, это давало мне возможность зарабатывать себе на жизнь.

Каталепсия — это состояние полнейшей неподвижности, с застывшими членами и задеревенелостью всех мышц. Когда я вхожу в состояние каталепсии, меня можно положить затылком на спинку одного стула, а пятками на другой, так что получается нечто вроде моста. При такой "акробатической" фигуре на меня может сесть довольно крупный мужчина, которого я бы в обычном состоянии не удержал и ни на вершок не мог бы оторвать от земли. А в каталептическом состоянии я выдерживаю его довольно долго и легко. Я совершенно не чувствую его веса. Да и вообще в такие минуты я как бы выключен из аппарата чувствительности: перестает прощупываться мой пульс, перекрывается дыхание, еле уловимо биение сердца.

Иван Павлов, русский физиолог, объясняет такое

состояние, например, у очень нервных людей внезапным, шоковым волнением. Бывает это при истерии или под влиянием гипнотического внушения. Он видит в этом изолированное выключение коры головного мозга без угнетения деятельности нижележащих отделов нервно-двигательного аппарата. Я же вхожу в такое состояние самопроизвольно, правда, после длительной подготовки. Мне иногда требуется несколько часов, чтобы собрать в один комок свою волю. Но в последние годы я стал все реже демонстрировать это умение. Сказываются психические перегрузки пережитых лет. В далекой юности, в мои первые турне по Европе каталепсия входила обязательным номером во все мои выступления.

Но и на этом поприще находились ловкачи, демонстрировавшие "каталепсию" с помощью всяческих механических ухищрений. Видимо, ни одна сфера человеческой деятельности не обходится без профанаций и обмана.

В западных странах оккультные науки были в мое время чрезвычайно популярны, имели многочисленных поклонников и адептов. Я видел разрисованные пестрые домики и шалаши гадалок, магов, волшебников, хиромантов на Елисейских полях и Больших бульварах в Париже, на Унтер ден Линден в Берлине, на улицах Стокгольма и Буэнос-Айреса, в Марокко и Токио.

Помню легендарного хироманта Пифело, раздававшего прохожим (за деньги, разумеется) "чудодейственные" талисманы. На какой только случай жизни не было у него "спасительных" безделушек! Тут и "защита от пули и штыка в бою", и "помощь для неродившихся женщин", для "удачи в коммерции", просто для "счастья" и для того, чтобы разбогатеть. Последнее, однако, самому Пифело не помогало, и он так и не стал в шеренгу богачей.

Припоминаю психографолога Шиллера-Школьника. Он не только по почерку определял характер человека,

что весьма несложно, но и предсказывал будущее и раскрывал прошлое. Я поддерживаю точку зрения, что почерк может в значительной мере выражать определенные склонности человеческого индивидуума. В этой проблеме Зигмунду Фрейду принадлежит немало интересных и, в целом, верных выводов, в частности, в том, что касается описок, характерных письменных оговорок и пристрастия к повторению отдельных слов. Великий Гете, имевший обширнейшую коллекцию автографов, тоже, кстати, не сомневался в том, что характер и душевный склад личности сказывается на его письме — графически.

Что касается возможности толкования по почерку каких-либо элементов судьбы, будь то из будущего или прошлого — то к этому я отношусь с глубочайшим скептицизмом.

Не могу не упомянуть и таинственное общество метапсихологов — собрания спиритов и мистиков, любителей сеансов столоверчения и вызывания духов предков. Признаюсь, одно время я и сам входил в это братство "не от мира сего" и активно участвовал в их "шабашах". В тридцатых годах, в Польше, в определенных кругах спиритизм был довольно модным явлением. Благодаря активности "медиумов" число спиритуалистов было внушительным.

В основе спиритизма лежит мистическая убежденность в том, что души умерших предков при известных условиях могут вступать в контакт с ныне живущими на земле людьми.

Для осуществления такого контакта необходимо присутствие способного к потусторонней коммуникабельности медиума. Он — главное звено связи. Обыкновенно спириты нашего сообщества собирались вместе с медиумом в одном помещении, но всякий раз изгоняли любого, кто скептически относился к таким сеансам. Считается, что удачным контакт может быть

только в том случае, если все присутствующие глубоко верят в спиритические принципы. Помехой может стать даже один человек, который испускает "отрицательные флюиды" и препятствует душам давно умерших людей преодолеть пространство и время.

Методы и содержание сеансов варьировались в зависимости от того, какой медиум на данном сеансе присутствовал. Имеются в виду формы связи, которыми он был способен владеть. Так были медиумы — специалисты "стуковой" системы, знатоки и мастера столоверчения, игроки на гитаре, а также писавшие на доске грифелем. Реже встречались специалисты по материализации духов. Простейшим вариантом считалось "собеседование" с духом посредством стука. В этом случае медиум впадал в состояние, сходное с гипнотическим. Через какой-то промежуток времени раздавался стук в дверь или стенку — то дух сообщал о своем появлении. И тогда ему начинали задавать вопросы самого неожиданного свойства. В ответ шла длинная очередь монотонных постукиваний. Их считали сериями, и каждая фраза означала по нумерации букву в алфавите. Соответственно из букв составлялись слова, иногда с явной натяжкой.

В нашей компании самым сильным медиумом считался некий Ян Гузик. Он вызывал дух Наполеона и Александра Македонского, Адама Мицкевича и Колумба. Приходится сожалеть, что не достало у меня тогда озорства и чувства юмора, чтобы попросить его вызвать дух Адама и Евы, виновников первородного греха, и послушать их различные интерпретации истории со змеем-искусителем. Позже я стал считать спиритизм чистейшим надувательством, ибо объясняется он всего-навсего массовым гипнозом.

В Лондоне я однажды присутствовал на цирковом представлении, где фокусники запросто демонстрировали и пародировали все нехитрые спиритические

"чудеса", а потом сами раскрывали механику ловкого трюкачества.

А кто не знает нашумевшего на весь свет медиума Паркера, нажившего солидное состояние на оккультном бизнесе, а потом "разоблачившего" самого себя? Он признал обман и назвал увлечение спиритизмом "вековой глупостью".

Глава 21. ПОЗНАТЬ СЕБЯ

Я так подробно останавливаюсь на оккультистах только потому, что сам часто с ними сталкивался, многих знал близко и даже прикоснулся к тайнам их деятельности по околпачиванию легковерной публики. Мне гораздо ближе по духу и симпатичней честность факира Бен Али, одно время работавшего в Варшавском цирке. Коронным его номером считался "расстрел". В него стреляли из пистолета, а он на лету ловил голой рукой пули. У слабонервных зрителей случались и истерики, но он неизменно оставался в живых.

Но вот однажды среди публики нашелся придирчивый зритель — офицер, предложивший Бен Али поймать пулю, выпущенную из его собственного пистолета.

С горькой иронией Али сказал:

— Неужели господин офицер согласился бы, будучи на моем месте, за какие-то пять злотых в день оказаться убитым?!

Главное состоит, на мой взгляд, в том, чтобы в вопросе о телепатии выделить из него как мистический наплыв, так и шарлатанство, и попытаться подвергнуть

проблему серьезной научной проверке, добросовестному исследованию. А слишком экзальтированных мистиков и откровенных шарлатанов, приходится признать, в телепатии "побывало" несравненно больше, нежели истинных ее жрецов. Тем и осквернили еще неразгаданную тайну, приучив общество к подозрительности, когда речь идет о телепатии. Есть и вторая причина, о которой следует сказать. В том, что вокруг телепатии скопилось множество домыслов и слухов, повинны и сами телепаты. Одни слишком раздували свои возможности, другие использовали свой талант в корыстных и неблаговидных целях.

Есть категория людей, которые и не подозревают в себе заряд телепатической силы.

Есть свидетельства, порой весьма достоверные, что значительными телепатическими способностями обладал знаменитый авантюрист международного класса граф Калиостро, живший в смутном 18-ом столетии. Не безуспешно он частенько выдавал себя за врача, способного излечить от любого недуга. Затем он представал перед восхищенными современниками в качестве естествоиспытателя, хватающего с небес звезды, гениального алхимика, уже обладающего секретом философского камня. Но более всего он преуспел в роли ясновидца, которому дана власть провидеть будущее. Дурачил он доверчивых собеседников еще и тем, что уверял всех в своей бессмертности, уже к тому времени исчисляя свой возраст тысячелетиями.

К огорчению потомков, не осталось после блестящего проходимца никаких вещественных свидетельств его исключительности. Не подарил он грядущим поколениям ни своих дневников, ни мемуаров. Все якобы принадлежащие ему записки всякий раз оказывались на поверку фальшивками, хотя порой и ловко состряпанными. Его загадочный образ и действительно неординарные способности привлекали к себе внимание

многих писателей, включая Александра Дюма, а в наше время Алексея Толстого. И создавали они его "художественный лик", лишь пользуясь хрупкими, а иногда и совсем сомнительными сведениями из легенд и преданий...

Я как-то тоже заинтересовался его занимательной биографией и попытался проанализировать некоторые материалы и свидетельства его современников. Что ж, надо отдать ему должное: прохвост он был первоклассный, я бы даже сказал весьма талантливый! А вот в том, что в своем арсенале сомнительных средств для достижения славы и богатства использовал он и явные способности телепата, у меня сомнений нет. Безусловно, Калиостро принадлежал к первым (по нашей классификации) телепатам, то есть к тем, кто изрядно раздувал свои силы.

В этот же ряд следует занести и достославного Ганнусена Лаутензака, утверждавшего, будто его устами могут говорить души мертвых. Оба они использовали свое дарование в корыстных целях, а потому искусственно раздвигали рамки своих возможностей.

А вот всяческие "за" и "против" из новейшей истории. Мне стало известно об интересной встрече в узком кругу молодого телепата-любителя Карла Николаева с известным своим негативным подходом к телепатии профессором Александром Китайгородским. Незадолго перед тем профессор выступил в "Литературной газете" со статьей на эту интригующую тему. Основной смысл и вывод всей статьи сводился к тому, что, поскольку нельзя объяснить передачу образов, ощущений, мыслей от мозга к мозгу непосредственно, то и всякий вопрос о телепатии как таковой отпадает и принципиально ставиться не может.

Для телепатов это было сильным ударом по самолюбию. И тогда К. Николаев, уверенный в своих телепатических возможностях, пришел в редакцию журнала

"Знание — сила" и заявил, что хотел бы встретиться с профессором Китайгородским и провести с ним опыты под контролем беспристрастных наблюдателей. Это был, безусловно, честный, прямой подход молодого энтузиаста. И вот как закончилась эта любопытная встреча.

Николаев старался показать все, на что он способен, и в какой-то мере ему удалось поколебать скепсис маститого ученого. Давая заключительную оценку эксперименту, профессор Китайгородский отметил, что он постарается со всей честностью подвергнуть результаты объективной оценке и написать затем новую статью, где он выскажет мнение о необходимости применить все современные научные достижения для вдумчивого подхода к проблемам телепатии, понимая, что огульное отрицание не поможет отысканию зерна истины.

Но все-таки в конечном счете Китайгородский от первоначальной позиции не отступил. Статья действительно появилась. В ней профессор признает, что в отдельных случаях опыты К. Николаева оказались "очень удачными и впечатляющими", однако же заключает, что тот всего лишь "превосходный отгадчик". Оценки же самого Китайгородского не выдерживают серьезной критики. Его доводы и возражения стары, консервативны, наивны.

Давно известно, что мыслительная деятельность человека сопровождается возникновением в его мозгу электрических токов. Новейшие приборы позволяют теперь превосходно их снимать и записывать в виде кривых зубчатых линий на специальной ленте. И отмечено, что чем энергичней и интенсивней мыслительный процесс, тем резче кривизна таких линий. Значит, рождающаяся мысль порождает и электрические биотоки и сопровождающее их электромагнитное поле. И тогда возникает естественный вопрос: почему бы не считать его той материальной субстанцией, которая участвует в передаче мысли? На что обыкновенно возражают: токи

эти слишком малы, а рождаемое ими электромагнитное поле слишком ничтожно. Его, мол, напряжение так мало, что уже на небольшом расстоянии заметить невозможно. Но подобное возражение несерьезно и не отвечает окончательно на все вопросы.

На той встрече К. Николаева с профессором Китайгородским последний привел несколько примеров поразительной тонкости человеческих чувств. Напомнил он и об опытах академика С. Вавилова, доказавшего, что человеческий глаз способен улавливать даже отдельные кванты света. Приводился пример из коммерческой рекламы, когда вставленный в середину фильма рекламный ролик продолжительностью в 1/25 долю секунды не замечается зрителем, но потом, по каким-то ассоциациям, вдруг выплывает в сознании. Так почему бы уважаемому ученому не предположить — пусть даже как вариант гипотезы — что и чувствительность мозга к биотокам, рожденным в другом мозгу, может быть значительно выше, чем у самых совершенных приборов. И почему бы не допустить, что всего лишь один или несколько квантов электромагнитного поля, попавшие в этот воспринимающий механизм, могут вызвать резонанс, своеобразный лавинный процесс, значительно усилиться и вызвать ощущения, аналогичные тем, что господствовали в излучающем мозге?

Второе возражение против электромагнитного поля биотоков как передатчика информации состоит в том, что его считают явлением не главным в процессе мышления, а чем-то сугубо побочным, вроде дыма из заводских труб. Я охотно соглашаюсь с этим, но допускаю, что по дыму из заводской трубы можно многое сказать о характере производства. Дым мартеновских печей говорит специалисту о том, что дым этот — "свидетель" рождения стали. Дым из труб завода, в печах которого обжигают ртутную руду, невозможно спутать с дымом из котельной ТЭЦ и т. п. И почему бы не предположить

(я прошу простить мне такую вольность аналогии), что у некоторых людей есть тончайшие анализаторы, не только точно фиксирующие состав этих "дымов", но и четко определяющие — в результате какого технологического процесса эти "дымы" получились? А значит, могущие ответить и на глубинный вопрос: какую продукцию выпускает завод?

Итак, нужно ставить серьезные опыты! Надо выяснить, участвует ли в процессе передачи мысли электромагнитное поле...

Со своей стороны могу сказать: для меня почти безразлично, есть ли у меня личный контакт с моим индуктором или нет. То есть для меня малозначителен тот факт, коснется моя рука руки индуктора или нет. Но большинству телепатов гораздо легче "проникнуть" в чужие мысли, когда они держат его за руку. Быть может, этот фактор и поможет ученым в поисках решающего открытия? Ты, Таня, заметь, что мне ведь абсолютно не важно, на каком языке думает индуктор, я же его мысли вижу, как на зкране, в образах и действиях.

Ну, а если окажется, что все-таки электромагнитное поле не при чем? Как тогда быть? Да очень просто! Нужно искать то, еще неведомое, поле, которое и "ответственно" за телепатические явления. Найти и изучить его. "Прощупать", "перетряхнуть" все хозяйство матушки-природы и отыскать что-то неизвестное, белое пятно, могущее приоткрыть завесу таинственности в этой проблеме. А овладение этой тайной может открыть новые и совершенно изумительные возможности — не меньше, чем дало открытие электромагнитного поля. Еще раз хочу напомнить,что менее, чем за столетие стало возможным радио, телевидение, радиолокация благодаря открытию Генрихом Герцем радиоволн. И бесчисленный ряд иных "чудес".

Так что нет никаких сомнений в том, что новое открытие явится совершенной революцией в науке.

Лично у меня нет даже смутной догадки, какова природа этого поля. Некоторые ученые высказывались предположительно, что это может быть гравитационное поле... Может быть. А может быть и такое, которому в науке нет пока и "имени".

Глава 22. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Мы знаем в мировой истории целый ряд выдающихся дипломатов. Ведя переговоры с соперниками или союзниками, они часто поражали своих собеседников чрезвычайной информированностью. Безусловно, иногда или даже в большинстве случаев, эта информированность проистекала от четкой и налаженной системы работы агентурной сети. Но встречались и такие дипломаты, которые действительно обладали даром "читать" мысли своих собеседников. Несомненно, что важным подспорьем для них было глубокое знание человеческой психики вообще. Однако, глубина их знаний выходила за рамки обыденных способностей.

Или давайте взглянем на всем известный, один из древнейших (если не самый древний), общественный институт гадалок. Кому не приходилось слышать о невероятных предсказаниях цыганок или профессиональны гадалок? Тут как? Конечно, людей доверчивых и простоватых впечатляли и такие "диагнозы":

"На душе у тебя, голубушка, обида...", или: "Тревожно у тебя на сердце, дорогая..."

Совершенно ясно, что сии "познания" носят спекулятивный характер. У кого из нас в этом лучшем из миров нет обиды? Кому не тревожно на душе? Так

что оставим такие "откровения" на совести "колдуний".

Но встречались и такие гадалки, что уже с порога заявляли посетительнице: "Ты похоронила свое дитя, голубка, и я могу только утешить тебя..." или: "Вернется, твой муж, вернется... Поиграет маленько с голубоглазой, а к тебе воротится..."

И оказывалось, что именно с этими бедами пришли несчастные женщины в оккультный "оффис". Никаким простым совпадением такое объяснить невозможно. Допустим тут тончайший анализ: одежда пришедшего, манера разговаривать, движения, взгляд — вся гамма внешних атрибутов, позволяющая что-то определить. Пускай в облике вошедшей женщины читалось состояние человека, только что потерявшего кого-то из близких. Но как угадывалось, что именно — ребенок? В той же степени горя можно находиться и от смерти других близких. И по какой шкале можно раскладывать человеческие эмоции?

Нет сомнения, что в многочисленном, в общем-то, "клане" всяческих провидцев — хиромантов, звездочетов, цыганских и иных гадалок — встречаются отдельные личности, обладающие даром провидения, хотя, возможно, не все они отчетливо сознают свои возможности. И наверняка не знает никто из них ни природы этих качеств, ни тем более их "технологии". Я припоминаю рассказ Вольфа Григорьевича об одном офицере-пограничнике, работавшем в таможенном отделе.

По роду службы он должен был следить за "чистотой" багажа иностранцев, пересекающих границу: отыскивать подложные документы, контрабандно перевозимые золото, наркотики, драгоценные камни.

Бегло окинув взглядом багаж, он всегда безошибочно находил тайники. Если запрещенные предметы находились у самого их владельца, то он пристально смотрел ему в глаза и говорил:

— Снимите левый сапог... И отвинчивайте каблук...

— ...Двойное дно у саквояжа наружу или внутрь открывается?.. Ах, наружу... Подайте мне, старшина, отверточку...

И когда сослуживцы спрашивали его, как он безошибочно узнает место нахождения контрабанды, офицер отвечал:

— Сам не знаю... Но интуитивно чувствую, где "собака зарыта"...

Мне же думается, что он был наделен телепатическими свойствами. Поиски спрятанных предметов и у Вольфа Григорьевича составляли в большинстве выступлений большую часть программы. С них он, по сути, и начал свою "карьеру" еще в раннем детстве в берлинском цирке...

Да, этот офицер, безусловно, телепат. Но вполне возможно, что он и не подозревает об этом. И если бы он пришел на сеанс "психологических опытов" Мессинга, то хлопал бы ему и удивлялся вместе со всеми...

Я хочу привести несколько газетных и журнальных заметок, сохранившихся в моем архиве. Я так долго их хранила, что теперь это — хрупкие пожелтевшие листочки. Вот отрывок из одной рецензии, сделанной по "типовому проекту", и совсем не важно, кто ее написал и где она была опубликована. Статья называлась: "В мире человеческого мышления".

"...Человек с завязанными глазами, склонившись над шахматной доской, сосредоточенно думает. Затем он уверенно берет фигуру и переставляет на нужную клетку. Еще ход, и мат мнимому сопернику. Следует к тому же добавить, что "победитель" никогда до этого в шахматы не играл. В этом-то все и дело!

Но не торопись, дорогой читатель, делать поспешное заключение! Только ознакомившись с "Психологическими опытами" Вольфа Мессинга — человека, обладающего высокой натренированностью чувств, психолога-

анализатора, — сможешь ты увидеть "физическую нереальность".

Правда, один, без посторонней помощи, Вольф Мессинг никогда мат мнимому противнику не поставил бы, не зная тонких приемов шахматного искусства. Ему нужен индуктор, то есть человек, дающий ему мысленные приказания, с которым он находится в непосредственном контакте. Индуктор крепко держит своей рукой кисть Мессинга. Вот он-то и должен играть в шахматы, во всяком случае, на уровне своего действительного соперника. Но во время сеанса он нем как рыба, он может отвернуться от психолога, посмотрев позицию, может мысленно подсказывать ему ход с закрытыми глазами.

Каким же образом Вольф Мессинг "угадывает" мысли своего индуктора? Как физический контакт преобразуется в нематериальный?

И. М. Сеченов, а позже и академик Иван Петрович Павлов установили, что в основе деятельности мозга лежат рефлексы. И благодаря условным рефлексам мозг устанавливает гибкую взаимосвязь с постоянно меняющейся внешней средой.

Вы, к примеру, думаете о предстоящем через минуту спортивном забеге, а ваше сердце уже начинает биться учащенней, обильнее снабжая мышцы ног кровью...

Вы проходите по перекладине гимнастического снаряда с мыслью не сорваться, и тотчас происходит слабое непроизвольное качание в сторону, вы уже близки к тому, чтобы оступиться...

Эти едва заметные движения (моторика) различных мышц соответствуют мыслям (идеям), и отсюда явление это получило название — идеомоторика.

Именно эти, едва фиксируемые движения физических органов, продиктованные мыслью индуктора, и являются основным коммуникационным источником,

из которого Мессинг черпает смысл полученного задания.

Однако, некоторые очевидцы "Психологических опытов" Мессинга склонны считать, что он на самом деле получает мысленные приказания индуктора на расстоянии. Подобное мнение глубоко ошибочно...

Если Мессинг и отгадывает приказы индуктора как бы на расстоянии, то только потому, что мысль индуктора заставляет пульсировать механические рычаги человеческого тела, а сам Мессинг обладает уникальной способностью "транспортировать" чужое состояние на себя".

Допустим, что довольно значительное число людей может достичь некоторого уровня утонченного владения своими чувствами, если в течение многих лет будут систематически тренироваться. Либо объективные причины и обстоятельства побуждают органы чувств и весь психический аппарат человека "работать" на повышенном тонусе. Так у человека, ранее видевшего, но потерявшего при какой-либо травме зрение, резко обостряется обоняние, слух и другие органы чувств.

У Вольфа Мессинга этот дар врожденный, да и на невероятно высоком уровне. И, конечно же, к этому нужно присовокупить непостижимое умение Мессинга принимать от индуктора и чисто абстрактные понятия — "мир цифр".

Такие опыты Мессинг демонстрировал бессчетное чило раз. Вот один из них: спуститься в партер к публике, пригласить на сцену определенное лицо, вынуть у него из кармана носовой платок и извлечь оттуда дюжину пронумерованных бумажных уголков, из них выбрать четыре, и только те, из которых сложится число 1910 — год смерти Льва Толстого.

Я хочу отметить, что пример я привела не из

самых сложных. В практике Вольфа Мессинга встречались куда более фантастичные "номера".

Приведу еще одну выдержку из статьи в третьем номере журнала "Здоровье" за 1963 год. Статья эта так и называется — "Об опытах Вольфа Мессинга". Ее автор — профессор Г. И. Косицкий.

"Много лет назад я побывал на одном из выступлений Вольфа Мессинга. Ведущая объявила, что Мессинг будет выполнять любые задания, которые следует изложить в письменном виде и передать на сцену в жюри, избранному наугад из публики. Жюри должно следить за строгим соблюдением секретности и правильностью выполнения заданий. Самому же Мессингу записки не нужны: он воспримет содержание задач путем "мысленного приема".

В аудитории наступила тишина, сопутствующая всякому таинственному акту.

И мне самому захотелось убедиться в этой чудодейственности, и я послал в жюри свою записку.

В ней был такой текст: приставное кресло из 13 ряда принести на сцену. Извлечь из кармана девушки, сидящей в 10 ряду на 16 месте, два удостоверения и сложить сумму цифр номера первого из них с числом, по которое действительно второе. Достать из другого кармана деньги в количестве, равном получившейся от сложения сумме, и положить их под переднюю левую ножку принесенного на авансцену стула.

Меня пригласили на сцену. Мессинг попросил взять его за кисть руки и сосредоточиться на задаче.

Яркий свет прожектора слепил глаза. Я держал его руку, а он стоял рядом. Вдруг он ринулся со сцены в зрительный зал, увлекая меня за собой. Подошел к 13 ряду, лихорадочно схватил стул и возвратился со мной на сцену. Зал рукоплескал...

Освоившись с необычной обстановкой, я решил

начать и свой эксперимент. Я понял, что моя рука, сжимавшая запястье Мессинга, оставалась все это время бесконтрольной.

Расслабив мышцы, я сосредоточился на задании, которое старался передать ему мысленно.

Со стороны сценка с двумя персонажами выглядела забавно. Один человек с застывшим взглядом замер на месте, а другой суетится и нервно подрагивает рядом.

Казалось, будто Мессинга колотила мелкая дрожь, нервный тик переходил от одной части тела к другой. То вдруг замирал на мгновение. И снова начиналась нервозная пляска. Рука моя оставалась безжизненной.

— Не думайте о себе! Не думайте о себе! — тихо произнес он, застыв неподвижно.

Он был не прав. Я совершенно не думал о себе, а сосредоточился на задании настолько, что перестал замечать все вокруг...

И мне стало понятно, что мысль моя непосредственно передаваться ему не может, что он улавливает ее только по вибрации моей руки. Произведя десятки кажущихся беспорядочными движений, он мгновенно оценивает мою реакцию на каждое из них.

Понятно, что если он случайно движется в нужном направлении, я реагирую на это по-особому. Он продолжает нужное по смыслу движение и снова следит за мной.

Это не передача мысли, а угадывание ее.

Я понял, что Мессинг воспринимает движения моей руки.

Так ли это?

Я очень легонько стал сжимать ему запястье всякий раз, когда направление его движений по смыслу задания оказывалось верным.

Мессинг ожил. Я же повторял легкое пожатие в

каждое мгновение, когда он продвигался в нужном направлении.

И он нашел девушку в 10 ряду, вывел ее на сцену (хотя в задании и не было такой просьбы), и вновь начал делать многочисленные пассы. Когда его руки оказались около карманов, я вновь слегка сжал руку, а он в тот же миг извлек из карманов все, что там находилось, и положил на стол. В мгновение ока он умудрился прикоснуться по очереди к каждому предмету, и вновь моя рука сжалась в тот момент, когда он дотронулся до удостоверений. Секунда на раздумье — и удостоверения отложены в сторону.

Он раскрыл их и начал водить карандашом по строчкам..."

Я оборвала цитаты из уважаемого профессора, чтобы коротко сказать: ученый свел свои выводы к тому, что все это к непознанным явлениям не относится. А заканчивает профессор Косицкий так:

"*Я не видел других опытов телепатов и не берусь авторитетно судить о них. Что касается Мессинга, то нужно со всей решительностью подчеркнуть — ничего таинственного и непонятного в его экспериментах нет. К телепатии они никакого отношения не имеют.*

Наша мысль — продукт мозга и не может существовать в отрыве от него или материи как таковой.

Природа с избытком наградила каждого из нас огромными возможностями и способностями, но не все они нами реализуются и не всеми развиваются. Но человек, который сполна бы воспользовался этими удивительными возможностями вполне смог бы делать то, что делает Вольф Мессинг...

...Благодаря длительным, настойчивым упражнениям, напряженному кропотливому труду, Мессинг данные от природы возможности отшлифовал до

совершенного и чистейшего блеска. И этот огромный труд его покоряет нас. Ведь мы не можем оставаться равнодушными, когда слышим игру Давида Ойстраха или Вана Клиберна. Такова сила подлинного искусства и таланта".

Я намеренно привела такой длинный отрывок из статьи профессора Косицкого, чтобы соблюсти полную объективность в подаче образа моего друга Вольфа Мессинга. Только такой подход может в полной мере осветить образ, который трудно нарисовать однотонными мазками.

Профессор Косицкий — ученый-материалист, заведовал кафедрой физиологии 2-го Медицинского института в Москве.

Глава 23. ФАКТЫ — УПРЯМАЯ ВЕЩЬ

Хорошо помню, как я "набрела" на статью Г. Косицкого. Журнал "Здоровье" интересовал меня как представительницу двух профессий — медицины и фотожурналистики, и я всегда старалась не пропустить появление в киоске свежего номера.

И в то мартовское утро 1963 года я купила его в газетном ларьке у гостиницы "Метрополь", и тут же, в скверике у Большого театра, присела мельком полистать.

Но пробежав глазами содержание, сразу же принялась читать маститого профессора, а через полчаса примчалась к дому Мессинга.

— Что это ты сегодня, Танюша, явилась ни свет,

ни заря? — бурчал Вольф Григорьевич, но я понимала, что "недовольство" зто притворное — в глазах лучилось добродушие большого ребенка.

В то утро он внешне напоминал восточного мудреца или факира: одет в цветастый халат и с полотенцем на голове (после душа), повязанным чалмой. Только во рту держал не курящийся благовониями кальян, а все тот же, ненавистный мне, "Казбек".

Я протянула Вольфу Григорьевичу журнал, раскрытый на странице со статьей о нем. Попросила тотчас же прочесть и высказать свое мнение. Но Мессинг читать не торопился, сам деловито разливал по чашкам чай, настоенный на ягодах шиповника. И лишь после второй чашки принялся за журнал.

— Ну, что тебе сказать, Таня? Ты же знаешь, что я и сам не пытаюсь напускать мистического тумана во время демонстрации своих опытов. Только профессор подходит к проблеме совсем с другого бока... Я бы с ним согласился, если б он мог толково объяснить: каким-таким макаром он "подал" мне знак сложить, а не вычесть и не умножить номер-число первого удостоверения с числом второго?

Он сбивал меня не своим "расслаблением", а стараниeм сосредоточиться на своей персоне, на своем собственном теле вместо задания. Девушку же я вывел на сцену специально: все, кто видел мои опыты, знают, что я ничего не делаю в зале, а "вытаскиваю" всех участников на сцену для всеобщего обозрения.

Могу еще добавить, что профессор Косицкий не первый, кто пытался мне "ставить палки в колеса". Были и до него таковые, и со званиями, и рядовые "специалисты по палкам". Иногда они сами заранее предупреждали меня о "проверках", чаще это делалось исподволь. Но всякий раз — во всяком случае, в официальных отчетах — ученые, с которыми мне приходилось сталкиваться, старались обойти молчанием все то,

что не укладывалось в гипотезу о чисто идеомоторном механизме в моей работе.

Смею уверить профессора: никакие его попытки не подавать мне необходимых сигналов совсем не мешали моему состоянию. Конечно, то, что он думал не о конкретном задании, создавало определенные помехи, но и только. Это сравнимо с треском в приемнике, но я тут же уходил на чистую волну. Потому я и говорил ему: "Не думайте о себе!", пытаясь вернуть ему правильную настройку на задание. Как непослушного ребенка, я все же "усаживал" его на "место".

Помешать мне в опытах может совсем другое.

Дело в том, что не всех людей я "слышу" телепатически одинаково хорошо. Хотя глагол "слышать" и не совсем верно передает сущность самого явления. Чужое желание я должен ощущать как собственное. И если мой индуктор представит себе, что его одолевает жажда, то и мне хочется пить. Если он вообразит, что сию минуту гладит пушистого котенка, то и я почувствую ладонью мягкий комочек.

Но я сказал, что мысли и чувства различных людей я "слышу" не одинаково ясно. Одни "звучат" громче, другие — приглушенно, третьи еле пробиваются сквозь "заглушку". Но ведь индукторов не выбираешь во время выступления. Их мне преподносит сама публика, предвкушающая удовольствие и в том, что вдруг ей да и удастся посрамить знаменитого маэстро... Так, что, если попадается индуктор с "тихим голосом", а вблизи кто-то "громко думает" на улавливаемой мною "волне", то это может помешать моей работе: второй словно заглушает первого. Кто видел меня на сеансах в такой ситуации, тот может вспомнить, что я бросал реплики направо и налево людям, не участвовавшим в опытах и, наверняка, не понимавшим причины моих замечаний. Вот тебе, Танюша, конкретный пример того,

как в прослушиваемом мною "поле" пульсируют различные помехи.

Вольф Григорьевич встал из-за стола, подошел к этажерке, на которой стояла клетка с кенарем Левушкой, и достал массивную синюю папку.

— Вот прочти одну любопытную статейку, правда, нигде не опубликованную, но автор-журналист В. Сафонов заранее любезно прислал мне ее копию.

Я прочла статью залпом и привожу сейчас самые впечатляющие абзацы, объясняющие суть тогдашнего разговора с Мессингом.

Неизвестный ни мне, ни Вольфу Григорьевичу журналист писал:

"Это произошло осенью прошлого года в Москве в Доме медицинских работников, где Мессинг демонстрировал свои способности врачебному персоналу. Я случайно оказался в составе жюри, и это позволило мне быть в курсе событий, происходивших как на сцене, так и среди зрителей.

Предпоследним опытом Мессинга был мысленный прием задания без контакта с рукой индуктора.

Для большей убедительности Мессинг был удален из зала под эскортом двух членов жюри. В его отсутствие надо было надежно запрятать какой-нибудь предмет, чтобы вернувшись, Мессинг попытался его найти. После споров и нескольких перепрятываний предмет — авторучка — был спрятан за обшивкой стенной панели.

Вводят Мессинга. Зрители замерли. Вольф Мессинг решительно направляется к девушке, спрятавшей ручку, и решительно выводит ее на сцену. Пристально всматривается в ее глаза и требует:

— Думайте! Дайте мысленный образ!..

"А что, если попробовать сбить Мессинга с толку?" — приходит мне на ум озорная мысль. И я немедленно начинаю ему внушать следующее:

"Не слушайте девушку, ручка вовсе не там, где она думает... Она на капители, слева от стены..." Я при этом лишь бегло посмотрел на профиль Мессинга — расстояние что-то около трех метров.

"Ручка лежит на капители колонны", — мысленно настаиваю я.

И вдруг происходит то, чего я, откровенно говоря, не ожидал.

Мессинг бросил в мою сторону злой взгляд и с раздражением сказал:

— Не нужно лишних приказаний... Туда лезть неудобно... Нет лестницы...

Я, разумеется, смутился и стал что-то бормотать в свое оправдание. И никаких ложных сигналов больше не подавал.

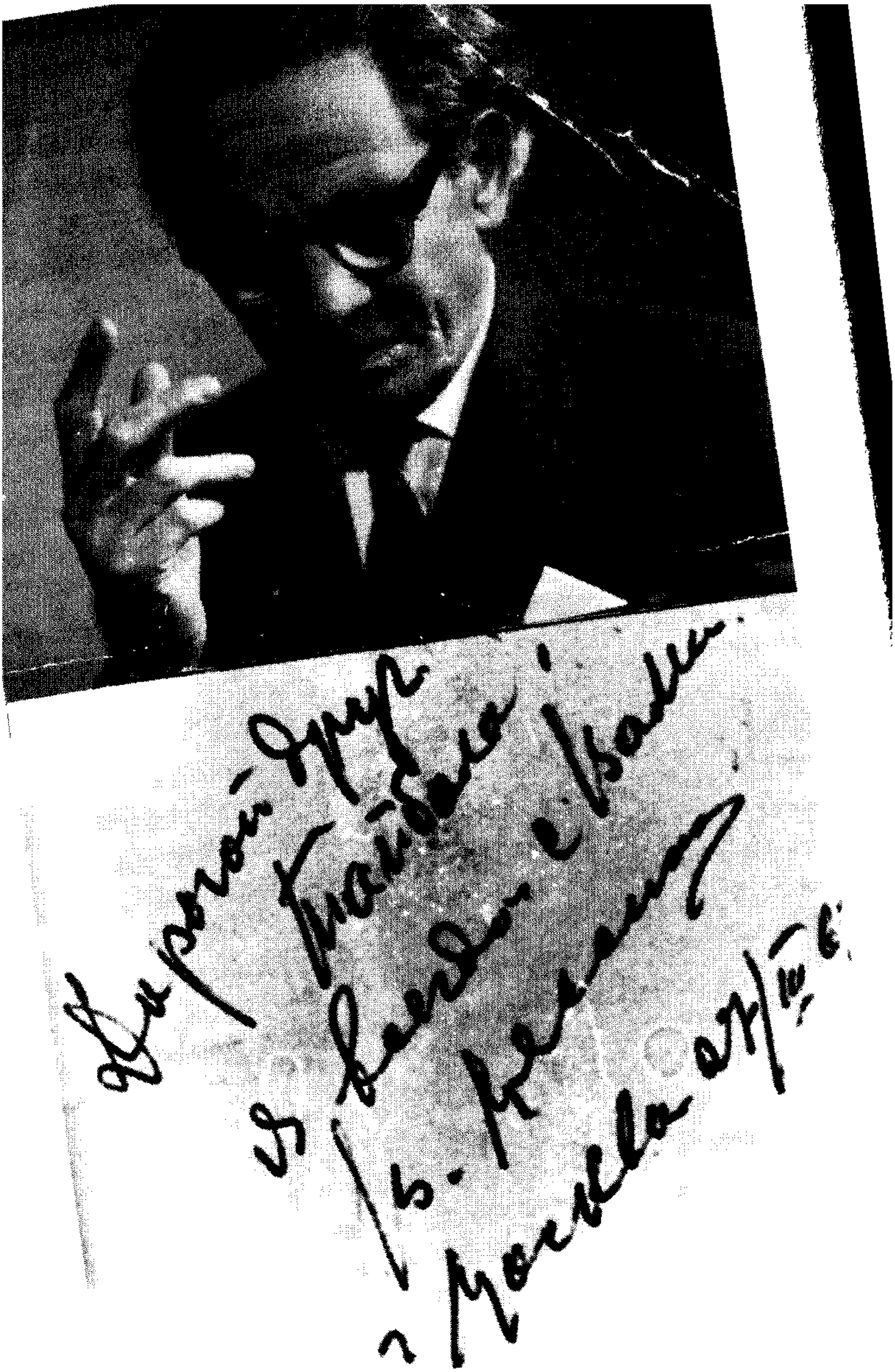
Мессинг вновь сосредоточился, даже внешне чувствовалось, что он "уходит" в себя: таким отрешенным стоял он несколько минут..."

— Так вот, Тайболе, ручку я, конечно, нашел без труда, но дал тебе прочесть это письмо, чтобы в признании моего озорного "недоброжелателя" ты увидела, какие трудности приходится иногда преодолевать...

Порой мне мешают неосознанно. Разноголосый хор чужих, то есть не индуктора, мыслей сливается в сплошной гул, который моментально нужно "просеять", чтобы пробиться к мысли индуктора. Это сравнимо с рыночной толчеей, когда торговцы наперебой выкрикивают свой товар, а ты вертишь головой влево-вправо, туда-сюда, и не соображаешь сразу, откуда выкрикивают — "свежая редиска", за которой ты, собственно, пришел.

Чтобы "услышать" чужие мысли, мне необходима особая собранность чувств и физических сил. И когда я достигаю этого состояния, мне уже не представляет труда телепатически настроить свой "слух".

Контакт с рукой индуктора облегчает задачу



8. Вольф Мессинг. Москва, 1960-е.

выделить из многоголосья пестрых мыслей одну-единственную необходимую. И только.

Но я могу легко обходиться и без такого "локатора". Кстати, когда мне завязывают глаза, я трачу меньше усилий на выполнение задания — я полностью переключаюсь на зрение индуктора. Я свободно передвигаюсь по залу с завязанными глазами вовсе не потому, что молниеносно зафиксировал — как думают многие — расположение всей обстановки.

Дело обстоит иначе. Мост связи, перекинутый от моего зрительного нерва к глазному аппарату моего индуктора, работает гораздо слаженней, так как нет никакой словесной шелухи, и я "вижу" в это время все то, что видит индуктор, мой невольный помощник.

Вот почему лучшими проводниками бывают глухонемые индукторы. У них твердые, застывшие образы-категории — вынужденный результат ассоциативного мышления. Как сказал бы радист — чистые звуки в эфире.

Вольф Григорьевич вернул мне журнал "Здоровье", как бы подчеркивая, что "дискуссия" по поводу статьи профессора Косицкого исчерпана. И спросил:

— Как насчет того, чтобы повторить чаепитие? Еще хочу угостить тебя вареньем из айвы, мне позавчера прислали друзья из Баку...

Я охотно согласилась остаться, тем более, что у меня в голове вертелся "каверзный" вопрос к Вольфу Григорьевичу.

Глава 24. ЗРИТЕЛЬ ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Бакинский гостинец — айвовое варенье — и впрямь оказался божественным лакомством. Так уж издавно повелось на российских землях: либо чрезмерно водки, либо бесконечное чаепитие с купеческим размахом — варенье и пряники в накладку с беседой.

— Скажите, Вольф Григорьевич, — я выждала удобную паузу для своего озорного вопроса, — а, так сказать, нравственные "помехи" чинят вам зрители? Я имею в виду нескромные задания, или даже непристойные. Ведь и навеселе приходит порой в храм Мельпомены иной зритель, или просто так — позабавиться ради куражу, смутить вас, а если вы откажетесь от задания, то и обвинить в халтуре. Бывали такие случаи?

— Ты, Танюша, правильно сказала — "помехи". Потому что нескромные или непристойные задания не пропустит жюри. А вот в заключительной части — да, такие желания заказчика встречаются. Так припоминаю характерный случай, он как образец всех таких выходок.

В жюри поступила такая записка: "Пройти к пятому ряду. У женщины, сидящей на месте 13, попросить книжку в голубом переплете. Раскрыть на 28 странице и прочесть седьмую строку снизу. Пожать ей руку..."

Задание не ахти какое сложное — как тысячи других. Но должен сказать, что на том "несчастливом" тринадцатом месте сидела молодая особа необычайной красоты, настоящая красавица. И приславший в жюри записку шутник, видимо, первоначально в своей буйной головушке имел совсем иные намерения. И писал он одно, а думы его витали в сферах "амурных", чтобы не сказать сильнее. Если подвергнуть текст записки психоанализу по системе Фрейда, то по зашифрованным

подсознанием истинным желаниям можно заподозрить автора в коварных замыслах. Так, психоанализ утверждает, что не бывает случайных описок или оговорок, равно как и все слова-понятия имеют по ассоциации оборотную сторону. И оба глагола: "попросить" и "раскрыть" имеют и сексуальное "звучание", тем более это подтверждается тем, что не случайно выбраны цифровые данные.

Особа, к которой я должен был подойти, имела 28 лет от роду, а автор эаписки — 35. Сумма зта легко получается от сложения 28-ой страницы и 7-ой строки с н и з у. Это последнее слово особенно выдает написавшего.

Но не всех удовлетворяет психоанализ Фрейда. Есть скептики даже среди его последователей. Да я и сам с деталями его учения тогда не был знаком. А истинные намерения молодого человека я просто "услышал", когда выполнял задание. Я прочитал строчку из книги — это оказался томик стихов Тютчева — но его интересовало другое. Возможно, он знал эту прелестную женщину раньше, но не пользовался ее расположением, быть может, и вовсе был отвергнут. Не исключено, что он ее увидел здесь впервые перед началом программы или в фойе во время антракта. Это не меняет сути.

Спускаясь от огней рампы в полутемный зрительный зал, я ясно различал в его задании иные желания. Это были даже не помехи с его стороны, а как бы приложение к тексту. И оно было более важным для него, чем официально изложенное в записке. Это сравнимо с двухслойным пирогом, и обе "начинки" я явственно улавливал в его сигналах на меня: "Снимите с нее блузку... Поцелуйте ее в губы... Положите руку на ее грудь... Нагнитесь и с н и з у загните край ее юбки..." Все это слышалось мне три-четыре раза, я разозлился и, когда завершил чтение поэтической строчки, сказал:

— Другие пожелания нескромного молодого че-

ловека я исполнять не буду. Здесь не комната для свиданий, и все свои чувства зто милой девушке пусть изложит подобающим образом. Я даю сеанс психологических опытов, а не организую выступления со стриптизом...

Зал взорвался хохотом и рукоплесканиями.

Вообще, Таня, при доброжелательном отношении зрителей работать гораздо легче не только мне, но и всякому, кто выходит на подмостки сцены — будь то скрипач, чтец-декламатор или драматический актер.

У меня всегда трудна увертюра, начало программы. Я проверяю уровень своего душевного настроя в тот вечер и степень собранности, стремясь вызвать интерес и сочувствие жюри и публики. Начинаю с самого для меня простого — с почты. А потом постепенно усложняю задания, если нужный душевный контакт со зрителем установлен...

У меня и сейчас есть множество сохранившихся записей с теми типичными заданиями, которые Мессинг получил от зрителей во всех своих гастрольных выступлениях.

Когда в свое время я сказала ему, что собираю архив, связанный с его деятельностью, Вольф Григорьевич любезно согласился составить для меня текст характерных и наиболее часто встречающихся заданий зрителей. Я отобрала для книги те, что рекомендовал сам Мессинг. И лишь опускаю имена авторов записок, так как нет надобности приводить ничего не говорящие фамилии. На страницах этой книги читатель еще не раз встретит имена, действительно замечательные и известные.

Вот несколько наугад взятых мной из архива текстов:

" 1. Вынуть из правого кармана моего костюма календарь за 1964 год.

2. Открыть в нем месяц декабрь.

3. Зачеркнуть сегодняшнее число — 19 ноября.

4. Вынуть из левого кармана (бокового) моего костюма черный пакет с фотографиями.

5. Найти среди фотографий снимок юноши и девушки с сапожной щеткой в руке, и отдельный снимок девушки в фиолетовом платье.

6. Оставшиеся фотографии положить на прежнее место, то есть в левый боковой карман моего пиджака.

7. По выбранным фотографиям найти юношу с девушкой в зале, в пятом ряду, и привести их на сцену.

8. Вынуть из левого бокового кармана моих брюк пакет с игральными картами и разложить их следующим образом:

а) всех тузов в одну стопку вниз лицевой стороной;

б) в верхний ряд дам — бубновая, дама червей, для пиковой дамы оставить пустое место, затем дама треф;

в) в нижний ряд королей — бубновый, король червей, для короля пик оставить пустое место, затем король треф.

9. Вынуть из левого бокового кармана пиджака юноши, выведенного на сцену, короля пик, а у девушки даму пик — из-под правого рукава.

10. Короля пик положить на пустое место в ряд дам.

11. Даму пик положить на пустое место в ряд королей.

12. Взять за руку юношу и выполнить его мысленное приказание следующего содержания:

а) вынуть из правого внутреннего нагрудного кармана моего костюма конверт и передать его членам жюри;

б) пусть В. Мессинг попросит членов жюри распечатать и в заключение прочесть все пункты вышеуказанного задания.”

”Я люблю птиц. Вот и сейчас я с клеткой голубей. Прошу Мессинга пройти ко мне в зрительный зал, взять у меня из правого кармана пиджака ключ от клетки, открыть ее, вынуть белого голубя и принести на сцену клуба”.

”Убедительно прошу узнать имя моей любимой девушки. Ее имя вы сможете узнать следующим образом:

1. На 6 месте 22 ряда сидит девушка. Взять у нее сумочку, открыть и среди нескольких книжек выбрать географический сборник — Атлас мира.

2. Из той же сумочки достать сине-красный карандаш, заточенный с обеих сторон, и синим цветом отметить следующие города России на 4 странице атласа:

а) Новосибирск;
б) Иркутск;
в) Николаев;
г) Алма-Ата.

Нужно прочесть заглавные буквы этих городов. Это и составит имя девушки.

3. Между последней страницей и обложкой атласа находятся поздравительные открытки ”С Новым годом!”

4. Выбрать из всех открыток одну с зеленым фоном и на текстовой стороне написать это имя.

5. Вручить зту открытку девушке и от моего имени поздравить ее с наступающим Новым годом.”

”Прошу Мессинга выполнить следующее задание с завязанными глазами:

В пожарном гидранте, слева от сцены находится солдатская пилотка. В ней ручные часы. Возьмите пилотку вместе с часами, подойдите к моему другу, стоящему у третьего окна слева и отдайте пилотку. Часы

возьмите с собой и передайте солдату, сидящему в ряду 9 на месте 14. Возьмите у него в правом кармане гимнастерки ключи и отдайте их девушке, сидящей в жюри около сержанта. Попросите ее, чтобы она встала."

"1. Отвести на сцену зрителей:
а) из ряда 14, место 16; б) из ряда 15, место 2.

2. Из правого наружного кармана первого вынуть газету, а из правого внутреннего — ножницы.

3. Сложенную вчетверо газету разрезать ножницами поперек на 8 частей.

4. Взять стул у стола жюри и поставить у края сцены спинкой к зрителям.

5. Часть разрезанной газеты повесить на спинку стула.

6. У второго из приглашенных на сцену зрителей взять из рук папку и расстегнуть замок-молнию. Вынуть из папки радиоприемник и поставить на стол жюри.

7. Вынуть антенну и регулятор громкости установить на максимум. Вращая ручку справа, дождаться появления музыки..."

...Я помню, что на сеансах, которые я сама посещала, Вольф Григорьевич выполнял и более сложные задания.

Я привела несколько примеров из бесчисленной серии, которую сохранил для меня сам Мессинг. Но суть не в том. Задание любой сложности выполнялось им играючи, если, как выше объяснялось, не было внешних или внутренних помех.

Я тщательно исследовала многие научные источники, чтобы проследить различные точки зрения и аргументы в пользу или против телепатических явлений. При этом помнила, что в новейшей истории развития мысли человек (в примитивных вариантах еще и на заре цивилизации) многое брал из кладовой природы —

необычайные физиологические проявления в мире животных. И как раз напала на труды двух ученых, многогранно рассматривающих эту проблему. Да и труды по бионике в последнее десятилетие стали появляться довольно часто. А ведь в мире животных, как ни странно, чаще встречается феномен необъяснимой связи, таинственный источник которой и сейчас — белое пятно. С этого парадокса я и начала исследовать вопрос.

Сторонники смелой точки зрения приводят ряд доказательств, смысл которых сводится к тому, что чем примитивнее устроен живой организм, тем больше и чаще прибегает он к средствам телепатической связи. Причем, под понятие т е л е п а т и и подпадали явления, совсем на нее не похожие. Во всяком случае, в том смысле, какой мы вкладываем в это слово.

Так, телепатией они объясняют, например, известный и школьнику факт, что отдельные виды бабочек узнают и находят друг друга на расстоянии до километра.

Телепатии они приписывают и одновременность взмаха крыльев двух бабочек одного вида, сидящих рядом.

Слаженный полет лебединой стаи, косяки рыб, в рыбьем своем молчании удивительно находящие общий "язык", полчища саранчи, опускающиеся на землю синхронно, словно по мановению дирижерской палочки — все эти и многие другие явления в царстве фауны относят сторонники этой точки зрения к телепатическим проявлениям сравнительно примитивных живых существ. И напротив, считают они, что чем выше структурная шкала организма, тем меньше нужды ему прибегать к телепатическим сигналам.

Лев находит другого льва по его рыку. Волк — по запаху. Тигрица предупреждает детеныша о своем

приходе тихим мурлыканьем. Обезьяны имеют развитую систему звуковых сигналов для передачи друг другу своих эмоций, предупреждений об опасности и т. п.

Такую систему звуковой связи имеют и многие другие животные и птицы. Еще меньше нуждается в телепатической коммуникации человек, в арсенале которого неисчислимое множество порожденных развитием цивилизации способов обмена мыслью, словом, внешней информацией, то есть сведениями, поступающими из наблюдений окружающей среды.

И потому телепатическое "оружие" в его обиходе отпало за ненадобностью, оставшись в некоторых из нас в той или иной степени, а у большинства — только слабым рудиментом, о котором они и не подозревают.

Только вот вопрос: так ли уж за ненадобностью? А имей мы телепатические способности действующими — не были бы мы более велики в своем человеческом величии?

Проблема сложная. Не всякий человек смог бы вынести душевные муки, обладай он способностью ясновидения. Действительно, возьмем такой пример: кто-то способен предвидеть смерть или какую-либо жизненную катастрофу другого. Но он же может знать и свой роковой час! И где взять душевные силы, чтобы жить в постоянном ожидании этого часа? Так уж устроен человек, что именно надежда на долгую жизнь впереди удерживает его от отчаяния. Хотя каждый и сознает рассудком, что ему на земле отмерен только определенный срок. Но знай человек дату конца своего путешествия по жизни, существование превратилось бы для него в муку. Это было бы равносильно жизни осужденного на казнь, в ужасе ждущего исполнения приговора.

В этом, возможно, заложен Провидением Высший Смысл. Потому лишь немногим избранным дано это Великое Знание. Но вот более упрощенные телепати-

ческие "токи" способно принимать значительно большее чило людей, чем принято считать. И такая способность в обиходе называется предчувствием. А разве вам, читатель, не приходилось вдруг оборачиваться на улице или на эскалаторе метро, чувствуя на себе взгляд человека, причем, иногда на большом расстоянии?

Может быть, природа распорядилась одарить этим могучим даром небольшое число людей и по причинам этического порядка. Ведь не секрет, что венец природы — человек (а часто — ее терновый венец) — может использовать свои таинственные силы во вред ближним. И хорошо, когда она озаряет своим сокровенным светом таких людей, как мой друг Вольф Григорьевич Мессинг.

Помню один вечер, проведенный мной в уютной квартирке на Новопесчаной улице, когда хозяин был в особенно веселом и приподнятом настроении.

Я спросила о причине, и Вольф Григорьевич, все время прерывая свой рассказ смехом, поведал мне забавную историю, в которой он играл главную роль, но ...заочно.

Часа за два до моего прихода звонит Мессингу директор одного из крупнейших московских универмагов, которого Вольф Григорьевич и в глаза-то никогда не видел. Но тот представляется его горячим почитателем, не пропускающим ни одного выступления Мессинга И горячо и взволнованно благодарит его за огромную помощь — предотвращение крупной кражи в его магазине. Просит придти и получить причитающееся ему вознаграждение — личный подарок директора. С присущим ему чувством юмора Мессинг отвечает в том духе, что, мол, до дня первоапрельских шуток еще далеко, а в штате Уголовного розыска на знаменитой Петровке, 38 он никогда не состоял.

Тогда незнакомец — директор — посвящает его во все подробности проделанной им детективной

авантюры, в которой имя "МЕССИНГ" сработало гипнотически и безотказно.

За несколько минут до приезда инкассаторов все отделы универмага сдали свою дневную выручку главному бухгалтеру, конторка которого ютилась у стенки служебного прохода. Приготовив мешки с деньгами к сдаче, тот на секунду отвернулся, чтобы отключить закипевший на электроплитке чайник. И кто-то в мгновение ока стянул одну сумку. Совершенно очевидно было одно: кражу совершил кто-то из своих работников, ибо по тому служебному проходу могли ходить только служащие универмага. Но огромный четырехэтажный магазин имел несколько сотен работников, и десятки из них сновали в те минуты перед окончанием работы по служебному коридору. Подозрение могло падать на кого угодно: от уборщицы до заведующей любой из сорока секций.

Бухгалтер, ни жив, ни мертв, сообщил по внутреннему телефону директору о пропаже. Надо отдать должное находчивости последнего. Право, из него мог бы выйти не просто толковый работник торговли, но настоящий Шерлок Холмс. Он сразу смекнул: с момента хищения прошла минута, конторка бухгалтера находится на четвертом этаже. За такой промежуток времени самое худшее — вынос денег за пределы здания — произойти не могло. Ни бегом по лестницам, ни тем более по эскалатору, запруженному в этот час многочисленными покупателями, никто бы выбежать не успел. Значит, деньги при воре или спрятаны в грудах товара.

И тут же по внутреннему селектору репродукторы разнесли слова:

— Граждане! Только что в нашем универмаге совершена дерзкая кража сумки с деньгами. По счастливому совпадению среди наших покупателей оказался всем вам известный ВОЛЬФ МЕССИНГ. Мной дано распоряжение перекрыть все выходы, в том числе и служебные.

Обыскать тысячи людей, из которых виновен только один, мы не имеем права. Но выпуская всех вас по одному, с вами за руку будет прощаться Вольф Мессинг...

Думаю, что нет нужды пояснять, чем все это закончится для похитителя.

Поэтому предлагаю взявшему, быть может, по ошибке (?!) деньги, незамедлительно их вернуть так, чтобы он остался вне подозрений — если желает...

Минут через пять сумка с деньгами была обнаружена целехонькой и невредимой в подсобном помещении третьего этажа...

— Знаешь, Таня, — сказал Вольф Григорьевич, закончив пересказывать эту историю, — что я сейчас подумал? А не пригласить ли мне этого директора к себе в программу на роль ведущего?.. А? Как ты думаешь? В находчивости ему не откажешь! Такой рекламы мне и ВТО не сделает.

И он по-детски искренне рассмеялся.

— Ну, а как насчет премии — пойдете получать? — спросила я.

— Мы с тобой вместе пойдем, Танюша. Но не за подарком. Любопытно все-таки и мне взглянуть на этого смекалистого человека. И купим у него для тебя что-нибудь редкостное. Уж нам он не откажет! Знаю я эту братию торговую: у них всегда под прилавком дефицит припрятан.

— Так это вы впервые "работали" на расстоянии столь отдаленном или и раньше вашим именем творили правосудие, — продолжала я тему, хотя, признаюсь, по женской слабости, мысленно уже готовилась к многообещающему походу в универмаг.

— Ну, сам-то я подобных случаев не знаю, потому он так и поразил меня. Но не исключено, что где-нибудь похожий трюк кто-то и использовал...

А я вдруг вспомнила тогда другой случай, свидетельницей которого была я сама, когда Вольф

Григорьевич внес умиротворение в людские сердца, тоже находясь не на сцене.

Мы летели с ним в Алма-Ату. Мессинг — на месячные гастроли по Казахстану, я — по заданию издательства. Незадолго перед тем произошла именно на этом маршруте и с самолетом того же рейса авиакатастрофа, унесшая больше ста человеческих жизней. Всегда в таких случаях на первых порах, пока свежа в памяти трагедия, резко снижается число пассажиров на "невезучем" маршруте. А особенно, при человеческой склонности к суеверию, на рейсы самолетов с тем же номером. Но когда необходимость все же заставляет пренебречь страхом, пассажиры заметно нервничают и суетятся в салоне. Что уже само по себе создает тяжелую атмосферу полета.

Так было с нами и в той поездке. Стюардесса, раздав всем взлетные конфетки, скрылась за дверцей кабины пилотов. И вдруг мы слышим:

— Уважаемые пассажиры! Прошу всех быть абсолютно спокойными. Наш полет, я уверена, завершится легко и благополучно, потому что среди вас летит знаменитый Вольф Мессинг. Он никогда бы не сел в несчастливый самолет, так как умеет предвидеть осложнения не только на земле, но и в заоблачном мире! Экипаж желает всем счастливого полета и благополучного приземления!

Я заметила, что шутливое объявление стюардессы Мессингу весьма польстило, и он, зажмурив глаза и развалясь в кресле, весело замурлыкал.

Пассажиры заметно оживились, стали шутить по этому поводу, но было абсолютно ясно, что у многих отлегло от сердца.

Глава 25. В ОБ'ЯТИЯХ МОРФЕЯ

Погрузившись в сон, искусственно вызванный врачом-гипнотизером, человек становится "игрушкой" в его руках: его заставляют вспомнить забытые (намеренно или из-за провалов в памяти) факты, события или приметы. Медиатор способен заставить погруженного в гипноз принять на веру, а потом и действительно почувствовать отвращение к курению или алкоголю. Да и другие, самые невероятные вещи совершаются в подобном состоянии. Но, как правило, человека можно погрузить в состояние гипноза только с его согласия, когда он сам заинтересован в этом сеансе.

Первые попытки научного гипноза относятся к 40-м годам 19-го века, когда его изучением занялся английский хирург Джеймс Брэд. Он считал, что гипноз сходен с обычным сном и назвал его сначала искусственным сном. Позже он вводит ныне узаконенный термин — гипноз, что, кстати, по-гречески — тот же сон.

В наше время медицинская практика и следственно-судебные органы нередко прибегают к помощи гипноза. Им лечат безнадежных больных, с его помощью разыскивают преступников, восстанавливая память находившихся в шоке свидетелей.

Американские читатели моей книги хорошо, видимо, помнят нашумевший недавно судебный процесс по делу об убийстве молодой скрипачки из Нью-Метрополитэн Опера. Всем теперь известно, что только благодаря показаниям загипнотизированной балерины из Европы, бывшей тогда на гастролях в Нью-Йорке, удалось изобличить настоящего убийцу.

Но дар погружать в гипноз — довольно распространенное явление. Конечно, обладал им и Вольф Мессинг. И снова я предоставляю страницы своей книги повество-

вателю более авторитетному, чем автор — самому Вольфу Мессингу.

— ...До сих пор я говорил о телепатии в ее, так сказать, чистом виде. Теперь мне хочется сказать о другой ее грани, связанной с гипнозом, и о моих возможностях в этой области.

Мое искусство гипноза несколько выходит за рамки известных его законов, а потому я не могу не поделиться некоторыми секретами своей "монополии".

Если телепатия до сей поры окутана пеленой таинственности, то гипноз, хотя и не досконально изучен, доступен многим и не вызывает нездорового ажиотажа. А его "технология" изучена весьма скурпулезно.

Я не буду подробно останавливаться на истории гипнотических воздействий в разное время и на многонациональных примерах, показывающих его общедоступность. Отмечу только для неспециалистов, что корни его происхождения находятся в самых истоках человеческой цивилизации.

В древнем Египте и Греции жрецы всех рангов и направлений прибегали к гипнотическим сеансам. В те далекие времена гипноз не мог не поражать людское воображение, не вызывать мистический страх. Даже пляска шамана у эвенков или эскимосов — тоже своеобразный сеанс гипноза. И исцеляли они своих соплеменников от недугов всевозможными "заговорами" и "отворотами" — монотонными заклинаниями, несшими в себе силу гипнотического внушения.

Знаменитые целительные сеансы врача МЕСМЕРА, чудодействовавшего во второй половине 18-го века — не что иное, как гипноз. Сила его гипнотического воздействия была настолько велика, что считалась несомненным фактом лечебная сила даже предметов, к которым он прикасался.

Кстати, физиолог Л. Л. Васильев, изучая явления телепатической связи, проводил опыты с тремя

женщинами, которые легко поддавались гипнозу, не видя и не слыша врача-гипнотизера, находившегося в другой комнате. Они засыпали и просыпались по его молчаливому приказу-внушению, что подтверждалось специальными физическими приборами.

Современная наука различает три стадии гипнотического погружения. Первая из них — сонливость. Человек, находящийся на этой ступеньке гипнотического покоя, испытывает потребность предельного расслабления, необычайную тяжесть в теле, у него непроизвольно начинают смыкаться глаза. Это так называемое состояние первичной стадии гипнотического погружения — гипотаксия. При гипотаксии отмечается состояние восковой гибкости тела. Любой ее части легко можно придать сложное положение, которое в обычном состоянии было бы крайне трудно сохранить. А для человека, погруженного в гипнотический сон, оно совершенно необременительно. Но вообще-то стадия гипотаксии считается второй ступенькой гипнотического погружения. К первой я отнес ее условно и применительно к тем, кто совсем легко поддается гипнозу.

И наконец третья ступень — сомнамбулизм, когда загипнотизированный отключен полностью ото всех внешних раздражителей, кроме команд медиатора, приводящего его в подобное состояние.

В состоянии гипноза огромную власть над психикой человека и над его телом приобретает слово гипнотизера. Причем, такую, какой не имеет над ним его собственная воля. Заставьте себя, скажем, не почувствовать ожога, если к вашей руке прижмут горящий конец сигареты. А мне не раз доводилось наблюдать этот жестокий опыт еще на манежах старой Польши.

Или наоборот, обыкновенный карандаш при прикосновении к вашему телу кажется вам раскаленным стальным прутом. И при этом на коже остаются следы настоящего ожога!

Загипнотизированному говорят:

— Перед вами сосуд с ледяной водой. Опустите в него руку... Вашей руке нестерпимо холодно...

И хотя вода имеет значительную плюсовую температуру — порядка 40 градусов Цельсия — рука загипнотизированного покрывается "гусиной кожей", кровеносные сосуды резко сужаются. Это заметно не только визуально, когда допустимы субъективные натяжки, но это фиксируется приборами.

Как я уже говорил, "технология" гипноза учеными достаточно изучена. Причина гипнотического сна заключается в том, что в коре больших полушарий происходит торможение. Оно может быть вызвано двояко: естественным или искусственным путем. Скажем, человек потерял дар речи под влиянием сильного испуга или какого-нибудь нервного шока. Язык и гортань больше не повинуются ему. Произошло мгновенное торможение того участка коры головного мозга, который контролирует речевую способность человека. Однако, под влиянием нового сильного перевозбуждения этот участок мозга может растормозиться.

Совсем недавно прессу всего мира обошли сенсационные сообщения о том, как ударившая в глухонемого человека молния вернула ему, казалось, навечно утерянную возможность говорить и слышать.

В другом случае удар вернул слепому драгоценное зрение.

Но такое же целительное потрясение иногда способен вызвать и талантливый гипнотизер. Однако, множество проявлений гипноза не поддается столь простому объяснению — торможением участков коры головного мозга.

А теперь о том, как я сам применяю гипноз и какими формами внушения владею. Поделюсь профессиональным секретом.

Тот впечатляющий эпизод в поезде, когда ревизор

принял клочок бумаги за проездной билет тоже, по сути, можно отнести к классическому образу гипнотического внушения. А вот случай из более позднего периода моей практики. Меня вызвал к себе Сталин, а он был уже наслышан о моих "выходках", в частности, о том, как мне удалось обвести вокруг пальца гестаповских стражников. Но Сталин был слишком высокого мнения о себе и не сомневался, что уж его-то одурачить никому не удастся.

— Вы, Мессинг, из нашего здания не сможете выйти вот без этого пропуска, подписанного моим секретарем!

Дух озорства взыграл во мне:

— Без этой бумажки? Спасибо, товарищ Сталин, но думаю, что она мне не понадобится, — слегка вызывающе ответил я.

— А если я еще дополнительно позвоню на пропускной пункт охране?

— Можно попробовать. Только не грозите им суровым наказанием, если они проморгают меня! — осторожно попросил я самодовольного вождя, стараясь не разозлить его.

И вот он набирает при мне номер телефона коменданта и приказывает не выпускать Мессинга из здания без отмеченного точным часом и минутами пропуска, лично им подписанного.

А секретарю он поручает идти за мной шагах в десяти, но ничем не выказывать своего ко мне отношения, только следить за моими действиями.

Когда я через несколько минут вышел из здания и посмотрел на окно кабинета на третьем этаже, где несколько минут назад пыжился от самоуверенности мой собеседник, я увидел его фигуру у окна.

"Не послать ли ему воздушный поцелуй?" — подумалось насмешливо...

Следует четко разграничить на "ДА" и "НЕТ" нравственные пределы, допустимые в опытах с гипнозом. Ведь каждый человек имеет и свою шкалу этических

норм — его моральное кредо. Это тот тончайший душевный нерв, к которому и прикоснуться порой нельзя, чтобы не нанести непоправимую травму или длительный нравственный шок. Правда, существует расхожее мнение, будто никакое сильное гипнотическое состояние не может заставить высоконравственную личность совершить что-либо противное его нравственным устоям. Не знаю, быть может, это и присуще редчайшим индивидуальностям, которые не поддаются моральной ломке и в самом сильном гипнотическом погружении, но тогда это тоже феномен — исключение из правила.

Я читал однажды о таком случае: загипнотизированному вложили в руку пистолет — с холостым зарядом, разумеется, — и приказали выстрелить в живую мишень. И тот не подчинился внушению.

Но ведь можно найти обходной, обманный вариант. Внушить ему же, что выстрелить он должен не в человека, а, скажем, по спортивному стенду... Вот здесь и кроется опасность, если сильнейшее психологическое оружие — гипноз — унаследовано от природы субъектом безнравственным и преступным.

Разберем конкретный случай со мной, все в том же эпизоде моего первого внушения железнодорожному ревизору, когда я заставил принять клочок бумаги за билет... Я как бы помутил его разум. Но тогда же я побудил его и на служебное преступление: спустя рукава отнестись к тому факту, что в вагоне едет безбилетный пассажир. Как и в последнем случае: заставить охрану закрытого учреждения пропустить (нарушив строжайшие предписания) именно Мессинга, а не их начальника (я охране внушил, что я — Берия).

А вот нашумевший случай ограбления банка в одной из Западных стран с применением гипнотического дара, оказавшегося "в руках" демонической личности.

Банковское помещение, где хранились деньги и ценности вкладчиков, находилось под землей. И пройти в

него можно было только через караульное отделение, круглосуточно охранявшееся часовыми. Рядом в комнатушке свободные от караула охранники отдыхали всяк на свой вкус: играли в карты, пили кофе, делились опытом молодецких похождений.

Однажды вечером, как всегда после закрытия банка, сейфы были опечатаны, а кассиры разошлись по домам. И единственным человеком, имевшим в неурочное время доступ в хранилище, был пожилой служащий — полотер. Как обычно, он навел порядок в караульном помещении, а потом вступил в святая святых банка — в подземелье со стальными сейфами. Справившись с работой, вернулся к проходной, перекинулся с часовыми несколькими словами, выкурил, сидя на своей тумбочке с чистильными принадлежностями, сигарету и, попрощавшись с охранником, ушел.

А на следующее утро обнаружилось, что один из сейфов вскрыт и очищен.

Пожилого уборщика, долголетнего и честного работника, никто бы и не заподозрил, не произойди с ним другое событие, не относящееся к ограблению банка. И только по этой причине он подвергся аресту, что в конечном итоге и помогло приблизиться к раскрытию тайны.

Дня за два до кражи наш безупречный старичок пытался в обход таможенных законов выехать за пределы страны на короткое время. Но, как выяснилось на следствии, не по своей воле. Получая скромное жалование, он соблазнился на заманчивое предложение. Конечно, он не мог не чувствовать, что его "благодетель" далеко не бескорыстно предлагает ему сделку. Но он не видел прямого своего участия в какой-либо авантюре и потому долго не заставил себя уговаривать. И вот в его двухдневное отсутствие его "подменяет" истинный грабитель, который внушает охране, что он и есть постоянный

служащий банка. Понятно, что он не ограничился уборкой помещения, где хранились ценности.

Нет сомнения в том, что органы власти любого государства всегда держат на заметке всех, кто известен как гипнотизер.

Глава 26. ”ТЕМНЫЕ” ЭСКУЛАПЫ

Кому не приходилось читать или слышать, как народные знахари ”заговаривают” кровь или иной какой-нибудь недуг, или травму. Причем, все мы наслышаны именно об удачных излечениях самого широкого перечня заболеваний.

Вот льется кровь из глубокой раны, явно перерезан какой-нибудь крупный сосуд. Над раной склоняется знахарь. Шепчет какие-то непонятные слова. И — кровь останавливается. И в этом случае не играет роли, кто ранен — верящий ли в заклинания или не верящий никаким знахарям. Кровь останавливается...

Всем приходилось слышать выражение ”не заговаривай мне зубы”. Пришло это выражение из деревень, где в старые времена не слыхали о зубных врачах. А зубы у людей болели. И лечили их заговорами. Знахарка или знахарь приходил к больному, шептал какие-то слова — и зубы переставали болеть. Точнее, человек переставал ощущать эту боль.

Я отлично понимаю, что народная мудрость имеет самое земное, самое материалистическое происхождение. Понимаю, что это один из видов гипноза. Но не могу толком объяснить суть этого явления.

И меня всегда интересовало, как относится Вольф

Григорьевич к таким народным умельцам, к какому, так сказать, "разряду" относит знахарское искусство.

— ...Всякие заговоры занимают по времени буквально несколько секунд, и несомненно, в основе их лежит одна из форм гипноза. Я говорю об этом с твердой убежденностью, потому, что и сам умею не хуже знаменитых знахарей "заговаривать зубы", и изгонять головную боль, и лечить болезни прикосновением рук. И делал я это тысячи раз. Но я обхожусь без традиционных нашептываний и заклинаний — у меня другая методика.

Однако, ни мои способности, ни таланты народных знахарей не могут считаться панацеей от всех недугов. Мы можем снять, например, зубную боль, но при этом не вылечим зуб. Так что пациенту во многих случаях потом следует обращаться к профессиональному медику.

И тем не менее, я считаю, что медицинской науке нужно смелее обращаться к богатому арсеналу лечебных препаратов и даже технологии народного врачевания, известных с седых времен человеческой цивилизации. Пренебрегать такими источниками было бы непростительной роскошью. Ведь сколько еще не раскрыто прежних достижений в самых различных областях культуры многих народов!

Кому известна сейчас подлинная технология изготовления знаменитой дамасской стали?

Стоит в Дели древняя колонна из нержавеющего железа. А где вы найдете сегодня нержавеющую сталь, не содержащую лигирующих присадок?

Пленяют вечной свежестью восковые краски древнеегипетских художников — и о них известно далеко не все.

Мерцают темным узором в витринах музеев булатные клинки древних восточных кузнецов — и сегодня еще не до конца разгадан секрет булата.

И ряд этот выглядит довольно внушительно, а многие звенья утрачены безвозвратно.

Безусловно, исследуя известные технологические приемы разного рода целителей, следует отсеивать элементы откровенного шарлатанства или непреднамеренного суеверия. Но голословно отбрасывать народный опыт прошлого на свалку нельзя, чтобы вместе с водой не выплеснуть и ребенка.

Известно, что талантливейшие писатели-фантасты в своих "фантазиях" часто предвосхищали за целые десятилетия, а порой и столетия, великие научные открытия. И подводная лодка "Наутилус", и полет на луну Жюля Верна — лучшие тому примеры.

Но куда более поразительны "открытия" безымянной народной мудрости. Она за тысячи лет иногда провидела глобальные тайны природы.

В индийском эпосе почти две тысячи лет назад описаны и космические полеты, и телепатическая связь, и таинственные воздушные путешественники, в коих угадываются будоражащие ныне воображение "летающие тарелки" инопланетян. Поистине, ничто не ново под луной!

А в одной японской сказке, которой ровно... три тысячи (3000!!!) лет есть "маленькое" открытие — теория относительности Альберта Эйнштейна. И именно в той ее части, которая абсурдна, сумасшедше смела и не понятна здравому рассудку: выйдя из земного отсчета времени, можно настолько уйти вперед, что "догонишь" и собственное рождение и рождение прапрапрапредков...

В ней описано, как молодой рыбак в награду за спасение жизни черепахи — дочери морского царя, провел только ТРИ дня в его царстве, а выйдя на поверхность, обнаружил, что находился он в совершенно ином измерении, и на земле уже пролетело 700 лет!

Три дня и 7 столетий!.. Интересно, читал ли Альберт Эйнштейн эту японскую сказку?

Так что порой мы слишком торопимся скептически улыбнуться, когда сталкиваемся с откровениями народной мудрости.

А кто не помнит удивительную поэтическую повесть Куприна ”Олеся”? Сейчас как раз к месту вспомнить отрывок из нее.

” — Что бы вам такое показать? — задумалась Олеся. — Ну, хоть разве вот это: идите впереди меня по дороге... Только не смотрите, не оборачивайтесь назад.

— А это не будет страшно? — спросил я, стараясь беспечной улыбкой прикрыть боязливое ожидание неприятного сюрприза.

— Нет, нет... Пустяки... Идите.

Я пошел вперед, очень заинтересованный опытом, чувствуя за своей спиной напряженный взгляд Олеси. Но, пройдя около двадцати шагов, я вдруг споткнулся на совсем ровном месте и упал ничком.

— Идите, идите! — сказала Олеся. — Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживет... Держитесь крепче за землю, когда будете падать.

Я пошел дальше. Еще десять шагов, и я вторично растянулся во весь рост. Олеся громко захохотала и захлопала в ладоши...

— Как это ты сделала? — с удивлением спросил я...

— Вовсе не секрет. Я вам с удовольствием расскажу. Только боюсь, вы, пожалуй, не поймете... Не сумею я объяснить...

Я действительно не совсем понял ее. Но, если не ошибаюсь, этот своеобразный фокус состоит в том, что она, идя за мной следом, шаг за шагом, нога в ногу, и неотступно глядя на меня, в тоже время старается подражать каждому, самому малейшему моему движению, так сказать, отождествляет себя со мной. Пройдя таким

образом несколько шагов, она начинает мысленно воображать на некотором расстоянии впереди меня веревку, протянутую поперек дороги на аршин от земли. В ту минуту, когда я должен прикоснуться ногой к этой воображаемой веревке, Олеся вдруг делает падающее движение, и тогда, по ее словам, самый крепкий человек должен непременно упасть... И я был очень удивлен, узнав, что французские колдуны из простонародья прибегали в подобных случаях совершенно к той же сноровке, какую пускала в ход хорошенькая полесская ведьма".

Множество еще тайн за семью замками, и вовсе не парадокс, что именно сегодня интерес к оккультизму заметно растет.

Глава 27. КЛИЕНТЫ, КАЗНИМЫЕ СУМАСШЕСТВИЕМ

Вольф Григорьевич однажды не просто рассказывал, а как бы медленно диктовал мне свои воспоминания, которые я меньше всего подвергала потом редакторской обработке:

— ...Я умею внушать волю человеку, гдядя ему даже в затылок. Или вовсе не подвергая его зрительной локации. Потому я редко пользовался "перекрестным взглядом", так как этот способ внушения, хоть и производит эффект, но не такой сильный, как "слепой" метод...

Перелистывая странички памяти, вспоминаю...

...Небольшой уютный зал в одном из министерских

особняков Москвы. Мои зрители — работники учреждения, которому и принадлежит зал. У большинства на плечах погоны старших офицеров, и не редкость — генеральские.

Я на сцене, и все идет по программе. Зрители добросовестно и благожелательно пытаются вникнуть в суть того, что я им показываю. Я, со своей стороны, стараюсь особой таинственности не допускать и помогаю им разобраться в экспериментах...

Вдруг в конце зала выростает фигура человека с погонами генерал-полковника. Все встают, подобострастно приветствуя его. А он направляется к первому ряду и с нескрываемым скепсисом и иронией басит:

— Ну, давайте посмотрим ваши фокусы.

Я разозлился на этого чванливого чинушу с его предвзятым презрением к моему "шарлатанству".

"Фокусы?! Вот и хорошо, вы и будете моим индуктором!" — приказал я ему мысленно. И пошел сзади него, заставляя совершить несолидные для его положения действия: он направился к сцене, пританцовывая — три шага вперед, один назад, как в хороводе. Зал замер, наблюдая за выкрутасами своего великого начальника, и догадываясь, что за этим стоит Вольф Мессинг. Все закончилось хорошо, т.к. сам генерал не знал, что он выделывал, а никто из подчиненных так никогда и не решился ему об этом напомнить...

Гипноз? Да, безусловно, но это сложнее, чем заставить человека проделать то же самое, совершая размеренные пассы, в тихой обстановке врачебного кабинета, при благожелательном отношении пациента к гипнотизеру.

Я не редко использовал свои гипнотические возможности для лечения психических заболеваний, как в среде сильных мира сего, так и в семьях "простых смертных".

У одного польского графа случились странные

психические аберрации. Ему причудилось, что в его голове свили себе гнездо голуби.

Консилиумы медиков мало что могли предложить для излечения этой навязчивой бредовой идеи. Сам же граф упорно отказывался от лечения, боясь, что на операционном столе ему вместе с удалением голубиного гнезда отнимут и ...голову.

Исчерпав все возможности, обратились ко мне.

Я прибег к совершенно противоположному методу общения с больным — системе "работать под дурачка", пошел на "сговор" с больным. Ибо явственно видел, что прибегнуть в данном случае к здравому смыслу бесполезно: его-то, здравого смысла, как раз и не было — рассудок находился в тяжелом помрачении.

На первую же встречу со своим пациентом я принес длинную блестящую трубку на треноге, нечто вроде переносного телескопа со множеством всяческих винтиков и колесиков. Приставил свой аппарат к голове графа и долго и усердно "всматривался" в "содержимое" его головы.

— Да, граф, — сказал я, — вы бесспорно правы. В вашей глове — голубиное гнездо, и боюсь, в нем может поселиться еще не одно птичье семейство.

— Вот видите, а другие сомневались... Я же днем и ночью чувствую, как они хлопают своими крыльями... А тут еще и кошка стала к ним подкрадываться. Тогда совсем переполох! Так и разлетится голова!..

— Могу прогнать ваших непрошенных жильцов, да притом так, что они больше никогда не вернуться к вам, — в тон графу сказал я.

— Буду весьма признателен...

Еще раз приставив "телескоп" к титулованной голове, я вслух пересчитал пернатых, сказал графу, что у них сейчас кладка яиц. Но они должны покинуть это гнездовье, так как никакие животные не любят подсматривания человеком их интимной жизни. И что вскоре

они улетят искать лучшее и более спокойное место.

Я попрощался с графом и укатил к себе в гостиницу.

На следующий день граф ранним утром прислал за мной свой экипаж.

— Спасибо, огромное спасибо. Проклятые птицы выпорхнули! Но вылупились из яиц новые птенцы... Старые улетели, а завелись новые... А молодые шумят еще пуще!

Пришлось снова пускать в ход "чудодейственную" телескопическую установку. Я снова внимательно просматривал графское чело, подтвердил наличие молодого выводка и назначил решительный сеанс днем позже.

Предостояла решительная чистка бедной графской головушки.

Предварительно сговорившись с родственниками графа, я привел в его сад трех помощников с настоящими живыми голубями в корзинке. Незамеченные, они тихонько присели за кустами крыжовника.

Шелковым платком завязав графу глаза, я взял его под руку и спустился по крутой аллее сада к кустам, где сидели мои помощники.

— Сейчас важный момент, граф, — сказал я торжественно. — Внимательно слушайте. — И выстрелил из стартового пистолета. По моему знаку мои ассистенты выпустили голубей, а я достал из кармана заранее умерщвленного голубя и сунул ему в руки.

— Вот, граф, одного удалось пристрелить, но уцелевшие больше не вернутся. Все теперь с ними покончено.

Граф сам увидел своими глазами улетавших голубей и мертвого тоже. Мертвую птицу он тут же закопал в рыхлую землю клумбы.

Несколько лет кряду сознание его более не мутилось. Но один "добряк", его знакомый, полагая, что граф излечился окончательно, раскрыл ему преступно-легкомысленно суть той лечебной операции. Узнав

правду, граф минуту стоял в диком оцепенении, а потом с душераздирающим криком сжал ладонями голову... Птицы вновь вернулись к нему...

И я сомневаюсь, чтобы вторично его можно было излечить.

Зигмунд Фрейд, как известно, придавал огромное значение сновидениям. И главная заслуга Фрейда не только в успешном излечении пациентов,но и в том, как он ставил правильный диагноз, как приходил к первопричине. Он просил своих пациентов, при необходимости, рассказать ему несколько сновидений, наиболее запавших им в память. В них он усматривал второй, но не менее важный "слой" психической жизни человека, в котором подсознание ярче всего проявляет себя, и по нескольким снам он совершал путешествие в обратном отсчете времени — зримо увидев происходившее в прошлом.

Честно признаюсь, что в этой области все еще непознанного уголка человеческой души, я мало разбираюсь, да и никогда в своих экспериментах ее не касался. Образы минувших или грядущих событий постигаются мной другим "аппаратом". И не так уж важно, как это назвать — телепатией или ясновидением. Я оставляю за тобой, Таня, право после моей смерти распоряжаться моим мозгом и самой классифицировать мои способности.

А вот поразительный случай, когда я и сам затрудняюсь определить, с какого боку я к нему подошел. Возможно, еще и потому, что история случилась невероятная, которую трудно представить даже в кошмарном сне.

Как-то после очередного выступления на Урале ко мне в гостиничный номер пришел двадцатидвухлетний молодой человек. И хотя я, как всегда, был предельно инструмен двухчасовым сеансом, не принять его я не смог. Уж настолько очевидно было даже по его виду, что он

столкнулся с большой бедой. Отчаяние и смертельная тоска читались в его глазах.

Я с первого взгляда понял, что у молодого человека какая-то любовная трагедия, но всю глубину постиг позднее, когда увидел фотографию. А до того услышал вот такое признание.

Роковая встреча с женщиной (первой в его жизни) произошла в двадцатилетнем возрасте, когда он приехал в этот уральский город на заработки.

Почти с грудного возраста он воспитывался в детском доме, и только мальчишкой узнал от воспитателей, что его родители — "враги народа": отец после суда расстрелян, а след матери затерялся в лагерях. Не знал он и свою подлинную фамилию. В шестнадцать лет он поступил в техническое училище, и вот два года назад приехал сюда на работу. В ожидании места в общежитии завода, куда его приняли механиком, он жил в местной гостинице.

В этой же гостинице проездом — что-то около недели — жила и неизвестная ему женщина. Они познакомились. Женщина была значительно старше его, но с виду лет на семь-восемь.

Начался бурный роман, продолжавшийся все дни, пока женщина жила в гостинице. И так же внезапно прервался: ей нужно было ехать в столицу, чтобы восстанавливать документы и доброе имя после освобождения из лагеря и реабилитации. Они даже не смогли проститься, да она и не очень этого хотела. Женская мудрость правильно подсказала ей, что из этого ничего не может выйти. Слишком велика возрастная пропасть. И, как он заметил, она даже обрадовалась, что поезд Томск-Москва будет проходить через их станцию как раз в его вечернюю смену. Ни адреса, ни каких-либо ориентиров она не оставила.

В те несколько бурных дней они все его свободное время проводили вместе, а однажды в городском парке

и сфотографировались "на память". И вот только и есть у него эта сладко-грустная память...

Парень трясущейся рукой полез во внутренний карман куртки и вынул бумажник. Он протянул мне черно-белую фотографию... Я обомлел. Я увидел очень красивое женское лицо, действительно даже не моложавое, а молодое, хотя ей шел тридцать восьмой год... Я был настолько потрясен, что и сам испугался своего долгого молчания, словно молодой человек мог обладать телепатическими способностями и "прочесть" в моем молчании страшное открытие, которое я сделал.

Я держал в своих руках явное свидетельство повторения трагедии царя Эдипа. А передо мной стоял живой пример "эдипова комплекса" — чуткий, честный и психически тонко организованный юноша, которому я должен помочь.

Нет, на фотографии он не был похож на нее, никакие видимые приметы не говорили мне о родстве. Но я ни на секунду не сомневался, что на фотографии — мать и сын...

Будучи наслышан о моих способностях и нескольких случаях нашумевших предсказаний, он хотел узнать, могу ли я определить ее местонахождение, а главное, не будет ли она матерью его ребенка.

Чудовищные сцены проносились в моем воображении: истосковавшаяся за полтора десятка лет в тюрьмах и лагерях по мужской ласке женщина в объятиях своего сына...

Открыть ему зту тайну — значит неминуемо обречь его на тяжкое и неизлечимое безумие. Нет, нужна спасительная ложь! И на ум приходят строки знаменитого "Белого покрывала" Шандора Петефи.

Мне, действительно, ничего не "виделось" в направлении его матери, лишь кошмарная явь свершившегося. И я решился на обман, ища поддержку в поэме Петефи.

Кратко сюжет ее таков. Накануне казни сына мать приходит к нему на последнее свидание и обещает, что в то его роковое утро она предпримет попытку добиться у короля-деспота отмены казни. Любой ценой, даже потерей женского достоинства... И пусть он завтра утром, когда его поведут на казнь, взглянет на балкон своего дома, где она будет стоять.

Если она будет в черной траурной накидке — что ж, значит, ничего нельзя изменить, "...Знай, неизбежна смерть твоя". А если она выйдет на балкон в белом покрывале, значит, тиран смилостивился, и в последнюю минуту казнь отменят.

Утром его выводят в последний путь. Толпа пылко приветствует мученика, но он неотрывно смотрит вдаль, где вскоре должна появиться мать — со знаком жизни или смерти.

И когда процессия поравнялась с домом графини, он увидел ее, спокойную и полную величия и гордости, в белом покрывале... И сердце его ликует от счастья! Его выводят на плаху... Позма заканчивается так:

Он даже в петле улыбался...
О, ложь святая! Так могла
Солгать лишь мать, полна боязни,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью!

Я собрал свою волю, стараясь ничем не выдать себя, и сказал ему:

— Вы должны верить мне и прислушаться к моим словам и совету. Ваша добрая знакомая вышла замуж за иностранца и сейчас за пределами России. У нее есть ребенок, но не от вас. Забудьте ее... У вас нет негатива этой фотографии? Нет, ну и отлично. Я оставлю ее себе, разрешаете? Ну, как память о нашей встрече... Так что ваши тревоги напрасны, хоть я и понимаю вас.

Молодой человек долго колебался, пока согласился

отдать мне фотографию. Я попросил его еще раз как-нибудь зайти ко мне, пока мои гастроли будут продолжаться в его городе.

Дней через пять он снова наведался ко мне в номер, и я с радостью отметил, что выглядит он на сей раз гораздо спокойней, тревожный лихорадочный блеск в глазах исчез.

Ты, Танюша, знаешь, что мой талисман — мое кольцо с трехкаратником — всегда при мне, но я возил с собой еще забавную фигурку эскимоса в национальном одеянии, вырезанную на кости, как-то в одну из поездок по Сибири подаренную мне в Магадане.

Я достал ее из шкатулки, перочинным ножиком поставил свои инициалы и вручил своему гостю.

Он горячо поблагодарил меня и ушел, как мне показалось, почти без груза недавних терзаний.

Глава 28. НА СЦЕНЕ И В ЗАЛЕ

Вообще из своих поездок на Восток в молодости Вольф Григорьевич, как мне думается, вынес очень много для себя. Я бы определила это так: Европа дала ему теоретическую подготовку в психологии, а Восток отшлифовал его практическую работу.

В путешествии по Индии он значительное время отдал наблюдению и ознакомлению с жизнью общин йогов. Именно они вдохновили его продолжать испытывать в сеансах каталепсии те задатки его психики, которые были обнаружены еще в раннем детстве. И, вернувшись в Европу, он сразу же провел в нескольких столицах показательные выступления. Потом был

двадцатишестилетний перерыв: зрелищно эти опыты выглядели эффектно, но и тело, и душу изнуряли основательно. Да и страна не разрешала демонстрировать их на открытой сцене.

И только в декабре 1963 года Вольфу Григорьевичу было предложено провести один такой сеанс в Центральном Доме литераторов, так сказать, для избранной публики. Ибо в этом больше было научного интереса, чем зрелищного мастерства.

В зале присутствовало чуть более ста человек: медицинские работники и среди них директор Института мозга профессор Сергеев, ради которого Мессинг и согласился на демонстрацию каталептического состояния. Немало было журналистов.

Внешне это выглядело так: маститый хирург проводит сложнейшую показательную операцию для студентов-практикантов.

Предварительно согласовали важный момент сеанса: нужен врач-ассистент, который мог бы вернуть Мессинга из объятий Морфея в нормальное состояние. Сам он после такого огромного перерыва на собственные силы не надеялся. Да и было ему уже 64 года.

И в помощники пригласили врача-психиатра, молодую женщину, посвященную в "оперативный план" действий, на случай, если сам Мессинг не сможет вернуться в бодрствующее состояние.

Особых эффективных препаратов доктор Пахомова не имела. Всего лишь медицинский ширпотреб: кофеин, строфантин, кислород. Ну, еще она могла провести массаж на сердце, что тогда уже широко практиковалось.

Вольф Григорьевич вышел на сцену, по-восточному сложил руки на груди и низко поклонился. Сказал, что долгое отстутствие практики не дает ему уверенности в успехе, и заранее просил извинения.

Постояв несколько минут молча, он застыл на месте, словно погрузился в раздумье — минут 7-10 он так

стоял. Было видно, что жизнь нормально пульсирует в нем.

Прошло 30-40 минут, и стало ясно, что стоящий на сцене уже отрешен от внешнего мира, будто перед вами скульптурное изваяние, мраморный двойник известного человека. Мессинг впал в оцепенение.

Врач проверила пульс, и объявила присутствующим, что таковой не прощупывается. Из зала вышли ее помощники и поставили друг против друга два стула спинками вовнутрь. Мужчины подняли безжизненное тело Мессинга и положили на две спинки стульев: пятками на одну, а на другую — затылком. Зрелище, надо сказать, не из приятных, но наука, как и искусство, требует жертв. Тело совершенно не провисало, словно уложили деревянную фигуру.

Самый грузный из мужчин, встав на приставной стул, сел на живот Мессинга. Тело и тогда не прогнулось. Тогда врач-психиатр вынула из пробирки с дезинфекционным раствором большую иглу и проколола мышцы шеи Мессинга насквозь.

Никакой реакции и ни капли крови.

Профессор Сергеев предложил кому-нибудь из присутствующих выйти на сцену и спросить что-либо у Мессинга.

Тогда как раз бушевали политические страсти из-за опасного противоборства с Китаем, и у Мессинга спросили, выльется ли накал в военные действия глобального масштаба. Несколько раз повторяли один и тот же вопрос, но ответа не последовало. Кто-то из присутствующих предложил попробовать получить ответ в письменном виде. Тогда положили на живот Мессингу альбом, в руку вложили ручку, и снова задали тот же вопрос. Мессинг рывком, как робот, поднял руку и на альбоме написал два слова: мир будет!

На том сеанс и кончился. Несколько врачебных манипуляций и имевшиеся под рукой лекарства вер-

нули Мессинга в "сей" мир. Однако, заметно было, как истощил его этот сеанс каталепсии.

Через несколько дней после этого сеанса, когда Вольф Григорьевич приехал ко мне встречать Новый год в кругу нашей семьи, еще видно было, как тяжело дался ему тот вечер. Таким насупленным и неразговорчивым, да еще в такой праздник, мы Мессинга видели впервые.

Подмечено, что кондитеры, как правило, равнодушны к лакомствам, большинство рыбаков любят лишь сам процесс рыбалки. А вот Мессинг был исключением из этого правила. Все его выступления носили зрелищный характер, а сам он не упускал случая поменяться со зрителем местами: перейти в зрительный зал театра или кино.

Актеры всех жанров самым благодарным зрителем считают детей — за их непосредственное восприятие событий, за искреннее сопереживание героям спектакля.

Вот таким зрителем-ребенком был Мессинг. В кино ли, в зале драматического театра или оперетты он бурно реагировал на все, что происходило на сцене. Но больше всего, почти фанатично, был влюблен он в искусство цирка. Быть может, за тот аскетический образ жизни, на который добровольно шли цирковые актеры ради мастерства и поддержания формы, за полную самоотдачу и трудолюбие, за риск.

Потому и друзей имел он самых близких в среде жрецов арены, и, в частности, очень дорожил дружбой со знаменитым цирковым клоуном Юрием Никулиным. Никулин и его жена Татьяна всегда радушно распахивали двери дома перед Вольфом Григорьевичем. Столь же сердечными были у него отношения и с талантливым артистом кино Евгением Леоновым и его очаровательной супругой Вандой, с народным артистом, певцом Большого театра Юрием Гуляевым, с Аркадием Райкиным и диктором Центрального радио Юрием Борисовичем Левитаном.

Вместе с тем, я не помню случая, чтобы Мессинг использовал свое знакомство с театральными знаменитостями "для личной пользы", даже самого простительного свойства.

Так, помню, на премьеры спектакля "Варшавская мелодия" в театре Вахтангова долгое время нельзя было достать билетов. И нам стоило огромных усилий уговорить Мессинга позвонить в администрацию театра и хотя бы на ближайшее будущее попытаться заказать билеты. Это было хитрой уловкой с нашей стороны, так как заказывая билеты на дом, вы потом называете адрес и фамилию, и мы надеялись, что магическое "Мессинг" сработает.

Так оно и случилось. Но нужно было видеть, с какой робкой застенчивостью он называл себя по телефону, словно просил милостыню.

А когда на другом конце провода сказали, что, конечно же, для Мессинга билеты найдут даже на завтра, он совсем стушевался, нервно затеребил пальцами пуговицы пиджака и, что-то ворча про себя, удалился в гостиную.

Глава 29. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Между тем, мои сыновья уже выходили на самостоятельную жизненную орбиту, что и радовало, и прибавляло хлопот.

Старший сын, Владимир, закончил с отличием школу, затем был принят в Университет и успешно закончил факультет теоретической физики. В 26 лет

он блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Немного позже — докторскую.

Младший — Александр — к 1965 году закончил одновременно медицинское училище и вечернюю школу. Хоть и было это очень тяжело физически, но было задумано им с дальним прицелом.

Попасть в медицинский институт всегда очень тяжело, а в 1965 году поступали выпускники школ 1947 года рождения, когда был громадный послевоенный скачок рождаемости. Конкурс был убийственный, и если бы Саша не попал в институт, то замаршировал бы в армию. Наличие же диплома медицинского училища и аттестат зрелости дало ему возможность подавать в 1-ый им. Сеченова и во 2-ой им. Пирогова одновременно.

Утром 8 августа, провалив первый зкзамен по химии и поспав прямо на скамейке в сквере на Пироговке, он через два часа отлично сдал физику во 2-ой Медицинский, где потом успешно досдал и все остальные предметы.

Словом, мой младший начал учиться на педиатрическом факультете Медицинского института, одновременно подрабатывая на "скорой помощи".

Моей радости не было предела. Саша тоже был счастлив, и только одно омрачало его студенческую жизнь. Был у них профессор анатомии Гаврилов, который за что-то возненавидел Сашу. Узнавал его везде и всюду, дважды заваливал на небольших тестах, и при любой возможности посылал ядовитые реплики в его адрес. А однажды, встретив его одного, прямо заявил: "Ты, Лунгин, лучше сам уходи из института. Мой предмет ты никогда не сдашь. Это я тебе обещаю". После этого Саша просто голову потерял.

Была середина второго курса, и приближался заключительный зкзамен по анатомии — самому трудному предмету. Хоть мне иногда казалось, что Саша несколько преувеличивает неприязнь Гаврилова, я все же

рассказала эту историю Мессингу. Вольф Григорьевич внимательно слушал, а потом вдруг стал говорить на абсолютно отвлеченную тему. Если Мессинг уходил от темы — никто никогда не мог его вернуть к ней. А в данном случае или ему это было не по душе или его "компьютер" зарегистрировал событие. Больше разговор не возобновлялся, и я решила, что он об этом уже забыл.

Наступил день злосчастного экзамена. Стояла тихая солнечная погода. Саша, очень нервничая, ушел на экзамен, а я хлопотала по хозяйству и решала, что бы такое вкусненькое приготовить ему к обеду. И вдруг телефонная трель.

— Тайболе! Безобразие, понэмаете! Я так не могу работать. Саша позвонит — скажи ему, чтобы прекратил нервничать — он мне мешает. Скажи ему, что я — с ним...

— Вольф Григорьевич, но он никак позвонить не может, — удивилась я, — он же сейчас на зкзамене...

— А это тебе не Вольф Григорьевич, а Мессинг говорит! Он позвонит!

Я уже давно привыкла, что после этой сакраментальной фразы спорить или возражать бесполезно, и, сказав "хорошо", повесила трубку.

Телефон затрещал вновь. Видимо, Мессинг хочет все-таки что-то разъяснить. Но позвонил Саша.

— Мама, бесполезно идти сдавать. Только что выходил Гаврилов и при всех сказал: "И не забудьте, Лунгин, — вы сдаете мне". Ты бы видела его кровожадное лицо в тот момент. Не знаю, что делать".

Я почувствовала по голосу сына, что он на пределе нервного накала. И тогда я сказала:

— Только что звонил Вольф Григорьевич, просил не волноваться, так как он сейчас с тобой в мысленном контакте и поддерживает тебя.

Саша вздохнул и ответил, что это, конечно, здорово, но не очень-то верится, и что будь что будет — он отправляется на экзамен.

Могла ли я оставаться на кухне, хоть и собиралась к вечеру состряпать какое-нибудь гастрономическое чудо?! Спеша, кое-как одеваюсь и бегу в институт. Благо, это не так уж далеко от нашего дома, учитывая московские расстояния. Через час я была там.

Только вбежала на первые ступени парадной лестницы — вниз спускается мой Саша в белом халате и с такого же цвета лицом... Нервно взмахнул правой рукой с одним зажатым пальцем. Я не верю своим глазам: четверка?!

— Да, мамуль, четрые балла!

Саша просто захлебывался от восторга:

— Мама, я знаю Вольфа, но такое!.. Ведь Гаврилов почти в упор видел меня в течение часа и ни разу не среагировал, как будто меня там и не было. Это просто чудо какое-то! Представляю, как Гаврилов будет беситься. Ты иди наверх и жди меня, а я мигом сбегаю за вином".

— За каким вином, Саша, ты же в институте!

— Ты что, уже забыла свою анатомию? Да у нас там все, как из-под танка вылезли. Сейчас на все наплевать, главное — анатомия.

Я стояла на лестничной площадке среди шумной студенческой ватаги. Кто-то поздравлял друг друга с успешной сдачей, кто-то всхлипывал — сценки, знакомые мне и по моей студенческой молодости.

Студенты понимали, что я — мать кого-то из однокурсников, но в таком возбужденном состоянии никто и не спросил, за кого я пришла "болеть". Да и до меня ли им было! За дверью экзаменационной комнаты еще остались их друзья, коим предстояло пройти последний круг ада. И они поминутно приоткрывали дверь, чтобы взглянуть — как там? Посмотрела в щелку и я и в страхе отпрянула. Уход из медицины в фото-журналистику сказался: я отвыкла от анатомических экспонатов. А тут в двух шагах от меня лежало на столах с

десяток проформалиненных человеческих трупов во всевозможных позах. По этим "препаратам" и сдают студенты анатомию. Дальше полукругом стояли пять столов преподавателей, за которыми студенты один на один сдавали экзамен, время от времени вставая и подходя с преподавателями к трупам, что-то пытаясь отыскать в них.

В середине "пятерки" сидел рыжий энергичный мужчина. Гаврилов — это был он. Выглядел точно таким, как его описывал Саша. А в центре зала за несколькими столами сидели студенты, подготавливая ответы по своим билетам и ожидая, какой преподаватель освободится. Как я узнала позже, Саша полчаса готовился к ответу почти перед самым носом Гаврилова, тот видел, как Саша пошел отвечать к доценту за следующим столом, и через 20 минут поставил свою подпись в Сашиной зачетной книжке.

Через несколько минут на площадку вышел и сам профессор, спросил, все ли прошли экзамены. Хор молодых голосов дружно ответил, что все.

"Не все, — хмуро буркнул ученый муж. Лунгин еще не сдал".

Все на перебой стали утверждать, что он уже сдал, что они сами видели оценку в четыре балла. Гаврилов удивленно вскинул огненные брови: "Как сдал? Не может быть! Кому сдавал?" Студенты назвали чью-то фамилию.

Только оказавшись свидетелем этой сценки, я поняла, что Саша не преувеличивал, и этот экзамен мог бы оказаться его последним экзаменом в медицине. Я трепетала от счастья, я видела в том "руку" Вольфа.

Сын вернулся с двумя бутылками "Российского", которые он, как победный стяг, держал высоко над головой. Я была представлена сокурсникам. Вокруг радостный гомон, поздравления, шутки, вино идет по кругу, и я, присоединившись к этой счастливой ватаге, тоже

пригубляю прямо из бутылки. Счастливая студенческая пора! Радостные, отправляемся с сыном домой.

Глава 30. И ВНОВЬ ГИППОКРАТЫ

Однако 1965 год памятен мне не только этими институтскими делами сына, все-таки закончившимися так благополучно. Были разные личные невзгоды, но больше всего волнений было связано с моей болезнью крови, которая резко обострилась. Встал вопрос о моей госпитализации.

Лучшие шансы на благополучный исход лечения все мы видели в том, чтобы любыми путями постараться попасть в клинику железнодорожников, где отделением гематологии заведовал опытнейший и талантливейший специалист по заболеваниям крови, академик Иосиф Кассирский. Суть была не в престижности, а в том, что академик Кассирский знал свою область медицины по-настоящему, и попасть к нему было для больных реальной надеждой на выздоровление. Но в ту клинику доступ имели либо профессиональные железнодорожники, либо партийные чины. А воспользоваться дружбой Мессинга и моим знакомством с самим академиком я не решилась. Вот и выходило, что "не любыми путями".

Но старший сын Володя пошел на святую сыновнюю ложь: он позвонил в клинику, назвавшись каким-то боссом из Министерства путей сообщения, и меня без проволочек приняли, хотя все палаты были забиты до отказа больными.

Через несколько дней, после всех проведенных

анализов, во время очередного обхода всего врачебного персонала клиники, Кассирский, который на меня сердился, что не обратилась прямо к нему (Как он сказал: одна моя подпись, и Татьяна лежала бы в лучших условиях), заявил мне, что операция неизбежна, а сотрудникам дал соответствующие распоряжения. Я безропотно согласилась. Но в душе, признаться, дрожала от страха: как медик понимала, что удаление селезенки это далеко не безопасно.

Живым укором всем взрослым, трепетавшим от своих действительных и мнимых недугов, в палате лежала девочка девяти лет, "приговоренная " врачами к смерти, мужественно переносившая все больничные страдания. И накануне операции скорее я забывала с ней свою тревогу, чем она искала во мне удовлетворение своему детскому любопытству, расспрашивая меня о моих странствиях и поездках по заказам издательств.

И в тот момент, когда я описывала девчушке красоты тундры и северного сияния, в палату вошла медсестра и с раздражением в голосе сказала: "Лунгина, вас к телефону. Но чтоб это — в последний раз. Телефонные вызовы отвлекают персонал от работы. И все по пустякам."

Я робко ответила, что никому телефона клиники не давала, так как и сама не знаю номера.

— Тайболе? — Так звал меня только Мессинг, — тебе завтра предстоит операция?

— Да.

— Не волнуйся. Никакой операции не будет. Спокойной ночи.

И ничего не объяснив, повесил трубку. Я чрезвычайно обрадовалась, но, вернувшись в палату, вспомнила, что не была произнесена та волшебная в таких случаях фраза — "Это не Вольф Григорьевич, а Мессинг!" — и моя надежда потускнела. Но утро вечера мудренее!

Поскорее заснуть, в этом лучшее успокоение.

Рано утром в палату вошла та же строгая сестра и сообщила мне, что операция подготавливается, и я не должна принимать пищу.

— ?!..?!.. Как же так! А Мессинг?

Сочувствуя мне, вся палата притихла, женщины скорбно глядели на меня. Я попрощалась с ними и пошла за медсестрой к своему лобному месту.

Но мы прошли по всему коридору, не остановившись у операционной, и другим крылом спустились по лестнице на первый этаж.

У дверей с надписью "Конференцзал" нас ждал профессор Абрамов. С чувством невероятной тревоги захожу в зал, не имеющий ничего общего с операционной. В зале человек 200 врачей и студентов, все в белом. Пока иду к кафедре, вижу, как 400 глаз молча следят за мной. Чувствую себя, как маршал на параде. Только никто не кричит: "Равнение напра-во!", и "маршал" — в цветном нейлоновом халате.

На кафедре, в черном костюме, академик Кассирский. Он подошел ко мне, обнял меня за плечи и, не опуская руки, объявил присутствующим, что, судя по анализу костного мозга, решено с операцией пока повременить Больная, мол, живет в Москве, и если курс лечения не улучшит ее состояние, операцию проведут незамедлительно.

Я высвободилась из дружеских объятий академика, повернулась к нему и спросила: "Это вы по просьбе Мессинга?"

Еще не успев сообразить, что к чему, он удивленно переспрашивает:

— Мессинг?! А при чем тут он?

— Да я думала, что это он...

Кассирский перебивает, улыбаясь: "Нет, дорогая, мои друзья не вмешиваются в дела моих пациентов. Даже Вольф Григорьевич. Да и не видел я его уже давно".

С радостным чувством вернулась я в палату. Хоть и боялась очередного выговора, но с нетерпением ждала звонка от Мессинга. А он, не позвонив, сам пришел на другой день. С ним сестра покойной супруги. Принесли гостинцы — большую коробку шоколадных конфет и бананы.

Вольф Григорьевич дипломатично обходил стороной все мои попытки узнать: ему ли обязана тем, что болезненной операции удалось избежать. И где тут собака зарыта — он ли внушил Кассирскому, что проводить операцию излишне или в лечении моем как-то участвовал он сам? Мессинг вел разговор на далекие от медицины темы, словно мы сейчас не в клинике.

А через три дня я была выписана с предписанием соблюдать и дома больничный режим.

Вольф Григорьевич не заставил себя ждать и в тот же вечер навестил меня. И снова ни слова об отмене операции.

Глава 31. ЮБИЛЕЙ

У здания Центрального дома медицинских работников бушевало людское море. Усиленнные наряды милиции еле сдерживали анархичную толпу, состоявшую, в основном, из неудачников, коим не достались билеты на юбилейный вечер Вольфа Мессинга.

А правительство решило почему-то отметить заднним числом круглую дату жизни известного телепата и ясновидца. Вольфу Григорьевичу уже исполнилось шестьдесят семь лет, а вечер проходил под знаком шестидесятипятилетия.

Накануне юбилея я была у Мессинга и отметила неважное самочувствие Вольфа Григорьевича. Ему явно не улыбались эти юбилейные торжества. Но и отменить их было нельзя: слишком велик интерес к встрече у московской общественности, ученых, журналистов и просто почитателей Мессинга.

Ираида Михайловна — сестра его жены, сказала мне, что сам он уверен в том, что у него вспышка хронического аппендицита.

Я предложила проконсультироваться с профессором Аграненко, опытным хирургом из Института гематологии и переливания крови, и даже лечь, если потребуется, на обследование. Но Вольф Григорьевич категорически отказался, объявив, что просто не имеет права подвести столько людей.

Зал Дома медицинских работников 19 января 1966 года был забит до отказа. А чтобы хоть как-то удовлетворить тех, кому не посчастливилось приобрести билет, из основного зала в вестибюль и смежные помещения провели ретрансляционные радиоточки.

В почетном президиуме — известные физики, биологи всех рангов и званий, несколько академиков, врачи и журналисты.

Я с сыновьями сидела в шестом ряду партера, очень волновалась, так как мне тоже предстояло выступить с приветственным словом. А труднее всего говорить теплые слова о друге именно в его присутствии и под взглядом стольких глаз. И приветствие мое вышло не так, как я задумала. Я просто напросто пересказала историю наших встреч, перемежая рассказ восторженными эпитетами. Смущенная, сошла со сцены и вернулась на свое место.

Аплодисменты покрыли мои последние слова, но собой я осталась недовольна.

Другие говорили более кратко, но все без исключения — в восторженных выражениях. Вольф Гри-

горьевич любезным жестом приглашал всех ораторов оставаться на сцене, где у стола полукругом были расставлены цветы, и самая большая корзина с тюльпанами — от героини войны, летчицы-асса Гризодубовой.

Мессинг, польщенный теплотой слов и вниманием, сидел в центре стола, как ребенок-именинник.

Второе отделение вечера было отведено самому юбиляру. В ответ на многочисленные приветствия Вольф Григорьевич сказал только одну фразу: "Друзья, большое вам спасибо!"

Потом, как обычно, началось его выступление, привычная программа психологического сеанса, но, как и всегда, в чем-то новая.

В самом начале к нему поднялась женщина и во всеуслышание сказала, что вот уже более полугода страдает от нестерпимой головной боли. Мессинг попросил подать стакан воды, и кто-то налил из хрустального графина, который стоял на столе почетного президиума.

Вольф Григорьевич что-то тихо сказал женщине на ухо, несколько секунд подержал за запястье и велел выпить несколько глотков воды. И почти сразу же, радостная, она заявила, что боль исчезла.

Прямо-таки евангельская сцена: "Встань и иди!" — сказал Христос больному Лазарю.

На следующий день торжество продолжалось уже в менее официальной обстановке. В ресторане "Прага" на Арбате Мессинг арендовал весь великолепный "Красный зал" с зеркальным дизайном, и там прошел пышный банкет.

Среди почетных гостей я запомнила академика Петра Ребиндера, академика Иосифа Кассирского, писателя Леонида Леонова и сына "всесоюзного старосты" Калинина Александра, профессора Московского университета. А также главного редактора журнала "Наука и религия" Владимира Мезенцева.

Должна признаться, что всякие общественные диспуты или встречи Вольфа Мессинга со зрителями вне зрительного зала редко обходились без докучливых представителей этого журнала или лекторов из общества "Знание". Думается, такая опека была кем-то задумана, чтобы "защитить" зрителей и почитателей Мессинга от ухода в область мистики и оккультизма.

Вечер прошел тогда в непринужденной обстановке, шутки чередовались с тостами, не умолкал смех. Были довольны и официанты ресторана. К иностранцам и крупным партийным чиновникам у них уже пропал интерес, так как ресторан "Прага" давно стал излюбленным "злачным местом" московской элиты. А вот такую персону они еще не обслуживали.

Приходили просить автографы и из соседнего банкетного зала, где в это же время гремела чья-то высокопоставленная свадьба. Под занавес пришли жених с невестой и тоже попросили автограф Мессинга. На таком торжестве редко кто сомневается, что любовь будет, как говорят, до гроба. Опьяненные счастьем, молодожены приготовились век вековать в радости и согласии. Но когда они ушли в свой зал, Вольф Григорьевич наклонился ко мне и тихо сказал: "Вместе проживут ровно пять месяцев". К сожалению, об этом предвидении не могу больше ничего сказать. Столкнуться с кем-либо из них мне никогда в будущем не привелось. Но я не сомневаюсь, что именно в назначенный срок у них "...все прошло, как с белых яблонь дым...". Мессинг и не такое предсказывал!

Все праздники кончаются. Минули и юбилейные. Жизнь продолжалась.

Глава 32. БРЕННОЕ ТЕЛО

Когда человек настойчиво предлагает вам за два доллара брошюру с рецептом, как стать миллионером — это явное надувательство. Ибо что же мешает ему самому стать таковым? Это очевидно.

С другой стороны понятна нам и такая ситуация, когда великолепный парикмахер сам себе не в состоянии сделать стрижку. И виртуоз-хирург не сможет провести на своем плече простейшую операцию по удалению, скажем, осколка стекла.

Но вот почему в такой же ситуации находится и телепат, способный одним лишь внушением изгнать из организма другого тяжелый недуг?

А как раз в такой западне и находился Мессинг. Свои болезни преодолеть он был не в силах.

К полудню следующего после ресторанного банкета дня мне позвонила Ираида Михайловна и сообщила, что "скорая" увезла Вольфа Григорьевича в крайне тяжелом состоянии в клинику имени Боткина. Ему предстоит срочная операция.

Мой сын был уже студентом второго курса медицинского института и работал на "скорой помощи" именно при этой клинике. Я немедленно вызвала такси и помчалась в грустную обитель. Саша встречал меня на крыльце главного входа. Я вышла из машины и увидела сына — сердце у меня обмерло: указательными пальцами он мне показывал крест! Этим он давал мне знать, насколько трагично положение. Почти бегом — к нему. Как, в чем дело? Саша объяснил, что у Мессинга был гнойный аппендицит, который прорвался, вызвав гнойный разлитой перетонит, и смерть показывает свою косу.

По Москве свирепствовала очередная эпидемия вирусного гриппа, и посещения больных были запреще-

ны. Но сын сказал Вольфу Григорьевичу о моем приходе, и по просьбе Мессинга меня к нему пропустили.

Встретил он меня слабой улыбкой, а когда я склонилась и поцеловала его в лоб, я поняла, с каким трудом ему эта улыбка дается: жар был не менее 40 градусов. Держался он молодцом, ни на что не жаловался, только дышал тяжело и прерывисто. В его палате лежал еще молодой парень, богатырского сложения, с бородой, как у Хемингузя. Казалось, он попал сюда по недоразумению. Мессинг перехватил мой взгляд в сторону здоровяка, поманил к себе пальцем и тихонько прошептал на ухо: "Тайболе, эти черти-врачи, видно, считают, что я испекся, готов... Нет, фигу им! А видишь этого здоровяка? Жалко парня — отсчитывает последние дни. А внешне ведь — ни-ни!"

Во второй мой визит Вольф Григорьевич попросил, если возможно, достать и принести черной икры. Больше у него ни на что аппетита не было.

Пришлось исколесить буквально всю Москву. Все же в одном из маленьких отдаленных ресторанов мне удалось раздобыть грамм сорок. Тут же поспешила отвезти "драгоценный" гостинец в клинику. Пропустили и на сей раз, и Вольф Григорьевич несказанно был рад и мне, и икре. Теперь уже улыбка без натяжки, и я вижу, что дело идет к поправке.

А молодого крепыша в палате уже не было... Он умер.

Кроме меня Мессинга регулярно навещала ведущая — Валентина Ивановская. Она старалась проявлять максимум терпения не только к Вольфу Григорьевичу, но и к капризам Ираиды Михайловны, что было не легко.

Окруженный вниманием и постоянной заботой, Мессинг быстро поправлялся, а через несколько недель сочли возможным выписать его из клиники. Только дома еще некоторое время требовался полубольничный

режим. В конце концов эта угроза миновала, и следующий день своего рождения Мессинг встречал в добром здравии.

С того торжественного юбилея празднование всех последующих дат стали поручать мне, а я, признаюсь, с удовольствием бралась за зти хлопотливые обязанности.

Однажды день рождения решили отпраздновать в ресторане гостиницы "Советская", который некогда назывался "Яр". В концертном зале этой гостиницы Вольф Григорьевич всегда любил выступать.

В тот раз опять пришли медицинские светила: профессор А. А. Вишневский, Краковский и другие, нет нужды всех перечислять — он пользовался всеобщей любовью.

Дата была "солидная" и почетная — 70-летие!

Я заказала по сему случаю огромный торт и еле разместила в нем 70 свечей, но делала все тайком, хотелось сделать Мессингу сюрприз.

Гости торжественно уселись за стол, откупорили шампанское, внезапно погас свет. Вольф Григорьевич только успел пробурчать свое традиционное: "безобразие, понэмаете!", как я выплыла из темноты и вручила ему торт, освещенный мерцающими огоньками свечей.

Мессинг расплылся в улыбке и растроганно расцеловал меня. Сильный духом, он был слаб на обыденные и маленькие удовольствия.

Глава 33. ВОЛЖСКИЕ ПЕРЕКАТЫ

Летом 1967 года в стране шла невероятная свистопляска с подготовкой к празднованию пятидесятилетия совесткой власти, и пропагандистская шумиха несколько раздражала Вольфа Григорьевича.

Все концертные программы театров и эстрады неизменно привязывали к революционной или патриотической тематике.

Его "Психологические опыты" никак не укладывались в общий узор фанфарной программы, и решено было воспользоваться невольно сократившимся спросом на его выступления, чтобы отдохнуть где-нибудь в глуши на природе.

И тут кстати пришло Мессингу приглашение от медицинского начальства с верхнего Поволжья, где Мессинг не раз успешно выступал, а также давал консультации местным психиатрам.

У него завязалась дружба с очень многими людьми на самых разных уровнях, и вот теперь пришло любезное приглашение отдохнуть на волжских берегах.

Вольф Григорьевич, в свою очередь, пригласил меня с сыновьями и я, конечно же, не колеблясь, согласилась. Старший сын должен был присоединиться к нам позже — он был занят неприятной процедурой бракоразводного процесса.

В свое время Мессинг был просто поставлен перед свершившимся фактом, то есть приглашен на свадьбу в качестве гостя. И мне с укором выговорил за то, что предварительно с ним не посоветовались, раз уж он друг нашей семьи. Говорил он мне, что свадьба эта искусственная. "Ровно полгода — запомни, Тайболе, — только полгода брак продлится!" Увы, и в отношении Володи Мессинг оказался прав.

По-матерински я жалела сына, но с сумасбродной

его половиной вряд ли кто мог прожить дольше. С тех пор Мессинг мягко, ненавязчиво, словно в шутку, интересовался сердечными делами Саши, видимо, боялся повторения Володиной ошибки. Женской интуицией я это понимала. Когда увлечение Саши одной женщиной приняло хронический характер, Вольф Григорьевич заподозрил что-то недоброе и в этом роmане. Потому, думаю, он и пригласил на волжские каникулы меня вместе с сыновьями.

На Казанском вокзале Мессинга провожал незнакомый мне мужчина, вероятно, кто-то из больших чиновников, тайно ему покровительствовавших. А на другой день нас уже встречали давние друзья Мессинга, которые шумно приветствовали его на перроне. В старом, видавшем виды "газике" нас отвезли в пансионат, расположенный на живописном крутом берегу Волги. На территории пансионата протекала серебристая речушка. Двумя полукружьями она огибала дачное поселение и в ста метрах от него вливалась в волжскую ширь.

Свежеструганые, уютные финские домики светились желтизной досок и в сумерки в чащобе густой дубравы, и ночью, заливаемые лунным светом.

Мессинг взял с собой своих любимцев — собачек Пушинку и Машеньку, и эти болонки, после стесненности и духоты городской жизни дорвавшись до неведомого им ранее простора, с утра допоздна гонялись по даче как ошалелые. Да и мы все с первых же минут почувствовали, как нам недоставало этой тишины, благодати и погружения в природу.

Щедрый осенний гриб еще не пошел, но ежеутренне, сопровождаемые неистовым эскортом сновавших взад-вперед Машеньки и Пушинки, отправлялись мы в ближайшие сосновые посадки за маслятами, которые водились здесь в изобилии. С открытого берега видны были три запустелые деревеньки

9. В. Мессинг со своим любимцем.

с изумительным архитектурным ансамблем старинных православных церквей, тоже уже ставших убогими от неумолимого хлеста времени, а в наши дни еще и от людского равнодушия. Но убогость их была лишь физическая, а духовное величие они излучали и поныне. В предзакатные часы храмы оживали: алые лучи солнца высвечивали остатки позолоты.

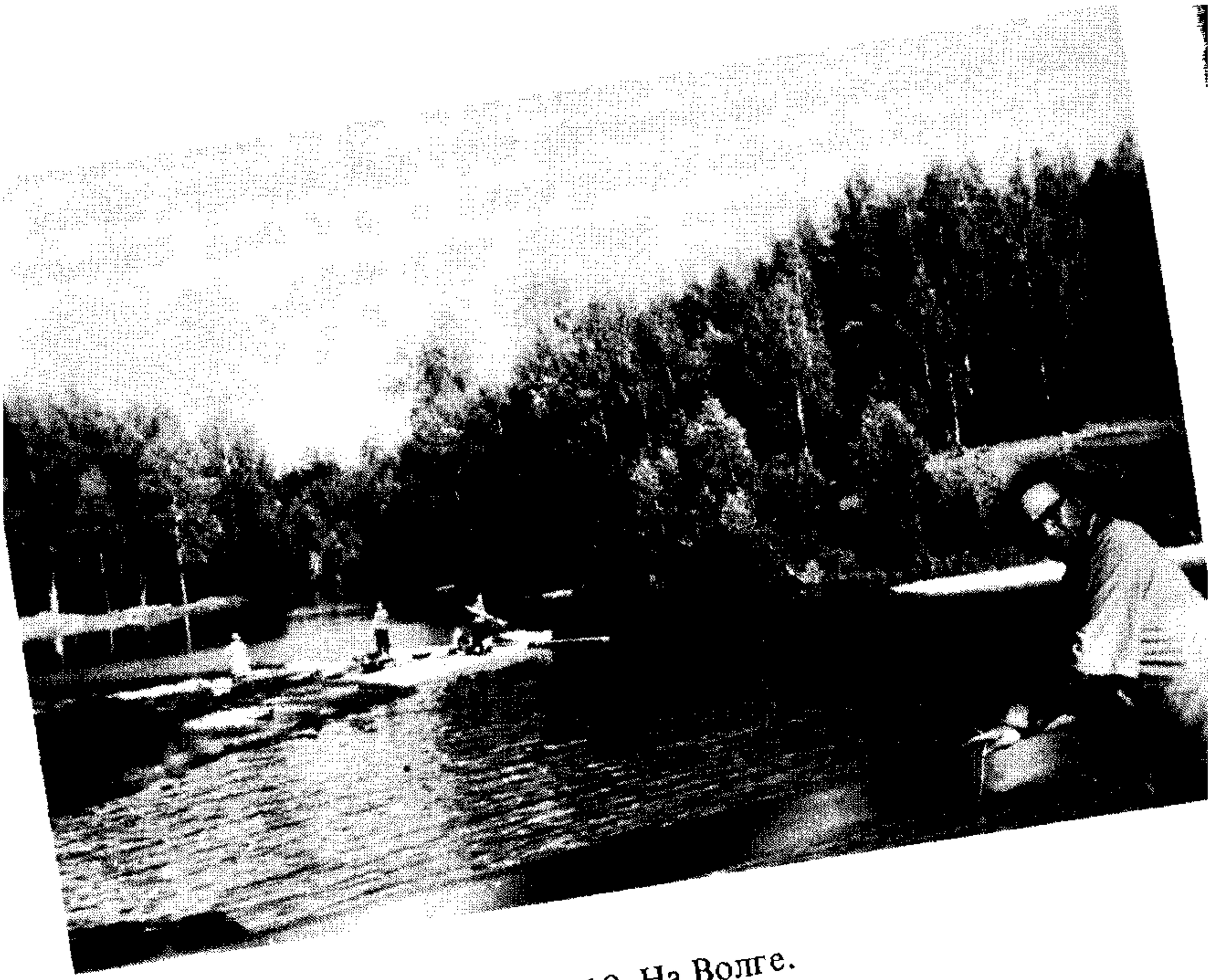
Мессинг мог подолгу любоваться печально-величественным зрелищем.

Питались мы тоже в романтической обстановке. По деревянному настилу без ступенек, но с перилами спускались мы к берегу, где в тихой заводи был пришвартован старенький колесный пароходик, переоборудованный под ресторан.

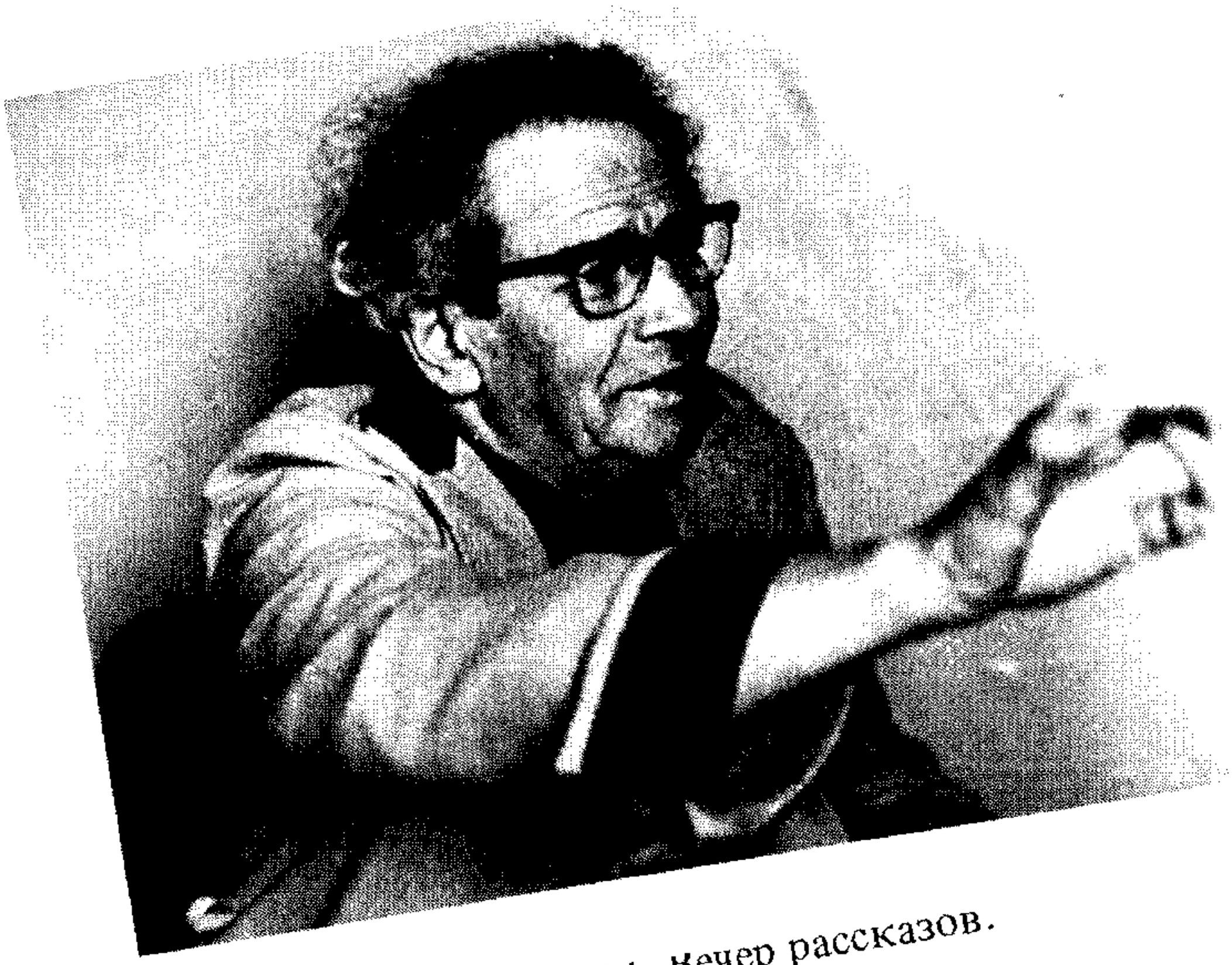
...Пароходик слегка покачивает, за окном — водная гладь и надсадные крики чаек, а на столе — аппетитнейшие керамические горшочки с домашним жарким, кружки с древнерусским напитком медовухой, а посуда вся сплошь из дерева — ложки, тарелки, хлебницы, расписанные хохломскими умельцами...

Вольфа Григорьевича сразу узнавали и служащие ресторана, а мы, признаться, иногда не без маленькой корысти пользовались этим. Просили приготовить нам собранные маслята со сметанной подливкой или засолить рыжики. А Саша, страстный рыболов, чаще всего в наших грибных вылазках не участвовал, а просиживал часами где-нибудь у коряги, выуживая белобоких подлещиков, красноперок, а если везло, то и знаменитую волжскую стерлядку. Иногда он приносил с добрых полведра трофеев, а радовался улову больше Саши Вольф Григорьевич, который тут же отправлялся на корабельную кухню с просьбой приготовить по его рецепту любимую им уху с дымком.

В этот упоительный месяц отдыха Саша особенно подружился с Мессингом, хотя между ними и была огромная возрастная разница. Но Вольф Гри-



10. На Волге.



11. Вечер рассказов.

горьевич как-то так сумел себя с ним поставить, что сын не ощущал этого временного разрыва. Даже анекдоты ему свежие подносил. Мессинг выслушивал их до конца, но лукаво грозил пальцем.

Особенно чарующи были ночные часы — у костра. Сама обстановка располагала к романтическим и таинственным рассказам, сказочным историям, всякого рода былям и небылицам. В этих случаях принят был такой порядок: каждый рассказывает поочередно по одной истории, а завершив круг, начинают сначала. Я же старалась подстроить так, чтобы чаще всех рассказчиком оказывался Вольф Григорьевич: задавала "хитрые" вопросы, принуждала его к новому повествованию.

Так что в те волжские дни немало историй Мессинга я поутру сразу записывала.

Вольф Григорьевич по-детски любил трогательные рассказы о собачках, к которым питал слабость. Но в этой детскости не было ничего от инфантилизма, только чистота, доверчивость и любознательность ребенка в обличьи мудреца.

Незаметно пролетели дни нашего отдыха, мы с грустью уже начинали подсчитывать остающееся время. А Мессинг приобрел еще новых друзей. В жаркие деньки он сам отправлялся к ближайшей деревне, где у кладбищенской дубравы, у заброшенной мельницы бил ключик вкусной родниковой воды. Он черпал воду и утолял жажду первобытным способом, но для гурманского вечернего чая приносил и нам пластмассовый бидончик. Там он и познакомился с местными крестьянами, с несколькими особенно сдружился, покупал у них парное молоко, а старых и бывалых людей расспрашивал о знаменитых в их краях в прошлом гадалках или целителях.

Деревенские жители в свою очередь полюбили — как в старину сказали бы — странного барина, и за

несколько дней до нашего отъезда подарили ему на память жанровую скульптурку, вырезанную из дерева: мужичок сидит на бочке и пьет из большой кружки самогон.

Испокон века окрестные селения у Нижнего Новгорода славились резьбой по дереву. Этим подарком Вольф Григорьевич очень дорожил как памятью о прекрасно проведенных, целебных для души, днях. Крестьянских сувениров он до того не получал, выступал большей частью в городах.

Вернулись мы в Москву и посвежевшие, и помолодевшие. Мессинг шутил:

— Предсказал бы мне кто-нибудь, что доведется испытать такую благодать.

Глава 34. ГОВОРЯТ СВИДЕТЕЛИ В АМЕРИКЕ

После того, как в газете "Новое Русское Слово" был напечатан отрывок из готовящейся к печати книги "Вольф Мессинг — человек-загадка", мне стали звонить и писать восторженные письма люди, мне совершенно не знакомые. Одни считали своим долгом поделиться впечатлением от своих встреч с Мессингом-телепатом, другие сообщали, что именно Мессинг вылечил от тяжелого недуга их или их друзей. И мне хочется первать свое повествование и дать слово свидетелям, ныне живущим в Америке, в жизни которых предсказания Мессинга сбылись с поразительной точностью. Я не стану утомлять читателя, приведу только два рассказа.

Передаю дословно рассказ известного журналиста Михаила Германова из Нью-Йорка:

"В начале 1946 года в Ленинграде были объявлены гастроли Вольфа Мессинга с его сеансами психологических опытов. К тому времени слухи о поразительных телепатических возможностях гастролера достигли и Ленинграда. Досужая молва рассказывала о том, как этот выходец из Польши с помощью телепатического внушения запросто вышел из тюремной камеры Варшавской тюрьмы, заточенный по приказу гитлеровских оккупационных властей, и о прочих "чудесах". В ту пору я работал заведующим театральным отделом газеты "Вечерний Ленинград". В один прекрасный день в редакцию явился Вольф Григорьевич Мессинг в сопровождении своей жены и ассистентки Аиды Михайловны.

Придавая большое значение своему первому выступлению, Вольф Мессинг попросил меня помочь ему рассеять у людей впечатление, что его гастроли — это обычные трюки фокусников и иллюзионистов. Он предложил выступить сначала перед редакционным коллективом прямо в помещении редакции.

На следующий день, после окончания работы, в конференц-зале появился Вольф Мессинг. Это был человек небольшого роста, с копной иссиня-черных волос, с яркими пронзительными глазами, нервный, эмоционально возбудимый.

После небольшого вступительного слова жены Мессинга о его телепатических возможностях началась серия опытов Мессинга. Он легко находил запрятанные предметы, держа свою руку на пульсе руки "индуктора". Узнавал содержание записок, написанных сотрудниками газеты. Вслух прочитывал страницы книг, которые перед этим только мгновение просматривал. Производил моментальные операции

с большими математическими числами, решал сложные примеры извлечения квадратных и кубических корней из семизначных чисел, причем, запоминал все цифры, которыми оперировал. Словом, все то, что до него демонстрировал поразительный русский феномен Аррго (Л. С. Левитин), а затем и ленинградский его последователь Михаил (Ганс) Куни. Никаких опытов телепатического внушения Мессинг не производил, ссылаясь на категорическое запрещение властей.

После выступления Вольф Григорьевич, прощаясь со мной и моей женой, обратился к ней со следующим предложением: "Я знаю, что вас гнетет, — сказал он. — Вы мучительно хотите узнать о судьбе близкого вам человека. Приходите завтра утром ко мне в Европейскую гостиницу, и я поделюсь с вами тем, что я знаю."

Не без некоторого понятного волнения жена моя явилась утром к Вольфу Григорьевичу. Взяв ее за руку, он сказал: "Вас тревожит судьба вашего брата, участника Второй мировой войны". Действительно, никто из нас не знал о его судьбе: он якобы пропал без вести в самом конце войны.

"...К сожалению, ваш брат, — он даже назвал его имя, — Анатолий, — погиб от вражеской пули за несколько дней до окончания войны..."

Так Вольф Григорьевич разрешил наши сомнения относительно судьбы родственника. Позже его предсказание документально подтвердилось сообщением из военкомата.

Несомненно, замечательны были способности этого удивительного человека".

Такими словами заканчивает свой рассказ господин Германов из Нью-Йорка.

А писательница Надежда Филиповна Крамова у се-

бя дома, в Бостоне, рассказала мне о еще более интересной встрече с Вольфом Мессингом. Вот ее история:

"Я хочу рассказать несколько эпизодов, характеризующих его поистине колдовской дар не только "видения" событий, происходящих на далеком расстоянии в данную минуту, но и "предвидения" событий грядущих.

С Вольфом Мессингом я встретилась во время войны. В Перми (тогда г. Молотов) обосновалась группа писателей, эвакуированных из Ленинграда. Жили мы в единственном семиэтажном доме города — в гостинице, прозванной "семиэтажкой". Однажды в вестибюле я увидела невысокого большеголового человека с торчащими во все стороны завитками волос. Поравнявшись со мной, он остановился, кинул на меня — словно уколол — острый взгляд, чему-то ухмыльнулся и засеменил к выходу быстрыми шажками.

— Кто это? — спросила я администратора.

— Как, вы не знаете? Это же Вольф Мессинг, он вчера приехал.

— А-а! — сказала я, стесняясь обнаружить свое невежество: это имя мне тогда еще ничего не говорило.

Вскоре состоялось первое выступление Мессинга. Я не буду останавливаться на его феноменальном чтении мыслей, на его силе внушения. Я расскажу о том, что пока объяснить невозможно.

Как-то раз Мессингу было мысленно дано задание довольно примитивное: подойти к одной даме в третьем ряду, вынуть из ее сумки паспорт, принести его на сцену, раскрыть, прочесть вслух фамилию и вернуть в зрительный зал.

Когда Мессинг поднялся на сцену и раскрыл паспорт, из него выпала фотография. Мессинг поднял карточку.

— Какой красивый офицер, — сказал он с улыбкой, разглядывая фотографию, — совсем мальчик...

Внезапно лицо его исказилось, глаза расширились, он схватился за сердце.

— Занавес! Дайте занавес! — крикнул он.

Зал замер.

На авансцену вышла его ассистентка и объявила, что Мессинг почувствовал себя плохо, но минут через 10-15 сеанс будет продолжен. Конец выступления прошел вяло — Мессинг часто останавливался и вытирал платком лицо.

На другой день нам удалось выведать у его ассистентки, что же произошло на самом деле. В то время, как Мессинг любовался фотографией, он "увидел", что в эту самую минуту юноша был убит.

Мать юноши жила не в гостинице, но мы ежедневно встречали ее в столовой, где были прикреплены наши продуктовые карточки. Со страхом всматривались мы в ее лицо, но оно было неизменно спокойно — сын писал ей часто, и она с гордостью показывала его короткие ласковые треугольнички. Понемногу мы начали успокаиваться — видимо, Мессинг ошибся, может ведь человек ошибиться.

Прошло три недели, и об этом эпизоде начали забывать. Но на 24-й день дама не пришла в столовую. На другой день мы узнали, что она получила "похоронную", в которой был указан день и час гибели ее сына, тот самый, когда Мессинг "увидел" его смерть.

Выступление Вольфа Мессинга я старалась не пропускать. Однажды после сеанса я замешкалась. Зал уже опустел, и я последней вышла на морозную улицу. Колесом крутилась метель. В двух шагах ничего не было видно. Возле подъезда в нерешительности стоял Мессинг.

— Проклятая погода, — пробормотал он по-немецки, — как в аду.

— Хуже, — отозвалась я, — там хоть тепло.

— Вы говорите по-немецки? — он повернулся и пытливо меня оглядел. — Это хорошо. Вы ведь живете в гостинице, я видел вас в вестибюле.

Я кивнула, пораженная его памятью.

— Возьмите меня под руку и пойдемте, — продолжил он по-немецки.

— Теперь хоть есть с кем поговорить, по-русски мне труднее...

— А где ваша ассистентка? — спросила я.

— Она иногда уходит после антракта.

С того вечера я часто ждала его у выхода, и мы вместе возвращались в семиэтажку.

— Только говорите тише, — предупреждал он меня, — во время войны с немецким языком на улице опасно. Меня однажды чуть не задержали как шпиона. — Он засмеялся.

В то время я переживала тяжелые, тревожные дни. Из блокадного Ленинграда перестали приходить вести от мужа. Ходили слухи, что он погиб во время бомбежки. Я долго крепилась, но, наконец, решила обратиться к Мессингу. Однако говорить с ним мимоходом о моей тревоге не хотелось, а просить о специальной аудиенции не отважилась — я знала, что частная практика ему запрещена. И я попросила его ассистентку замолвить за меня словечко.

— Он согласился, в виде исключения, — сказала она, — приходите к нему в номер завтра в 3 часа дня.

Разговор с Вольфом Мессингом я попытаюсь восстановить почти дословно.

— Явилась? Садитесь. Но имейте в виду, что мне нельзя принимать посетителей, поэтому — 15 минут и не секундой дольше.

Я покорно села, не зная с чего начать.

— Начнем с того, — подхватил он мою мысль , — что вы напишете на бумажке любое число. (Он протя-

нул мне листок и карандаш). Пишите, пишите!

Я написала число "18".

— А теперь сложите бумажку и суньте ее себе в туфлю. Так. Дайте руку.

Я послушно проделала всю эту процедуру.

Через секунду Вольф Мессинг на обрывке газеты написал "18" и победно посмотрел на меня. Я пожала плечами: нашел, чем удивить, только время зря...

— Ха! — сказал Мессинг, — "я не затем пришла, чтобы он мне свои фокусы показывал, только время зря". Угадал?

Я невольно улыбнулась.

— А ведь вы хотите спросить о судьбе вашего мужа.

"О чем же еще хотят узнать женщины во время войны", — досадливо подумала я. — "Для этого не надо быть Мессингом".

— А для того, чтобы вам ответить, надо быть именно Мессингом, — лукаво подхватил он и рассмеялся. Он вообще вел себя, как озорной мальчишка, и это начало меня раздражать.

Вдруг его лицо стало серьезным.

— Ну вот что, — сказал он, — для начала я хочу познакомиться с вашей квартирой, — там, в Ленинграде. — (Он крепко сжал мою руку в кисти). Войдите в прихожую, так, идите медленно, налево дверь, в чужую комнату, коридор, направо — ваша комната, войдите в нее. Нет, рояль стоит не у стены возле двери, а у самого окна, стекло выбито, крышка открыта, на струнах снег. Ну, что вы остановились? Идите дальше. Вторая комната пустая почти: стульев нет, стола тоже, никаких полок — книги горой посреди комнаты на полу. Ну, довольно! (Он отбросил мою руку). А теперь слушайте внимательно! Запишите! (Лицо его побледнело, напряглось). — Ваш муж жив.

Он болен, очень. Вы его увидите. Он приедет, он

приедет сюда... 5 июля в 10 часов утра. Запомните: 5 июля в 10 часов утра.

Он умолк и прикрыл глаза. Я сидела, боясь шевельнуться.

А сейчас уходите, — тихо сказал он, — сию минуту. У меня вечером сеанс, — мне надо отдохнуть. И что это я с вами вожусь? (Он гневно посмотрел на меня). Я устал! Уходите! — крикнул он, вытирая капельки пота со лба.

Вскоре Мессинг уехал.

Приближалось 5 июля. Я уже знала, что мой муж был на грани голодной смерти и лежит в больнице в тяжелом состоянии блокадной дистрофии. О приезде на Урал в ближайшее время не могло быть и речи. Но предсказание Мессинга не выходило у меня из головы, да и все мои приятельницы с волнением ждали этого дня. И я "на всякий случай" приготовилась к встрече мужа: выменяла на масло полученную по талону водку, отоварила часть хлебной карточки мятными пряниками, превратила в лук и картошку три метра мануфактуры, выданные в Литфонде писателям к 1-му мая.

Настало 5 июля. Я сидела одна в комнате (соседка, жившая вместе со мной, перешла накануне в другой номер), боясь не только пойти в столовую пообедать, но даже спуститься за кипятком для чая.

Шли часы: 10, 11, 12... 4, 5, 6. Каждую минуту в дверь просовывались головы: "Приехал?", "Еще нет?". Я сидела голодная, злая, зареванная, чувствуя себя одураченной и негодуя на свое легковерие.

В 7 часов вечера раздался слабый стук в дверь. На пороге стоял мой муж. За спиной его висел туго набитый рюкзак, к груди он прижимал две буханки хлеба.

— Господи! — бросилась я к нему. — Я целый день жду тебя.

— Откуда ты знала, что я сегодня приеду? — удивился он. — Это получилось совершенно случайно. Я ведь не

собирался. Только что вышел из больницы. И вдруг мне позвонили...

— Ну, ладно, потом все расскажешь. Ты, я вижу, на ногах не стоишь.

Я взяла из его рук буханки и помогла снять мешок.

Если бы я не ждала мужа, я не узнала бы его в этом старике. Редкие седеющие волосы, провалившиеся виски, темное заострившееся лицо, покрытое седой щетиной. А ему было 42 года, и недавно при расставании был он красив, элегантен, подтянут. У мне сжалось сердце.

— Я, правда, ждала тебя утром, а ты приехал вечером. Но главное, что ты приехал сегодня.

— Почему утром? — сказал он. — Я приехал утром, в 10 часов.

— Что?! — ужаснулась я. — Где же ты был целый день?

— Понимаешь, всем в эшелоне выдавали на станции хлеб, по две буханки. И я простоял в очереди 8 часов. Не мог же я отказаться от Х Л Е Б А.

"Боже мой! У меня же хлеба достаточно!" — хотела я крикнуть, но сдержалась: передо мной был человек, переживший Ленинградскую блокаду, и я поняла его.

Когда я вернулась в Ленинград и вошла в свою комнату, я увидела у разбитого окна рояль с откинутой крышкой. Снег уже растаял, и струны были залиты водой. Во второй комнате пол был завален книгами. Ни стеллажей, ни стульев и стола не было, — их сожгли соседи в ледяную зиму 42-го года, и я была рада, что это помогло им выжить."

Так заканчивает свой рассказ Надежда Крамова. А вот еще одна история, о том, как предсказания Мессинга изменили жизнь целой семьи. Это произошло с моим сыном Сашей.

В начале 1968 года Саша познакомился с милой девушкой из Чехословакии — Ивой, родители которой бы-

ли сотрудниками посольства ЧССР в Москве. Я с удовольствием следила, как их чистые и дружеские отношения превращаются в любовь. Скоро они очень привязались друг к другу и виделись практически каждый день. Но было страшно подумать о серьезном будущем, так как брак с иностранцами — операция чрезвычайно тяжелая в СССР и часто с печальным концом. Кроме того, назрели события в Чехословакии, советские войска вошли в эту маленькую страну, родители Ивы, как и многие другие чехи, резко изменили отношение ко всему и всем в Советском Союзе. Это был важный момент в жизни сына. Я не хотела повторения ошибки старшего сына и посоветовала обратиться за советом к Мессингу. Это был, пожалуй, первый случай, когда мы прямо попросили Вольфа Григорьевича помочь. Он велел Саше в одну из суббот придти с Ивой к нему на чай и принести фотографии ее родителей.

Чаепитие прошло прекрасно. Вольф Григорьевич был в хорошем настроении и все время шутил. Прощаясь, он сказал Саше с Ивушкой, что даст ответ через два дня. Два дня все мы находились в нервном напряжении, опасались негативного ответа и не были уверены, что у Саши хватит сил порвать с Ивушкой в этом случае.

На 3-ий день Мессинг вызвал Сашу к себе. Сын вернулся очень возбужденный, радостный и пересказал и записал все, что Вольф Григорьевич сказал об их будущем: "Ты должен жениться на Ивушке. Никогда и никто не будет так любить тебя и не будет таким преданным, как Ива. Она очень хороший человек — такие, как она, встречаются редко. Вам будет очень трудно вначале — ее родители откажутся от нее, но через 2 года, после рождения вашего первого сына они начнут менять свое отношение к вам. У тебе будет два сына и одна дочь и ты будешь очень успевающим врачом".

Нужно ли описывать радость Саши. Многие люди

13. А. Лунгин с сыновьями. США, 1981

были бы счастливы услышать такое предсказание от самого Мессинга.

Чтобы рассказать, что пережили Саша с Ивой, пожалуй, нужно было бы написать отдельную книгу. Но, чтобы быть краткой, перечислю: через полгода после разговора с Мессингом они поженились, в декабре 1969 года у них родился первый сын Гаррет. И кто знает, появился ли бы он на свет, если бы не эта встреча с Вольфом Григорьевичем. Летом 1971 года они поехали в ЧССР и с тех пор их отношения с родителями Ивы стали улучшаться. В 1972 году родился второй сын — Томаш. В 73-ем году Саша окончил Медицинский институт. В 1978 году, после того, как мы подали документы на выезд в Израиль, Ива с детьми были как иностранные подданные депортированы в ЧССР.

Только через полгода, после многих испытаний и приключений они встретились в Вене.

Приехав в Америку, после 3-х лет тяжелых душевных и материальных затрат, Саша эакончил Медицинский колледж и, как предсказывал Вольф Григорьевич 25 лет наэад, стал американским врачом.

Какие бы испытания ни выпадали на долю моих детей — предсказание Мессинга об успешном и благополучном конце всегда было им путеводной звездой.

Все эти годы Ива с Сашей жили очень счастливо. И только одно предсказание остается не сбывшимся, когда пишутся эти строки. Саше уже 34 года, Ивушке — 32, они женаты 12 лет, а у них пока только два сына. Впрочем, время есть, а Мессинг ведь никогда не ошибался.

Глава 35. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Экспериментальная операция по "ограблению" банка, проведенная Мессингом по приказу Сталина, вновь вспомнилась мне лет через двадцать после того, как он мне подробно о ней рассказывал. И вот по какой ассоциации.

В самом начале семидесятых годов в Советском Союзе стали регулярно проводить денежную лотерею "Спортлото". Сначала каждые десять дней, а потом еженедельно. Первые тиражи, показываемые и по телевидению, технически осуществлялись весьма кустарным способом. В барабан закладывали сорок девять шаров, их перемешивали, а кто-то из знаменитых спортсменов или актеров со спортивным "уклоном", отвернувшись, вслепую вытаскивал поочередно шесть выигрышных номеров.

Естественно, что такой способ вызвал многочисленные нарекания среди заядлых игроков, да и сторонний наблюдатель скептически ворчал. Возникало подозрение, что это чистейшей воды обман, что за сутки до тиража комиссия пропускает через компьютер все цифровые комбинации и находит ту единственную, которая дает максимальный выигрыш. Якобы, ее-то и разыгрывают. В крайнем случае, эта комбинация встречается только в одном из миллионов проданных билетов — потому не возникает риска множества совпадений в первом призе.

Предполагали несколько возможных вариантов подтасовки, два из которых действительно кажутся осуществимыми довольно легко.

Так, если за несколько минут до тиража нужные шесть шаров сильно нагреть, то их легко потом отобрать на ощупь. Либо, напротив, до предела охладить, и тогда пальцы также легко их нащупывают. Конечно,

все это досужие домыслы, ибо последовательность номеров на шарах таким образом невозможно обнаружить.

Проведение лотереи считалось явно несовершенным. Вскоре от такого способа отказались и стали проводить так же, как и в других странах: в закрытом цилиндре шары бешено метались, а потом центробежной силой по одному выбрасывались наружу.

Тиражи всегда проводились в общественных местах, которые заранее объявлялись, и каждый желающий мог на них попасть.

И вот тут у меня зародилась озорная мысль, которой я и поделилась с Мессингом. Я спросила его, не мог бы он, сидя в зале, повлиять на исход тиража так, чтобы выпали те номера, которые, скажем, отмечены в билете у него или у меня.

— Нет, — сказал Мессинг, — ни при том, ни при другом способе доставания шаров я не в силах повлиять на исход. Ибо тут приходится иметь дело с неодушевленными предметами — это скорее по части столоверчения. Я же могу внушать только равному себе по биологической природе — то есть, человеку. Другое дело, что в том случае, когда шар достает рукой некто, на то приглашенный, то тут бы я мог раньше него объявить зрителям, какой номер ему достался. Ведь какая-то доля секунды нужна ему, чтобы осмыслить, какая цифра или число изображены на шаре. Так вот, мне бы хватило и половины этой доли, чтобы узнать, глядя на него издали, какие символы — числовые иероглифы — "зажглись" в его полушариях.

Или давай, Таня, допустим, такой нелепый вариант: в стеклянном цилиндре перемешивают не шары с номерами, а 49 человек, из которых шестерых мне нужно "угадать", то есть — заставить выпасть из цилиндра. Что ж, это другой разговор. Каждый из них знает свой номер, и для меня не составило бы никакого труда при-

казать выпрыгнуть шестерым людям в определенной последовательности. Ни колпак, ни выталкивающая их сила — не препятствие, так как к выходу первым бы устремлялся только тот, кому я прикажу. Вот в этом случае мы бы могли с тобой разбогатеть...

И Вольф Григорьевич по-мефистофельски расхохотался.

— ...А вот с костяными или пластмассовыми шариками я ничего поделать не могу. Помнишь евангельскую притчу?: "Верь, и гора сдвинется с места". Я отношусь с величайшим уважением ко всякому верованию, в том числе и к христианству. Ибо вижу в этом высокое стремление человека познать неведомое. Однако, считаю, что сдвинуть гору не под силу рядовому верующему, даже самому искреннему. Это прерогатива Христа, ну, быть может, святых.

Так и я, не относя себя к Первопосвященному от Телепатии, не могу сдвинуть не только гору, но и шарик нужный поманить к себе... Тебя это не разочаровало, Таня?

Хотя, впрочем, допускаю, что возможности человеческого духа также имеют тенденцию к росту, как наблюдаем мы в табели о спортивных рекордах.

Но насколько бы сантиметров ввысь ни росли от Олимпиады до Олимпиады рекорды по прыжкам в высоту, не думаю, что самый выдающийся спортсмен когда-нибудь преодолеет высоту (без шеста), например, более пяти метров. Есть граница, барьер, за который тело переступить не сможет. Это мое мнение.

Возможности духа беспредельны, но пока дух заключен в свою телесную оболочку, всегда будет оставаться нечто непознаваемое...

Вспоминаю свою поездку в Японию, которая покорила меня не столько экзотикой своей, а мудростью самых обыденных вещей.

Какую пищу для раздумий может дать общественный парк?

Ну, там всяческие красоты дизайна: причудливые клумбы, ухоженные аллеи, каскады фонтанов и аллегорические скульптуры. Но все это на поверхности наших исканий Смысла и Тайны. Это всего лишь красивые декорации — атрибуты культуры, ее реквизит.

Прогуливаясь по такому саду, можно умиляться, но не погрузиться в состояние глубокой медитации.

Но японцы и городской парк сумели сделать обителью дум. И по праву он называется философским садом. К тому же все просто до гениальности.

Весь из камня тот "философский сад": и тропинки, и ограда. И "деревья". Вот они — квинтэссенция. "Деревья" — суть шестнадцать каменных глыб, с кажущейся хаотичностью разбросанные по саду. Их действительно шестнадцать, если, идя от одного к другому, проставить на каждом его порядковый номер. Но на какой камень ты бы ни взобрался — побывай на каждом, видишь только пятнадцать, считая и тот, на котором стоишь. Шестнадцатый ни с какой позиции не виден.

Вот, значит, каков удел человека в его стремлении познать Истину: вот, кажется, и держит он ее в своих руках, а сущность объять не может.

Так, думаю, обстоит дело и с оккультными тайнами, где всё — белые пятна.

Глава 36. СЕРЕЖЕНЬКА

Когда недуги подступают к кому-нибудь из наших родных или к близким друзьям, мы в бессильном него-

довании внутренне протестуем против такой жестокости судьбы. Мы всегда надеемся, что беда минует дорогих нам людей — если вокруг живут и благоденствуют даже недостойные.

Вольф Григорьевич, у которого давно болели ноги, особенно при ходьбе, терпел боль, пока было возможно. Потеряв всякую возможность владеть собой, он вынужден был обратиться к врачу — к своему другу профессору Александру Александровичу Вишневскому. Генерал-полковник медицинской службы и директор Института хирургии Вишневский, даже не проделав сложных анализов, при первом осмотре, безошибочно поставил диагноз — облитерирующий эндартериит обеих нижних конечностей — и немедленно госпитализировал Вольфа Григорьевича. Положил его в институт, где работал сам.

В первый мой визит я застала опечаленного диагнозом Мессинга. Ему давали болеутоляющие препараты и навсегда запретили курить. Последнее он всерьез не принимал, хотя именно курево в данной ситуации было его злейшим врагом.

В связи с тем, что к Мессингу не пропускали, мне было предложено принять приглашение Александра Александровича зайти к нему в кабинет и там подождать, пока закончат процедуры Вольфу Григорьевичу.

Меня завели в кабинет профессора, и я села в уютное кресло лицом к окну. В небольшом кабинете на рабочем столе лежали истории болезней, аппарат для измерения кровяного давления, фанендоскоп и недоеденный завтрак. Я разглядывала все, что попадало на глаза, как вдруг кто-то за моей спиной довольно громко и четко сказал: "Дурак!"

От неожиданности я остолбенела, так как была убеждена, что я в кабинете одна. Прислушалась — тишина. Я огляделась, но кроме стоячей вешалки с несколькими белыми халатами на ней, я в темном углу

кабинета ничего не увидела. И снова стала разглядывать картины с автографами, полки и шкафы с книгами и подарками от больных и организаций.

Прошло несколько минут, и я снова услышала тот же голос:"Дурак". Я решительно поднялась и пошла в угол. Переведя взгляд с яркого света в темноту, я не сразу освоилась. В углу стояла круглая высокая клетка, в ней сидела черно-серая птица размером с большого попугая. Но это был индийский скворец, подвид ворона, который отличается необычайными способностями имитировать человеческий язык.

Я обрадовалась, что это не были слуховые галлюцинации, и у меня вырвалось:

— А ты кто, умный?

Птица, как ни в чем не бывало, ответила:

— Серреженька! Хо-ррр-оший! Серреженька, хорр-р-роший мальчик!

Я старалась перебить говорливого хвастунишку, но Сережа меня не слушал, сыпал свое:

— Больным порра по палатам, по палатам, по палатам...

Вошел хозяин птицы и института. Увидев меня у клетки, сказал:

— Что, Сергей, уже похвалил себя? Доложил Татьяне, что очень умненький!

Сережа был, казалось, сконфужен, не отвечал. Переминая лапками, удобно усаживался на палочке внутри клетки.

Александр Александрович пригласил меня к столу. Сказал, что у Вольфа Григорьевича дела неважные. Что в нижних конечностях слабая циркуляция крови, за счет того, что склеротические бляшки закрывают сосуд, что он применит консервативное лечение для облегчения и приостановки процесса. Но так как Вольф Григорьевич курит, и очень много, то он опасается прогрессирования заболевания, которое может кон-

читься гангреной одной или даже обеих ног, а следовательно, и ампутацией их!

— Вольф Григорьевич мне обещает бросить курить, но пока не выполняет обещания, а я — старый дурак (при этом Вишневский ударил себя по лбу) ему каждый раз верю и...

Не дав ему докончить, вмешался Сережа:

— Дуррак, старый дуррак!

И такая посыпалась брань... Не всякий пьяница смог бы при женщине эдакое произнести. "Да, — я подумала, — вот плоды просвещения". Виноват же был сам профессор. Ругался он нецензурно даже во время операций. Сережа, находясь постоянно в кабинете, очень быстро усвоил этот "язык" и употреблял его где надо и не надо.

Александр Александрович был очень смущен, но, увы, уже было поздно — ученик перещеголял учителя.

Я спросила Вишневского, откуда у него это "чудо", он ответил, что по возвращении из Индии первый космонавт Юрий Гагарин привез Сережу ему в подарок.

Пока мы беседовали, Сережа решил, что наступила ночь и заявил безапелляционно:

— Больным порра по палатам, по-ррр-ра спать!

Остановиться после одной фразы Сережа не мог, и поэтому пришлось нам выйти из кабинета. Продолжать при нем было просто невозможно.

Я отправилась к Вольфу Григорьевичу в палату. Не могла удержаться, чтобы не рассказать ему о птице и ее повадках. Мессинг, улыбаясь, ответил:

— Не огорчайся, я тоже попал в отряд дураков. А кто его знает, может, Сереженька и прав? Смотри, сколько лет я живу среди русских, а еще не освоил их язык, а Сережа оказался более способным. Стало быть, он прав! И несмотря на его непристойное поведение, терпят же его и даже все любят. Вот кому позавидовать можно!

Глава 37. ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Я сознательно использовала для этой главы парадоксальное название одного немецкого фильма, сенсационно прошедшего по экранам всего мира.

Напомню, что фильм этот почти наглядно демонстрировал следы того, что все новейшие достижения в космосе и даже цели, ныне еще не достигнутые — давно пройденный этап человеческой цивилизации, тысячи лет назад погребенной разрушительной деятельностью самого человека либо пришельцами из космоса. И мысль создателей фильма вела нас к тому, что цикл повторится: прошлое повторится в будущем.

Я уже говорила в своей книге, что телепатический дар и провидческие способности моего друга не уникальны в масштабе вселенной, что сходными данными наделены были люди и в прошлом, есть такие и сейчас, несомненно будут и в будущем.

Кто знает, если был каменный век, потом бронзовый, теперь атомный, то не стоим ли мы на пороге телепатического века? Это не значит, что в массе своей все человечество будет обладать таким высоким духовным и психическим зарядом. Но даже самые осторожные исследователи в этой области не исключают того, что в тридцатом столетии будут проходить чемпионаты мира по телепатическому многоборью.

Не потому ли в последнее время наблюдается такой повышенный интерес ко всем случаям телепатического внушения и явлениям ясновидения.

И тут я подумала вот о чем: если рано или поздно станет возможным раскрыть полную тайну "технологии" телепатической связи, то не будет ли это открытием Высшей Истины? И вот почему.

Все основные религии и все их многочисленные ответвления Высшей Инстанцией считают Бога. В более примитивной форме, но Высшую Сущность искали и язычники всех мастей, и даже первобытные люди. Но все верования сходились и сходятся в том, что ком-

муникационная связь — человек — Бог — человек — не может осуществляться в форме межчеловеческого общения, хотя религиозные книги и содержат такие выражения как: "...и сказал Господь...", "...и увидел Бог..."

Здесь явная аллегория, иносказание, и мысль эта не является кощунственной для самого искреннего верующего. Ибо в том, вероятно, и бесконечное величие Бога, что Он не общается с человеком его языком — эдакое партнерство и панибратство. И если человек видит или слышит Его, то это уже откровение и явление ему Бога, которое достигнувший такой благодати пересказывает потом своим собратьям человеческими словами.

И не видится мне иной возможности общения кроме телепатической связи, в совершенном виде не знающей преград ни во времени, ни в расстоянии, если мы принимаем на веру эту Высшую Инстанцию.

Я не хочу этим создать впечатление, будто Вольф Мессинг был вхож в приемную Господа Бога. Он и сам никогда не намекал на свои "высокие связи", тем паче, что не относил себя к людям религиозным, если не считать раннего детства — где трудно отделить веру от детской непосредственности.

Если бросить ретроспективный взгляд к истокам человеческой цивилизации, на извечные поиски человеком истины, на первые свидетельства Божественного откровения и ясновидения святых, то и прагматичным скептикам не покажутся невероятными самые фантастические страницы священных писаний.

И возможно, что обильные "вспышки" телепатических контактов и ясновидения в широком масштабе — тоже пройденный этап, загубленный каким-то глобальным духовным катаклизмом.

Огромный интерес, вспыхнувший как среди мистически настроенных людей, так и среди ученых, к оккультизму, и есть наше смутное воспоминание о буду-

щем, когда человеку вновь откроется неведомое — известное в прошлом.

Недавнее покушение на Папу Павла-Иоанна II потрясло мир. А вскоре в печати появилось документальное подтверждение того, что и избрание польского епископа Войтылы на папский престол, и покушение на него было предсказано итальянским священнослужителем более двадцати лет назад. Причем, в письменной форме, что исключает всякую подтасовку задним числом. А ведь назначение Войтылы главой Католической Церкви внешне выглядит абсолютно случайным: его предшественник Павел-Иоанн I скоропостижно скончался всего лишь через месяц после своего избрания.

В этой связи невольно вспоминается предсказание Мессинга о неминуемом поражении Адольфа Гитлера в его военной кампании на Восток. А ведь Мессинг всегда был далек от политики, да и о России имел тогда весьма смутные представления. Внешние обстоятельства тоже не указывали на вероятность такого исхода. Рассчитывать на массовый героизм в эпоху жесточайшего сталинского террора не приходилось. Уже на первом году войны сотни тысяч добровольно сдавались в плен (небывалое в России!). Не ведомо было, будут ли у Сталина союзники, а уже вся Европа работала на германскую военную машину.

Так что теперь, когда раскрываешь книгу об античном мире и знакомишься с его богатой историей и мифологическим фольклором, то уже не так скептически улыбаешься, читая исторические прогнозы Дельфийского оракула.

Кропотливый двадцатилетний труд, вложенный мной в эту книгу, прежде всего, безусловно, имеет своей целью увековечить имя моего друга Вольфа Мессинга и ознакомить широкую публику с неизвестными ей страницами жизни этого загадочного человека.

Но есть и другая цель.

Надеюсь, что моя книга вызовет профессиональный интерес у философов, психологов, широкого круга медиков, у всякого любознательного и размышляющего читателя.

Глубоко убеждена, что необходимо самым серьезным образом начать собирать, систематизировать и классифицировать все известные и появляющиеся факты в области парапсихологии, телепатической связи, примеры ясновидения. Точно так же, как ведется сейчас и скрупулезно изучается всякий "знак" или "след" появления над планетой Земля "летающих тарелок" или более достоверных реалий — падений метеоритов.

Человеку тесно на земле и в прямом, и в переносном смысле. Его ищущая великую тайну бытия душа рвется в бескрайние просторы Вселенной, и телепатическая связь, перейдя в обозримом будущем из области таинственного в практику обыденной коммуникации, позволит человеку совершить гигантский прыжок в познании тайны мироздания.

Глава 38. ЗА КУЛИСАМИ МЕДИЦИНЫ

Как музыкант, долго не прикасающийся к своему инструменту, потом чрезмерными изнурительными репетициями должен наверстывать упущенное, так и медику нельзя допускать длительных пауз в работе. Да пожалуй, в медицине еще сложней: уходит вперед техническое оснащение, появляются новые препараты и медикаменты — только поспевай. А я из-за тяжелого недуга была отстранена от всех работ на целых семь лет!

Так что о работе в клинике с больными не могло быть и речи. Но и огромные нагрузки разъездного фотожурналиста мне уже не по плечу, да и сыновья — не из легких забот.

И все-таки вышло так, что вернулась я в медицину, правда, номинально, к работе, носившей скорее чисто административный характер. Я приступила к работе в Институте сердечно-сосудистой хирургии Академии Наук им. Бакулева. Пишу я об этом потому, что в стенах института время от времени витал "дух Мессинга". Незримо он был причастен к правильной постановке диагнозов и к исходу заболеваний нескольких знатных пациентов.

Придя однажды на работу, узнаю, что ночью поступил тяжелобольной, ради которого уже ранним утром в институт собрался на конференцию весь букет медицинских светил. У главного подъезда стояла целая кавалькада черных лимузинов "Чайка", сопровождавших карету скорой помощи, на которой прибыл наш пациент. Им оказался генерал-полковник Жуковский, командующий воздушными силами Белорусского Военного Округа, давний приятель Мессинга.

У него констатировали жесточайший инфаркт с образовавшимся отверстием в сердечной перегородке, и мало кто сомневался в летальном исходе. Излечение подобного недуга оперативным путем еще не было ни разу осуществлено не только в нашем институте, но и в других клиниках.

Оперировать такого высокопоставленного больного имел право только сам директор института, профессор Бураковский. Он высказал опасение, что операция лишь ускорит конец. Но и ничего не предпринимать неотложно — роковая потеря времени. Создалась щекотливая ситуация. Только после приказа "свыше" — оперировать — Бураковский мог принять окончательное решение.

В эти тревожные минуты ко мне подходит моя секретарша и говорит, что звонил Мессинг и просил срочно с ним связаться. Перезваниваю ему.

— Тайболе, передай своему шефу: немедленно приступить к операции. Это мой друг, и я советую не терять ни секунды!

Я рассказываю о колебаниях Бураковского, но Мессинг перебивает меня:

— Все закончится благополучно, заживет, как на собаке. А твой шеф будет представлен к награде. Так ему и скажи.

В конце концов, не видя иного решения, Бураковский согласился на операцию, рассчитывая только на чудо.

Закончилась многочасовая операция, прошли и первые критические дни, и вот уже Жуковского переводят в клинику имени Бурденко на долечивание — всякая опасность миновала. А ведь только недавно можно было заказывать траурные венки! И не позвони Мессинг вовремя — промедление смерти подобно... Тут же, по горячим следам, подтвердилось и его предсказание о карьере Бураковского. Ему присвоили звание члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР и вручили орден за удачную, проведенную впервые в стране, операцию.

Я уверена, что позывные сигналы своих предчувствий и наитий четко разложить по полочкам Мессинг не смог бы. Ему они давались как завершенная данность, готовая формула, а не теорема, которую еще следует доказывать. Так и на сей раз, когда я спросила после благополучного исхода операции: шел ли он на риск с генералом Жуковским, советуя немедленную операцию, Мессинг ответил:

— Я об этом даже не думал. Просто в сознании возникла цепочка — ”операция” — ”Жуковский” — ”Жизнь”. И все.

Согласитесь, мне это мало о чем говорило, так что ключ-шифр к мессинговским тайникам мне было не подобрать. А сам он не мог объяснить, как это делается.

Как близкий друг я могла себе позволить спросить Вольфа Григорьевича и о бывших у него каких-либо неудачных экспериментах или ситуациях, когда он не смог предотвратить трагический исход в чьей-нибудь судьбе.

Мессинг, конечно, понимал, что я спрашивала не о прегрешениях во время сеансов "Психологических опытов", когда объективно неизбежны сбои из-за некоммуникабельности индуктора, либо по причине непомерных или непристойных просьб "заказчиков".

Мессинг нервно встряхнул головой, как будто я издали громко его окликнула, потянулся за папиросой, хотя в пепельнице еще дымилась только что докуренная, и после нескольких затяжек сказал:

— Вот уж действительно — с кем поведешься, от того и наберешься! Ты что, читаешь мои мысли? Я давно хотел рассказать тебе об одном случае, да все не находил предлога... А вот сейчас ты сама подсказала... Нет, грубых просчетов у мне не случалось. Я говорю о всех индивидуальных заданиях, которые ставились передо мной, или когда я сам высказывал инициативу. Тем более, если речь шла о жизни и смерти. Ты ведь помнишь случай с президентом Академии Наук? Келдыша привезли к вам в институт, заведомо зная, что никто из ваших знатных гиппократов оперировать его не будет. На правительственном уровне было решено пригласить для этой цели бригаду американских врачей во главе со знаменитым Майклом Дебеки... Результат тебе известен. Что касается жизненного "забега" к финишу, то ленточку со словом "смерть" первым пересеку я... И некоторые распоряжения о моих похоронах будут исходить и от Келдыша... Сама увидишь...

Я с ужасом слушала этот кошмарный монолог о собственной смерти, и мне впервые захотелось, чтобы

Вольф Григорьевич прекратил беседу. Но он невозмутимо продолжал:

— Хорошо, в сторону эти траурные мелодии. Я же начал вот к чему... Не могу себе простить нерешительность в случае с известной всем трагедией. Правда, есть извинительный фактор: никто в те дни не консультировался со мной, и никогда я не принимал никакого участия в космических программах. Трагическое предчувствие пришло ко мне совершенно спонтанно, как-то само собой, но четкого образа катастрофы не было.

В то утро я проснулся ни свет ни заря и решил прогуляться по сонной Москве. В киосках уже продавались газеты, и я купил несколько утренних выпусков. На первых страницах аршинные заголовки об успешном запуске космического корабля и портрет космонавта Владимира Комарова. На внутреннем развороте статьи с биографией и последними снимками перед стартом: В. Комаров на Красной площади и в Кремле. Я задержал взгляд на этих фотографиях, внимательно ”вчитываясь” в черты его лица, и молниеносно сознание осветилось фразой-понятием: ”Он не вернется!”

Я ощутил холодок на спине, на мгновение мне и самому показалась абсурдной такая мысль, но фраза из слухового ”поля зрения” не выпадала.

Повторяю, конкретного чертежа катастрофы я не видел, а потому на первых порах принимал навязчивую фразу как какой-то остаточный ”материал” из иного ассоциативного видения.

Я старался отогнать всякое размышление о состоявшемся запуске ракет. Но дома, за завтраком, фраза трижды набатом прозвучала: ”Он не вернется!” — ”Не вернется!” — ”Не вернется!”

Я не мог успокоиться, не понимая, отчего поступает такой сигнал. Оставив недопитым чай, прилег на диван хорошенько сосредоточиться. Но снова никакая картина не просматривалась.

И я стал размышлять, пытаясь все разложить по полочкам. В этом и была моя первая и главная ошибка, ибо рассудок в таком случае не помощник, а помеха. Нужно было принимать сигнал безоговорочно и попытаться что-либо предпринять, хотя у меня и сейчас нет уверенности в том, что катастрофу можно было предотвратить. К тому же, решающее слово по космическим программам оставалось за руководителями государственного олимпа, а там вряд ли прислушались бы к мистическому наитию.

А рассуждал я приблизительно так: почему не вернется? Даже сгорев при вхождении в плотные слои атмосферы, капсула с т е л о м космонавта упадет на землю. Значит, он в е р н е т с я. Корабль запущен вокруг Земли по круговой орбите и улететь в бездонные просторы Вселенной не может. Значит, он в е р н е т с я. Не допускать же фантастическую мысль, что он будет перехвачен инопланетянами!

Эти заумные построения и привели меня к нерешительности. Ведь само ясновидение пока научно никак не очерчено, а следовательно, алогично, и нечего было мне искать разумных обоснований.

Долго разгадки ждать не пришлось: через несколько дней официльно было объявлено, что космонавт Владимир Комаров погиб при спуске.

Он н е в е р н е т с я живым.

Глава 39. УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА

Действительно, логические построения совсем или почти совсем отсутствовали в большинстве провидчес-

ких открытий Вольфа Мессинга. Полная противоположность методике легендарного Шерлока Холмса. Никакого анализа, никаких энциклопедических знаний не применял он в тех случаях, когда ёму приходилось помогать в раскрытии совершенных преступлений.

В конце 20-х годов, находясь на гастролях в Париже, Мессинг был приглашен в провинциальный городок, чтобы попытаться раскрыть тайну смерти одной очень богатой вдовы, явно кем-то отравленной.

Префект полиции никаких нитей Мессингу не дал, ибо и у следствия их не было. С двумя детективами Мессинг отправился на виллу покойной, а роль гида взял на себя ее сын. Обходя комнату за комнатой, почти бегло их осматривая, Мессинг вдруг задержался у старинного полотна — портрета какой-то аристократки в подвенечном наряде. И тут же обратился к сыну убитой:

— Добровольно отдайте полиции ключ, висевший за этим портретом... Им вы вскрыли сейф после того, как отравили свою мать...

Через час убийца давал свои показания полицейскому комиссару.

Год спустя Мессинга попросили отыскать след пропавшего молодого человека, жителя города Торуни (Польша). С некоторыми обстоятельствами дела его ознакомили в Варшаве, но Мессинг вызвался съездить в Торунь, где два дня прожил в доме убитой горем семьи. Лишь на третий день он, в состоянии транса, близком к каталепсии, сказал родителям:

— Ваш Юзеф мертв. Тело его находится в реке сразу за мостом, а голова брошена в общественном туалете. — И назвал улицу.

Но честно заявил, что личность преступника им не просматривается.

Насколько мне известно, Вольф Григорьевич никогда не помогал следствию на политических процессах, хотя недруги и обыватели разносили по свету подобные слухи.

Однажды я спросила у Вольфа Григорьевича:

— Значит ли, что практически не существует уголовных дел, даже самых запутанных, которые бы остались нераскрытыми? Ведь достаточно в любой стране иметь одного-двух телепатов, помогающих следствию, и не будет ни несправедливых приговоров, ни нераскрытых дел?

— Нет и нет! — решительно сказал Вольф Григорьевич. — Способности, подобные моим, вовсе не панацея от всех уголовных проблем. Ведь всякий раз решается судьба человека, и суд не может руководствоваться никакой, самой глубокой интуицией ясновидца, да самого пророка! Всякий честный и демократический суд должен руководствоваться только фактами, вещественными доказательствами и ничем не побуждаемым добровольным признанием обвиняемого. Все иное для суда — не более, чем эмоции.

Помощь следствию или суду со стороны парапсихолога-телепата весьма сомнительна. Здесь проблема очень схожа с той, что и в медицине по поводу пересадки жизненно важных органов погибшего в катастрофе человека больному, умирающему из-за того, что тот или иной орган у него безнадежно поражен и отказывается функционировать.

Уже несколько лет до того, как доктор Бернард из Южно-Африканской республики провел первую в мире пересадку сердца, в широких медицинских кругах многих стран велась оживленная дискуссия по этой проблеме. Но не о практической стороне дела, а о нравственно-этической проблеме.

Многими ставился логичный вопрос: где гарантия того, что погибший в какой-либо катастрофе уже действительно безнадежен и может стать донором для другого умирающего? Ссылались на то, что в подобных ситуациях может быть объективный соблазн помочь одному, вместо того, чтобы попытаться спасти другого.

Проще говоря, никому не может быть предоставлено право судить о смерти, пока она не наступила ф а к т и ч е с к и.

Точно так же и в рассмотрении уголовных дел телепат не может подменять собой следствие и суд. Речь может идти только об ограниченной помощи, когда он находит вещественные доказательства. Именно так обстояло дело во всех тех нашумевших европейских процессах, о которых я тебе рассказывал, связанных с моим участием в следствии.

Существует расхожее мнение, к сожалению, и среди части юристов, что всякий преступник и во всяком преступлении неизменно оставляет, ну хоть малейший, след. Увы, это, на мой взгляд, ошибочная точка зрения.

Множество преступников, особенно "профессионалов", не оставляет следов, а если следы и были, то они со временем стираются. В этом случае найти преступника чрезвычайно трудно, во всяком случае — трудно доказать виновность подозреваемого. Здесь нужна упорная и кропотливая работа следствия, а выкладки ясновидца могут приниматься лишь как ориентир, но ни в коем случае не являются фактическим материалом для обвинений...

...Вот случай, когда я помог уже прямо в суде, хотя никто и не знал об этом, даже секретарша, к которой я обратился с необычной просьбой, думаю, не догадывалась ни о чем...

И Вольф Григорьевич рассказал мне историю одного судебного процесса, которую, мне кажется, лучше передать в моем пересказе.

В самом начале пятидесятых годов город Казань на Волге полгода был полон слухами о таинственном убийстве молодой девушки, сброшенной глухой ночью с моста.

Вот и классический пример преступления без следа. Девушка была хрупкого телосложения, и не сто-

ило большого труда поднять ее на руки и в мгновение ока швырнуть за перила моста.

В конце концов без видимых оснований много месяцев спустя был арестован ее бывший кавалер, хотя много свидетелей показало на суде, что он не встречался с ней последние два года. Но нашлись и такие, кто еще в пору их отношений много раз видели его на мосту с погибшей девушкой.

На этом и построили все обвинение, а парень был сломан, возможно от горя — смерти когда-то любимого человека, возможно, следствие грубо подавляло его психически, и он ничего вразумительного в свое оправдание не говорил, лишь повторял одну фразу: "Это не я..."

В дни процесса, длившегося более недели, со своими выступлениями находился в Казани Мессинг.

Как водится, все городские новости и события разносятся вездесущими и всезнающими старушками, так и о спорном суде над молодым убийцей Мессинг узнал от горничной местной гостиницы, завсегдатая открытых судебных процессов с "изюминкой".

На одно из заседаний суда Мессинг, по его словам, пошел просто так, из чистого любопытства. И уже до перерыва утреннего заседания он понял, что обвиняемый действительно в смерти своей бывшей подруги не виновен. В то же время Мессинг перехватил чьи-то нервные импульсы-воспоминания, связанные с последним мигом перед тем, как девушку бросили в воду.

Мессинг возвращался в гостиницу пешком: во время прогулки он умел сосредоточиться и уйти в себя — все тщательно обдумать, попытаться ухватить кончик загадки.

Размышлял он примерно так: известно, что подавляющее число убийц рано или поздно тянет на место совершенного преступления. Юридическая практика знает тому тысячи примеров. Но в данном случае

м е с т а как такового, не существует. Мессинг был способен погружаться в такие психологические дебри! Он объяснил мне это так: важно для убийцы не место у перил, откуда он швырнул жертву в воду, а само то место, где она погибла, то есть место на воде. Но это место неопределенно. Так что, возможно, преступник не придет "взглянуть" на место гибели его жертвы. И Мессинг решил, что он "перехватил" мысли подлинного убийцы, находившегося в зале судебного заседания — м е с т е, где прокручивались снова и снова "кадры" его деяния.

Теперь задача заключалась в том, чтобы на завтрашнем заседании попытаться визуально определить "автора". А в том, что он будет появляться на всех заседаниях, Мессинг не сомневался.

На другой день Вольф Григорьевич отправился в казанский суд загодя, чтобы войти в зал в числе первых и поодиночке исподволь рассматривать всех входящих.

Увы, зрительно никакого открытия сделать не удалось, ибо психологически никто еще не входил в полосу мысленных воспоминаний.

Но когда начался очередной допрос подсудимого, Мессинг вновь "услышал" вчерашний "голос" — еще более нервный и лихорадочный. Теперь нужно "запеленговать" источник...

Минут десять просидел Мессинг с закрытыми глазами, почти погрузившись в состояние транса. А потом посмотрел влево от себя на крайнее место у прохода пятого ряда. Там сидел мужчина лет 24-27-ми со скрученным в трубочку журналом "Огонек" в руке.

Сомнений у Мессинга больше не было: это и был н е к т о, от кого исходили нервные импульсы. И Вольф Григорьевич начал посылать ему сигналы-приказания: "ВСТАНЬ, СКАЖИ, ЧТО ТЫ УБИЙЦА!"

В ответ молодой мужчина стал еле заметно ерзать на стуле, доставал пачку сигарет и снова прятал ее, принимался с деланным интересом рассматривать картинки

в журнале и тут же вновь скручивал его в трубочку. Но на большее, видимо, не решался.

Но Мессингу было достаточно того, что объект определен точно, что это человек крайне нервный, и расшатать его можно. Но как? Мессинг решил, что тут нужен какой-то толчок извне, соответствующий психологическому состоянию убийцы.

Объявили первый перерыв. Мужчина, расправив журнал, положил его на сидение в знак того, что место занято.

А Вольф Григорьевич постучался в канцелярию суда и попросил у секретарши лист белой бумаги и красный карандаш, выдав себя за нового завхоза административного здания. И что-де ему нужно прикрепить надпись на двери тупиковой комнаты для курения, так как посетители путают ее с выходом. И тут же в комнате секретарши вывел на листе бумаги крупными буквами: "ВЫХОДА НЕТ..."

Как видите, к табличке, схожей с теми, что висят во всех учреждениях, он добавил намекающее многоточие.

Когда заседание суда возобновилось, Мессинг не стал больше вникать в речи участников процесса, а стал беспрерывно "бомбардировать" своего "подопечного" мысленным приказанием: ВСТАНЬ, СКАЖИ, ЧТО ТЫ УБИЙЦА".

Когда подошел второй перерыв, Мессинг не торопился к выходу, а дождался, пока остался в зале один, подошел к стулу молодого человека и подложил под оставленный им журнал свою записку-намек... А уж потом отправился покурить свой "Казбек". В зал он больше не вернулся, чтобы не видеть тягостного зрелища, но остался у приоткрытой двери, чтобы убедиться, что схема сработала.

Долго ждать не пришлось, зал потряс душераздирающий крик: "Это я, я убил ее!!!"

Дальнейшие события его уже не интересовали, и, удовлетворенный тем, что с его помощью справедливость восторжествует, Мессинг вышел на улицу...

Недавно, совершив туристскую поездку в Англию, я обратила внимание на то, что в лондонском метро нет табличек "ВЫХОДА НЕТ" или "НЕТ ВЫХОДА". И сразу вспомнила, как еще много лет назад прочитала в газете, что по рекомендации английских психологов администрация сменила эти указательные знаки, вернее, сменила их текст: "ВЫХОД С ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ СТОРОНЫ", "ВЫХОД НАВЕРХУ" и так далее. Потому что выяснилось: людей с неуравновешенной психикой, склонных к самоубийству, слова эти — "ВЫХОДА НЕТ" — только подталкивают к совершению рокового шага.

Глава 40. ЗА ПРЕДЕЛАМИ РАЗУМА

Я уже подчеркивала, что, по его собственному признанию, Вольф Мессинг не относил себя к людям с религиозным складом ума. Не считал себя верующим человеком и не принадлежал номинально ни к какой церкви.

Возможно, что так это и было на самом деле. Возможно, что его верование им тщательно скрывалось, поскольку тогда бы его необычайному дару окружающие могли приписать некое божественное происхождение. И несомненно, это закрыло бы путь для его публичных выступлений, что для творческой личности равносильно смерти. Да я и не вправе давать однозначное определение этой глубоко личной душевной проблеме.

Но если для читателей я должна быть только беспристрастным летописцем жизни Мессинга, то для меня самой и его таинственный дар всегда представлял глубоко духовный интерес. Надеюсь, что и читателям будет небезынтересно прогуляться, так сказать, по аллеям раздумий о смысле неведомого.

Название главе я дала исходя из того соображения, что всякое верование во Всевышнего построено не на выкладках чистого разума, но только на вере, так что и точное определение зрительного образа Бога лежит за пределами досягаемости человеческого разума. Это золотой нитью проходит через учение всех ведущих религий мира, будь то христианство или ислам, иудаизм или индуизм, или учение буддистов. Но слова Ветхого Завета, чтимого в равной мере как христианами, так и приверженцами иудаизма, о том, что человек создан по образу и подобию Божьему, принимается большинством верующих буквально. Да и величайшие художники прошлого изображали на полотнах и фресках Бога-Творца в облике благодатного старца. Так доступней доносился зрителю Великий Образ.

Человек наделил и Творца теми же средствами общения, коими обладает сам: способностью говорить, видеть, слышать именно так, как говорит, видит, слышит он сам. И в этом, видимо, кроется одновременно и величайшее заблуждение человека и сокровеннейшая истина!

Давайте же поразмышляем об этом, — опять противоречие! — призвав на помощь разум!

Никто не видел Творца в том понимании слова "видел", как мы можем это сказать о человеке. Но священные книги всех религиозных доктрин, тем не менее, полны таких фраз: "...И сказал Господь...", "...И увидел он Бога..." и так далее. Еще больше приземленных форм общения с Творцом находим мы в жизнеописаниях святых и пророков.

Глубоко религиозные люди принимают эти свидетельства на веру. Скептики сомневаются. Атеисты относят все знамения к мифотворчеству. А мы, давайте, займем позицию в золотой середине и попытаемся по-иному взглянуть на суть таинственного.

Можно по-разному объяснять свидетельства общения человека с Богом: в одних случаях — как явное надувательство, в других — как результат чрезмерной экзальтации, в иных — помрачением рассудка. Самым тщательным образом просеяв многочисленные факты, оставим мы хоть десяток свидетельств, когда сомнения в контакте человека с Богом относятся только к форме этого общения, а сам факт — хоть и необъяснимый — скептического отношения не вызывает. И подумаем: а так ли уж фантастичны те многочисленные случаи явления Бога человеку?

И вот тут я снова возвращаюсь к своему другу Вольфу Мессингу, чтобы попытаться рассмотреть инструмент телепатической связи не в земной трактовке. И такая постановка вопроса кажется мне наиболее правильной, ибо все парапсихологические явления пока никак не укладываются в рамки физических законов. Так почему бы не приподнять их над материальным миром?!

Если простому смертному, каковым и был Вольф Мессинг, природа дала способность видеть невидимое и слышать неслышимое, то сколь естественным кажется предположение, что Творец — Первоисточник — Природа тем более, и в несравненной степени, обладает таким даром!

Глубоко продумав это, мы уже не сочтем мифическими слова: "И сказал Бог...". Ведь и Мессингу на его сеансах "Психологических опытов" никто не давал вслух приказаний или просьб, но он "слышал" желания и "читал", не видя написанного. А Мессинг — пылинка мироздания, под которым мы часто и подразумеваем Всевышнего.

Вот мы и подошли к пониманию роли святых и пророков, оставлявших на протяжении многотысячелетней истории человечества свои свидетельства контакта с Творцом: они были теми редкими медиумами, наделенными способностью "видеть" и "слышать" Бога.

Иными словами, Господь изредка "дает сеансы ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЫТОВ"!

Глава 41. НЕ ЕДИНЫМ ДУХОМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК...

Пусть не кажется читателю кощунственной эта конструкция известного изречения, повернутого на сто восемьдесят градусов. Тем более на фоне предыдущей главы, посвященной высоким духовным сферам.

Моя книга — не житие "святого" Мессинга, парившего в заоблачных высях. Я считаю, что образ моего друга, хоть и наделенного загадочным даром, лучше и ярче будет высвечен на фоне множества житейских обстоятельств, хлопот и невзгод, избежать которых не мог и он. Я намеренно вплетаю эти суровые нити в узор своей книги-мозаики.

Люди боятся осени — ее затяжных дождей, промозглых туманов, ранних сумерек. А весна, напротив, вселяет бодрость, воспламеняет надежду. Но последние годы я все с большей тревогой ожидала апрельской капели: стало почти закономерностью, что с приходом тепла и зелени Вольф Григорьевич ложился в больницу. Вот и ранней весной 1972 года вновь назрела необходимость отправляться на ежегодное обследование и лечение в клинику Вишневского. К этому времени рядом со старым зданием выстроили высокое, впол-

не современное и комфортабельное к нему приложение. Так что на сей раз Мессингу легко выделили отдельную палату, и когда я впервые навестила его по случаю этого грустного новоселья, он, стараясь не огорчать меня, сказал, что чувствует себя не больным на обследовании и лечении, а отдыхающим в санатории. Увы, я хорошо понимала, какой ценой платил он за эту внешнюю жизнерадостность. Хронические боли в ногах все больше сгибали его в пояснице, а костлявые, безвольно повисшие руки и взлохмаченная голова дополняли тягостный облик Мессинга. Но душевной немощи он не проявлял, по-прежнему трогательно всему радовался, как дитя. В этом не было старческого впадания в детство: таким я встретила его двадцать лет назад.

В первый свой приход к нему я не смогла достаточно уделить ему времени, так как спешила в свой институт, чтобы оттуда выехать на служебной машине на станцию по переливанию крови и получить спасительную плазму для больных. А спустя два дня я смогла выкроить пару часов, чему Вольф Григорьевич несказанно обрадовался. Я застала его во дворе клиники, в халате восточного покроя, а не в больничном, — маленькая привилегия для знатных пациентов.

На дворе стоял май, уже по-летнему припекало солнце, и мы присели на скамейку у старого клена посудачить о том, о сем. Я принесла Вольфу Григорьевичу гостинцы, которые не могли появиться в меню больничной столовой: первые "ласточки" ягодно-овощного ассортимента, привезенные кавказскими торговцами на московские рынки — кулек крупной клубники и свежие помидоры. С клубникой Мессинг расправился тут же, а помидоры оставил к обеду.

А потом он предложил совершить "экскурсию" по внутренним закоулкам и по палисаднику двора клиники.

— Здесь я погружаюсь в раздумья о быстротеч-

ности нашей жизни, — сказал Вольф Григорьевич, подводя меня к памятнику Александру Васильевичу Вишневскому — отцу Александра Александровича, основоположнику и первому директору института.

— Да и что возле него придет в голову — возле этого мудреца со ...скальпелем в голове! — добавил он с иронией.

Памятник сделан из серого гранита. Вишневский изображен сидящим в кресле в полном медицинском облачении, и на мудреца он действительно похож: поза напоминает ''Мыслителя'' Родена.

Направляемся к двухэтажному особняку старого корпуса, и я догадываюсь, зачем Мессинг меня тащит к его стеклянным зарешеченным окнам. На прутке, в клетке у открытой форточки восседал черно-серый Сереженька. Мессинг любил с ним беседовать, пока тот не припомнит какого-нибудь перла из сленга сапожников и матросов. Говорили, что с Сережей случился настоящий конфуз, когда в клинику нагрянула делегация зарубежных медиков. Чем-то недовольный или кем-то обиженный скворец разразился такой отборной бранью, что два гостя, сносно владевшие русским, были просто шокированы. В наказание охальника Сережу выдворили в виварий, подальше от людей.

Вольф Григорьевич ''поговорил'' с ним по душам, но Сережа был не в духе. Он явно считал оскорблением, что его из уютной клетки переселили к каким-то кроликам и крысам. И он на прощание ловко плюнул в Мессинга.

— Да, это что-то новое в его репертуаре, — пробурчал Вольф Григорьевич, вытирая платком свой восточный халат.

Вскоре А. Вишневский распорядился снять с птицы наказание, и скворец был водворен на прежнее место — в кабинет хозяина. Мессинг предлагал Вишневскому три тысячи за бойкого Сережу, но тот сам был очень привязан к птице и отказался продать ее.

Кроме невзгод с расстроенным здоровьем, Мессинга тяготили и другие житейские неурядицы и, прежде всего, квартирный вопрос. Он все еще делил однокомнатную свою квартиру с домработницей, жившей с ним после смерти Ираиды Михайловны. А просить, вымаливать у государства сносное жилье было не в характере Мессинга.

На помощь пришла служащая Министерства культуры, благоволившая Вольфу Григорьевичу, и устроила так, что ему разрешили купить двухкомнатную квартиру на улице Герцена, в доме, выстроенном для работников министерства.

— А как вы насчет чертовой дюжины? — спросила я Мессинга, потому что новоселье ему предстояло отмечать на тринадцатом этаже.

— А что, чертовщина — мое хобби! Я с чертями запанибрата и пью на брудершафт! — отшучивался он.

А между тем, в самой жизни Мессинга веселого оставалось все меньше. Следующей весной повторилось прежнее: снова больничная палата, в которой он теперь проводил большую часть времени, а прогулки сократились. Потому на сей раз он прихватил книг больше обычного, прежде всего те, что недосуг ему было прочесть раньше.

— Знали б дарители, что я еще их не раскрывал, — говорил мне Вольф Григорьевич, показывая два солидных фолианта с автографами авторов.

"Дневник хирурга" Вишневского имел такую надпись: "Вольфу Григорьевичу Мессингу на добрую память от автора — А. Вишневский, 27 марта 1969 года". Вишневский, как известно, внес огромный вклад в организацию действенных мер против вспышек эпидемий на фронте и осуществлял налаживание своевременных хирургических операций в военно-полевых условиях, и потому труд его был выпущен с предисловием крупного военачальника — маршала Г. Жукова.

Вторая книга — "Мысли и сердце" Николая Амосова, известнейшего хирурга, талантливого публициста и очеркиста, имела более трогательные дарственные слова: "Вольфу Григорьевичу Мессингу в знак удивления и восхищения чудом — Амосов, 25 декабря 1965 года".

Отдельные главы из этих книг раньше ему прочитывала вслух Ираида Михайловна, а у самого Мессинга по занятости все не доходили до них руки. И вот теперь он решил восполнить пробел. Да в его положении они были как нельзя более кстати: добрые и мудрые книги о силе духа и бренности тела.

Он всегда не только гордился друзьями живущими, но и свято хранил память об ушедших. И тогда почему-то сказал, показывая те книги:

— Вот видишь, на отсутствие друзей не могу пожаловаться... Навещают и дома, и здесь. А вот умирать я буду в полном одиночестве...

К концу лета 1974 года кризисные симптомы вроде бы миновали, Мессинг явно пошел на поправку, но с предписанием полного покоя. А сама я замоталась в вихре повседневных забот. В начале октября я уехала к морю, в Гагры — снять курортной беззаботностью усталость.

Окрепшая, загорелая, но простуженная, я возвратилась в Москву поздним вечером 30 октября. А уже наутро проснулась от надрывного телефонного трезвона: Господи, опять рабочие дни!

Но звонок был по иному поводу. Врач нашего института, извинившись за ранний звонок, сказала:

— Ваш друг Вольф Григорьевич находится у нас... Ему очень плохо, и предстоит тяжелая операция по замене подвздошных и бедренных артерий!..

Глава 42. НУ-КА, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ...

Май 1981 года, пригород Детройта, штат Мичиган. Я в своей квартире, уютно развалясь на софе, смотрю развлекательную телевизионную передачу — викторину "Лицом к музыке". Я уже не раз смотрела ее, но именно сегодняшний тур вернул меня в прошлое.

В заключительной стадии игры — когда участникам предлагается сорвать довольно большой куш в 10 000 долларов — ведущий и оператор открывают окошко с первой фотографией — младенца — в будущем известного общественного деятеля или актера, музыканта, художника. Еще непонятно даже, мальчик это или девочка, но ведущий всякий раз поясняет: перед вами знаменитый мужчина, перед вами известная женщина. Следующая фотография — со значительно меньшим денежным вознаграждением — дана в более позднем возрасте: детство, отрочество, и так далее, до последних лет.

Редко, очень редко кто-нибудь угадывает будущую знаменитость в годовалом младенце. Но вот сегодня, едва первое окошко с фотографией засветилось, молодой человек, победитель предыдущего тура, мгновенно назвал имя дитяти. Даже ведущий был поражен (столь расплывчаты были черты детской физиономии) и спросил выигравшего первый приз — не приходилось ли ему раньше видеть эту фотографию?

Тот ответил, что нет, никогда раньше не видел...

Каким же образом ему удалось "дорисовать" те штрихи к портрету, которые десятилетиями наносила жизнь?

Великий французский писатель Марсель Пруст, почти на десятилетия предвосхитивший (в художественном наитии, а не в научном трактате) некототрые положения психоанализа Зигмунда Фрейда, объясняет подобный феномен так. Если подсмотреть девушку

или молодую женщину, идущую двором или по улице, в минуту физической усталости и тогда, когда она абсолютно уверена, что ее никто не видит, внимательно вглядываясь в ее черты, можно представить себе облик этой женщины в пожилом или старческом возрасте. Причем, не обязательно быть проницательным психологом.

Что ж, такое проникновение сквозь толщу времени, которое еще "поработает" с живой "скульптурой", мне не представляется таким уж невозможным или сверхестественным. Но как можно углядеть лицо зрелого человека в чертах совершенного несмышленыша одного-двух лет отроду?

Значит, тот молодой человек, быть может, сам того не сознавая, обладает даром видения с дальним прицелом, что ли, — способностью необычайной, однако, не подпадающей под готовые категории: телепатия, ясновидение и так далее.

И в тот же вечер я восстановила многие детали моего разговора на схожую тему с Вольфом Григорьевичем. Я как-то спросила его, не являются ли "младшими братьями" телепатии и парапсихологии графология и физиономистика. Не пересекаются ли его дарования со способностью графологов и физиономистов раскладывать по полочкам скрытые от глаз черты человека. И вообще, как он относится к известному присловью: глаза — зеркало души?

К неоспоримой точности этого афоризма Мессинг относился скептически, даже отрицал эту претензию на непогрешимость. Он говорил, что лишь в определенные минуты душевной раскрытости глаза могут что-то "говорить" о человеке, но не как о завершенном образе, а лишь о его состоянии в этот конкретный момент. Иными словами, это зеркало — глаза — больше отражает внешний мир, нежели внутренний.

О графологии — способности читать характер человека по его почерку — Мессинг отзывался уважительно

и даже с чувством некоторой зависти к тем, кто обладает талантом видеть скрытый смысл в каллиграфии или небрежных каракулях. Сам он таким даром не обладал, и несколько пробных экспериментов, проведенных им с письмами друзей, успеха не имели. Видимо, здесь психическое начало трансформируется в материальные символы, а материя в телепатии — пол, а не потолок конструкции. Если вообще материальное можно принимать в качестве существенного ингридиента в такой "непрощупываемой" области, как парапсихология.

В той же плоскости — полностью в материализованных и готовых конструкциях — лежит и экспериментальная физиономистика, считал Мессинг. Ибо тысячелетние наблюдения зафиксировали взаимность определенных деталей и узлов человеческого лица с теми или иными чертами его внутреннего мира. Это и так называемые волевые подбородки, и проницательные глаза, и холодные узкие губы. Здесь налицо готовые схемы, которые легко научиться читать, ну, как чертежи, например. К наитию и интуиции они имеют весьма отдаленное отношение. Кстати, о тех же глазах. Еще древние египтяне отметили, что если при одинаковом размере глазного яблока у некоторых людей один глаз явно меньше другого, то это прямое свидетельство повышенной чувствительности, чрезмерной сексуальности. Но некоторые физиономисты умеют сбрасывать этот материальный балласт (не в ироничном значении этого слова) готовых формул и подниматься в понимании личности в более высокие области. Здесь правомерно предположить, что человек, способный отслоить внешние черты, чтобы заглянуть внутрь, близок к таланту ясновидца. И их значительно больше среди нас, убежденно говорил Вольф Григорьевич, чем это можно предположить. И не был ли тот молодой человек — участник телевизионной викторины — из того рода Homo Sapiens что стоят над нами на ступеньку выше?

Как я уже говорила, Мессинг никогда не подчеркивал свою исключительность и уникальность. Никогда не относился враждебно к сообщениям о том, что где-то кто-то проявил свои телепатические способности. Напротив, по его настоянию во вступительное слово его ведущей (сначала его жены Аиды Михайловны, а в последние годы Валентины Ивановской) всегда вставлялась фраза о том, что многие — и, возможно, из вас, зрители, — обладают схожими способностями, которые им самим неведомы и которые у них просто не развиты. Вероятно, Вольф Григорьевич предвидел большое будущее парапсихологии.

Работая над своей книгой, я постепенно склонилась к мысли несколько расширить первоначальный замысел — дать объемное жизнеописание Вольфа Григорьевича, приоткрыть занавес таинственности в неизвестных эпизодах его деятельности. И пришла к выводу, что этого мало, что книга должна быть не только развлекательным чтением, но и побуждать к глубоким раздумьям, не без основания надеясь, что и среди читателей найдется кто-то, кого книга побудит к экспериментальным и теоретическим исследованиям в области тайн парапсихологии. Вот почему во многие очерки и зарисовки вкраплены размышления самого Мессинга, мои догадки и оценки, мнение ученых и психологов-практиков. Мне кажется несомненным, что мы стоим на пороге дерзновенных попыток науки проникнуть в эту покрытую пеленой таинственности сферу человеческого духа. И я буду бесконечно рада, если моя многолетняя работа подтолкнет чей-то пылкий и ищущий ум к смелым шагам в этом направлении. Я не думаю, что мой труд станет для кого-то тем, чем стало для Ньютона упавшее яблоко. Не жду и восторженного крика — "Эврика!". Однако втайне надеюсь, что смогу разбудить мысль пытливого читателя.

Глава 43. ТРЕВОЖНЫЕ МИНУТЫ

Что значит для любого человека непроходимость крови к нижним конечностям, я хорошо знала. А для семидесятипятилетнего Мессинга тем более. Но панического страха не было, так как его пребывание в нашем институте, где хорошо знали о моей дружбе с ним, обеспечивало ему самый чуткий и внимательный уход. Так что я считала излишним немедленно отправиться в институт, тем более, что к моменту, когда мне звонила сотрудница, он уже находился под общим наркозом в операционной. Но могли случиться побочные осложнения, и я постоянно держала по телефону связь с дежурным врачом реанимационного отделения. И надо же случиться, что во время моей поездки в Гагры его уговорили выехать на гастроли в Закарпатье, когда два последних года всякое выступление давалось ему с огромным трудом, я бы даже сказала, с мукой. Но это во мне говорят эмоции, а он и не мог иначе. Мы еще рассмотрим в отдельной главе степень творческого озарения у одаренных людей именно в состоянии нервного истощения и физической немощи. Ведь нелепо думать, будто он поехал в ту дальнюю дорогу ради заработка.

Теперь я сама позвонила Александру Давыдовичу — заведующему отделением реанимации, чтобы выяснить подробности того, что случилось с Мессингом. Гастроли он-таки до конца не довел, адские боли скрутили его, и он вместе со своей ведущей первым же рейсом вылетел в Москву. Осмотрев Мессинга, директор института профессор Бураковский предписал немедленную госпитализацию. Через полчаса машина скорой помощи прибыла за ним. Валентина Иосифовна поведала мне весьма прискорбную подробность. Когда она под руку провожала Вольфа Григорьевича к машине, он остановился на полпути, печально оглянулся на свой дом и с

надрывом сказал: "Я его... больше не увижу...".

И в отличие от прежних, увы, частых!, приходов в больницу на сей раз вел себя нервозно, без свойственной ему стоической покорности судьбе. Что это? Тяжкое предчувствие? Возможно, его опечалило и то, что никто не взял на себя труд похлопотать в высших инстанциях о его просьбе: вызвать из Соединенных Штатов врачебную бригаду известного доктора Майкла Дебеки, которая в 1972 году успешно оперировала по такому же поводу президента Академии наук В. Келдыша. Ведь в отличие от Келдыша, Вольф Григорьевич вызывался оплатить все расходы сам, чего бы это ни стоило.

Но хорошо уж и то, что оперировать его взялся мой любимец Анатолий Владимирович Покровский, истинный виртуоз и чудодей!

И все-таки я не удержалась и на следующий день после операции примчалась в реанимационное отделение. Из-за моей простуды войти внутрь мне нельзя, да я и сама всегда придерживалась на этот счет строжайших правил — поддерживать ассептику и не играть с огнем, когда речь идет о жизни и смерти. Инфекция может возникнуть от одного выдоха простуженного человека. Поэтому я накинула белый халат, надела маску и через стеклянную дверь наблюдала за печальными процедурами.

Мессинг находился на управляемом дыхании, но руками пытался все же что-то изобразить или выразить просьбу. И я поняла, что он хочет курить — таков был смысл его жестикуляции. Господи, даже и в таком состоянии он не может отказаться от этого наркотика! Врач, неотступно дежуривший у постели Мессинга, заметил и узнал меня, кивком поздоровался, а потом показал поднятый вверх большой палец — мол, все хорошо! Я и сама видела, что ноги Вольфа Григорьевича имеют нормальный цвет, тогда как при этом заболевании чаще всего ноги синеют, а обескров-

ленные становятся легкой добычей гангрены. Ну, проноси еще раз! Уж теперь он доберется до табачного зелья только через мой труп!

И хотелось бы, чтобы он сейчас знал, что я рядом!

Теперь важно, чтобы и послеоперационный период проходил без особых осложнений. Ведь часто бывает, что притупление бдительности после успешной операции все сводит насмарку. Ну, а какие вообще советы я имею право давать врачебной бригаде, когда всю ответственность взвалил на себя Анатолий Владимирович Покровский! Ему, как говорится, и карты в руки. В вестибюле я перекинулась несколькими фразами с ведущей Вольфа Григорьевича, тоже прибывшей в институт по первой тревоге, и мы договорились с ней, что будем держать друг друга в курсе событий, если кто-то первый узнает какие-либо новости. Выразив надежду, что все обойдется благополучно, мы разъехались по домам.

Я сама в тот вечер чувствовала себя неважно, а утром следующего дня проснулась от удушающего кашля. Хлебнув несколько ложек горячего молока с медом, спешу к телефону. Вести, увы, малоутешительные. Уже дежурный первой смены сообщает, что у Мессинга ателектаз лекого, или, выражаясь общепринятым языком, спадение легочной ткани, но врачи надеются вывести его из этого состояния.

Час от часу не легче: после полудня новости совсем скверные — почки у Мессинга отказываются работать. А это уже похуже, острая почечная недостаточность грозит организму самоотравлением. Утешительным было лишь то, что мне сообщили о сравнительно спокойном сне Вольфа Григорьевича и ровном пульсе.

Глава 44. ”ЖИВИНКА В ДЕЛЕ”

Это известное русским читателям название рассказа уральского сказителя Бажова, ставшее крылатым выражением, как нельзя лучше характеризует отношение Мессинга к своей ”профессии”. Именно с живинкой относился он к каждой своей программе, к каждому эксперименту. Придерживался непопулярного у обывателей принципа — ”жить сгорая”, щедро даря искры этого пламени другим, взмен не требуя для себя ничего.

По преданию, в ванной комнате одного китайского императора была оставлена на стене такая надпись: ”Каждый день возобновляй себя совершенно. Делай это снова и снова”.

Вольф Григорьевич придерживался этого принципа неукоснительно. Он никогда не давал себе возможности ”размагнититься”, всякий эксперимент проводил как Самый Главный и Последний — будто исполняя свою лебединую песнь. И не щадил себя, растрачивал, жил на износ. И в данном случае ”возобновлял себя совершенно” лишь в творческом плане, физически сгорая. А если случался малейший перерыв в этом горении, то он сразу начинал страдать от бездеятельности.

Психологами подмечена взаимосвязь тонуса, биоритма человека с повседневными факторами бытия, совершенно разными у каждого индивидуума. И снижение тонуса — астения — приводит к многообразным внутренним неурядицам, часто к постоянным психофизическим недомоганиям. Для одних большое значение имеет свежий воздух, и им радостно на лоне природы, а в черте города они вянут. Другие нуждаются в повышенных количествах витаминов или других веществ. Третьи чувствуют себя хорошо лишь при определенном ритме половой жизни. Четвертые целиком зависят от погоды. А пятым нужен основательный сон.

Но психологи отмечают и другое: высокая работоспособность возможна и при весьма скромном тонусе. Все дело в том, как он используется. Бодрость привлекательна, но ее значение относительно.

Я сохранила выписку из блокнота Вольфа Григорьевича с очень любопытной фразой. Она была взята в кавычки, значит, самому Мессингу не принадлежит, но автор не был упомянут. И потому я считаю, что он выписал понравившееся ему выражение — ”Когда я чувствовал себя вполне здоровым, я был даже неспособен к внимательности, необходимой для умственных занятий; для полного пользования всеми моими способностями мне необходима была болезнь”.

Как это подходит к самому Мессингу! Да, он всегда проиэводил на сцене самое тягостное впечатление! Мало сказать, что у него был вид человека болезненного, — казалось, жестокая нервная лихорадка колотит его так, что это даже передавалось особо впечатлительным зрителям. И вот еще одна любопытная деталь. Как Мессингу, так и другому известному телепату М. А. Куни, говорил мне Вольф Григорьевич, очень трудно было работать во время гроз. Вот и подсказка ученым: в чем тут дело? Какая связь между психическим настроем телепата и повышенным содержанием электрических зарядов в атмосфере? Не освещает ли этот фактор хоть какую-то грань тайны?

Но не только грозовые разряды являлись помехой в работе. Веками проверенный закон гласит: ”Отдых есть смена деятельности”. А нескончаемые гастрольные поездки вносили в жизнь Мессинга элемент монотонности. Из 24-х часов суток ”Психологические опыты” занимали лишь два часа, казалось, есть время для отдыха. Но дело в том, что колесная жизнь любого актера в гастрольном турне самим режимом дня мало давала возможности для смены деятельности. И вот тут, думаю, ”живинка в деле” — полная самоотдача — и выручала

Мессинга, но в парадоксальном смысле. Он настолько "изнашивался" в те два часа, что сил на смену деятельности не оставалось. Но к следующему дню, словно птица Феникс, он снова возрождался из пепла. И еще я думаю, он умело пользовался своими внутренними рычагами. В учении йоги мы находим удивительный совет — "слушай свое дыхание, и ты услышишь ритм Вселенной". А Мессинг, видимо, умел слушать вдох и выдох своего психического аппарата и ощущать пульс Вселенной.

Глава 45. ВЛАДИМИРСКИЙ СТАРЕЦ

Когда многие годы собираешь свой рабочий архив — рукописи, письма, документы, то редкие находки и удачи, увы, чередуются и с утратами. Более важные материалы каждодневно просматриваешь и ощупываешь, как скупец по ночам свои сокровища, а кажущиеся малозначительными хранишь в запаснике. А то и вовсе забываешь "приобщить к делу". Когда же приступаешь наконец к работе, то как раз упущенного более всего и жаль, а частенько крохотный листок уже не найти, короткий разговор не восстановить в деталях.

Вот и у меня в плане составления книги о Мессинге есть короткая запись: "Вольф Мессинг — Шульгин Василий Витальевич. Письмо". Но ни письма, ни какой-либо заметки, относящейся к теме, я не обнаружила. И теперь сожалею, что проявила тогда чрезмерную деликатность и не попросила Вольфа Григорьевича познакомить меня с содержанием письма Шульгина. Может, потому, что давнее согласие Мессинга на мое

полное владение архивом не торопило меня: мол, всегда успеется. Но, возможно, и оттого, что я мало знала об этом "последнем из могикан" старой России. Мне было только известно, что он принимал отречение от престола российского императора Николая Второго. И уже на Западе я познакомилась с его биографией.

А собственно рассказ Мессинга в тот день касался больше жанровых подробностей их нескольких встреч. А вот до сути докопаться — не могу. Но нужно все по порядку.

Я приехала к Вольфу Григорьевичу на полчасика — похвастать серией удачных снимков, сделанных мной на природе, в живописном уголке Подмосковья, в лосином заповеднике. А Мессинг распивал за столом чай, окутанный табачным облаком. На столе лежало распечатанное письмо.

— Интересная почта? — спросила я.

— Всего одно письмо, — ответил он. — Но интересней десятка других. Ты вот сейчас торопишься, но в другой раз я тебе его прочту.

Я не стала настаивать, поболтала о том, о сем и умчалась по редакционным делам. А зря, потому что больше вернуться к письму не пришлось: и я о нем запамятовала, и Вольф Григорьевич к нему не возвращался, хотя подробнейший рассказ о его знакомстве с Шульгиным я слушала месяца два спустя. Но тогда беседа происходила в автобусе ярославской филармонии, отвозившем группу московских артистов. Мы с Мессингом оказались их случайными попутчиками. Вольф Григорьевич тоже закончил в Ярославле свои выступления, и в последнюю минуту администратор филармонии предложил ему возвратиться в Москву с актерами эстрады в комфортабельном автобусе, а не трястись в переполненной субботней электричке. В свою очередь Вольф Григорьевич пригласил меня, так как случилось, что и я по своим личным делам проездом находилась в

Ярославле и очень кстати созвонилась с ним за час до отъезда. Совпадение из редких.

Вольф Григорьевич предложил занять заднее сидение, так как ему там сподручней будет чадить "Казбеком".

Чтобы сократить дорогу, шофер вел автобус иногда проселочными дорогами, срезая углы, а потому часть пути мы проехали по территории владимирской области, и Мессинг по ассоциации вспомнил знаменитого Шульгина, жившего после освобождения из тюрьмы в областном центре. Но тут еще одно отступление. Мы только миновали районный центр Киржач, и почти сразу вечерние смерки сменились непроглядной тьмой. Шофер опять свернул с главной трассы, и мы пробирались сквозь чащобу леса кочковатой деревенской дорогой. Мессинг недовольно забурчал:

— Эй, водитель, не нравится мне этот путь... Кладбищенская дорога...

Наши попутчики передали его слова вперед, шоферу, и тот отозвался шуткой:

— Что, Вольф Григорьевич, леших боитесь?

— Да, что-то гиблое в этом месте... Тут что-то должно стрястись... Так не лучше ли от греха подальше?

Минут через десять наш автобус вышел на большую магистраль Горький-Москва. А ровно неделю спустя мы узнали из газет, что в районе деревушки, мимо которой тогда вез нас рачительный шофер, разбился самолет Юрия Гагарина...

Тут предвидение трагедии неосознанное и смещено в всех плоскостях. Мессинг снова ощущал "магнитное поле зла" местности. Куда уйдешь от житейской мудрости: все случается там, где должно случиться.

А на подступах к Москве Вольф Григорьевич и припомнил свою встречу с Василием Витальевичем Шульгиным, патриархом, умершим в возрасте 99-ти лет и унесшим с собой последнее напоминание о былой России.

От Москвы до Владимира всего-то рукой подать, но никогда раньше маршрут его гастролей не сворачивал в этот древнейший город. К середине 60-х годов Владимир прочно разделил 1-2 место с другим подмосковным городом Загорском как центр иностранного туризма в "Золотом кольце России". И с той поры стали наезжать во Владимир известные мастера эстрады, музыканты, целые театральные коллективы из столицы. Предложили и Мессингу выступить с "Психологическими опытами" на сцене драматического театра имени Н. А. Островского — строительство модерного концертного зала тогда еще не было закончено. И уже на втором выступлении в антракте за кулисы пришел седовласый старик, представился Вольфу Григорьевичу и попросил несколько минут для беседы, что было обычным при выступлениях Мессинга. Вольф Григорьевич говорил, что Шульгин произвел на него неотразимое впечатление. Высокий статный старец (здесь это слово употреблено в смысле — мудрец) обликом своим напоминал апостола или пророка. Изысканная речь, утонченные манеры аристократа, поразительная энергия для человека, за плечами которого восемь с половиной десятков лет и обильный тюремный стаж.

В восторженных словах благодарил он Мессинга за доставленную радость — за повод к д у х о в н ы м р а з м ы ш л е н и я м. (Я выделила эти слова и еще вернусь к ним). Но заканчивая разговор, прощаясь, выразился так:

— Превосходно, сударь, превосходно! Но очень это на поверхности...

Года через два Вольф Григорьевич снова выступал во Владимире, и вновь за кулисы пожаловал Василий Витальевич Шульгин уже на правах старого знакомого. После выступления они даже побывали в театральном буфете, по-стариковски выпили чайку, а потом Мессинг проводил Шульгина к автобусной остановке. Ви-

димо, тогда и условлено у них было о переписке, и первой ласточкой несомненно явилось то письмо, что я видела, но содержание которого так и осталось неведомым. А в 1970 году В. В. Шульгина не стало. Но, как мне теперь известно пост фактум, отношения их прервались гораздо раньше, так как последние годы Василий Витальевич уже доживал в старческом доме. До последних дней своих он оставался в ясном рассудке, но на переписку сил недоставало.

Мне более всего представляется верным предположение, что Мессинг озарил его каким-то, только Шульгину понятным, откровением, в долгом личном общении и не было нужды. Да уж и возраст слишком препятствовал интенсивным связям, даже письменным.

Мне кажется весьма интересным, что состоялась вторая короткая встреча за кулисами и появилось письмо. Ведь Шульгина никак не причислишь ни к постоянным посетителям выступлений Мессинга, ни к кругу энтузиастов-ученых, у которых талант Вольфа Григорьевича вызывал профессиональный интерес. А как мы видели, заинтересованность во встрече исходила от Василия Витальевича Шульгина. В чем же дело?

Думаю, что все произошло под знаком его благодарности за то, что Мессинг дал ему повод к ”д у х о в н ы м р а з м ы ш л е н и я м”.

Как известно, В. В. Шульгин был человеком глубоко верующим, и не Мессинг же, конечно, открыл ему Высшую Истину. В то же время, будучи искренне верующим, он оставался и мыслящим интеллектуалом и, возможно, и его озадачивал вопрос о ”линиии связи” человека с Богом. И возможен ответ: то, что чувствовалось ранее смутно, теперь подтвердилось наглядным примером — для коммуникации не нужен ни голос, ни телефонный провод. Верующему человеку такое открытие не могло не быть в радость. И как ни странно, в пользу этого предположения говорит критическая

реплика В. В. Шульгина: "...Но очень это на поверхности..."

Не может быть иного толкования этих слов, кроме того, что это намек: не к увеселению театральной публики предназначен ваш дар, это лишь внешний, поверхностный блеск загадочного таланта. Возможное продолжение его фразы:

"...а нужно заглянуть вглубь..."

Что ж, в таком случае нельзя не согласиться с правдивостью его замечания. Читатель помнит, что этой проблеме я уже посвятила отдельный очерк, и еще раз хочется выразить сожаление, что при жизни Вольфа Григорьевича руководящая научная элита советской России не сочла возможным найти более широкое применение способностям Мессинга. Сыграла роль косность определенных кругов, боязнь неведомого, а главное — боязнь выйти за рамки материализма.

Глава 46. НОЕВ КОВЧЕГ

С первых же передач программы центрального телевидения "В мире животных" Мессинг стал постоянным их зрителем. Годы и обстоятельства не позволяли пускаться в далекие заморские путешествия, и эта передача в какой-то мере компенсировала его страсть к редким или диковинным животным и птицам. В часы передачи он старался не отвлекаться посторонними делами, а когда случалось бывать в разъездах, то воскресные выступления просил своего администратора устраивать так, чтобы они не падали на время этой программы.

А в Москве он был не менее частым зрителем театра зверей — известного "Уголка Дурова", потому что никакой художественный и занимательный монтаж в кинофильмах о зверях не мог заменить ему живого общения с ними.

"Коммуникабельность" Мессинга с царством фауны была просто поразительна! И династия Дуровых непременно заранее ставила Вольфа Григорьевича в известность о готовящейся премьере их звериного представления.

Глядя со стороны, трудно было с уверенностью сказать, кто больше счастлив: ребятишки или старый мудрец, покряхтывающий от удовольствия.

А коммуникабельность заключалась в том, что он немедля находил со зверем или птицей "общий язык". И порой казалось, они действительно понимали его, а он их. Но то были не отношения дрессировщика с прирученным, а партнерство равных. Вот что поражало! И еще важно: никогда я не замечала за ним слащавого умиления или сюсюканья, когда Вольф Григорьевич стоял у клетки с птицей или держал на руках забавного звереныша. В нем было больше неподдельного удивления перед чудом, чем притворного воркования, хотя ласков он был с ними чрезмерно.

Кстати, о клетке. Как помнит читатель, его Левушка тоже находился в клетке, но Мессинг высказывал на этот счет очень оригинальные мысли. А суть заключалась в том, что он усматривал первозданную гармонию мира и высший замысел в том, что человек мог бы находиться в сообществе хищных зверей совершенно безбоязненно, понимай он д у ш у животных. Он и сказал так — д у ш у. Исключение — только случаи бешенства как в дикой природе, так и среди прирученных человеком животных. И любил говорить, что человек — брат птицам. Хотя я сомневаюсь, что он знал есенинские строчки — "И зверье, как братьев наших меньших,

никогда не бил по голове". Клетку он рассматривал как досадный барьер непонимания между зверем и человеком. И в подтверждение приводил множество подлинных и легендарных историй "братания" человека и зверя. И если находил благодарного и внимательного слушателя, то неизменно свои гуманитарные истории заканчивал древней легендой, которую, рассказывая в сотый раз, сам слушал с упоением... Беглый раб встретил в джунглях обессиленного льва, занозившего лапу огромной колючкой. Человек извлек занозу, очистил рану от грязи и протер целебными травами... Но случилось, что в разное время и, естественно, по разным поводам, оба были пойманы. И оба попали на арену для кошмарного "увеселения" кровожадных зрителей: лев должен был растерзать раба... Но он узнал в нем своего спасителя и, благодарно лизнув ему руку, смиренно опустился перед ним...

Среди его большой коллекции открыток и фотографий с видами и достопримечательностями многих городов мира, где ему довелось побывать, Вольф Григорьевич особенно бережно хранил открытки с памятниками животных, совершивщих подвиги *во славу человека.* Мысль эта принадлежит Мессингу, я лишь придала ей четкость литературную: *подвиг животного во славу человека!* Вольф Григорьевич, рассказывая о своих путешествиях, никогда не забывал разбавить повесть жанровыми зарисовками о диковинных представителях фауны. Притом, с такими дотошными подробностями, словно он решал повторить научный подвиг Брема — где только добывал сведения?! И помню, он частенько сокрушался, что не приобрел в свое время птицу-оборотня, экзотическую пичугу кукаббару. В Индонезии, где в сельской местности будильники все еще предмет роскоши, по кукаббаре проверяют время — свой демонический хохот она повторяет в одни и те же часы. А в Австралии "музыкальной" заставкой к

утренней передаче по радио служит тот же смех кукаббары, с заразительными руладами.

Пытаясь успокоить Мессинга по поводу невосполнимого теперь упущения, я, шутя, высказала опасение, что такое экзотическое существо все равно бы не выдержало московского климата. Вольф Григорьевич, пощипав косматые свои завитушки, ответил:

— Здесь она погибла бы за одну только злостную насмешку над действительностью.

Иной читатель, возможно, скептически усмехнется и скажет, что, мол, не велика редкость — привязанность и любовь к животным. Замечание было бы справедливым, если бы не одно обстоятельство. Если не считать овчарки Дика, с которым мы уже знакомились в первых очерках, все другие животные и птицы привлекали Мессинга именно своей экзотичностью. И не только своим заморским происхождением, но либо способностью иммитировать человека, либо высоко развитым инстинктом, приближавшимся к рубежу "мышления". Это и "лингвистические" способности попугая, и "чувство юмора" кукаббары, и, наконец, настоящий разум у дельфинов.

Именно рассказ о них я "припрятала" напоследок, что и поставит все на место: почему я подробно освещаю "взаимоотношения" Вольфа Григорьевича с царством фауны. Тема, на которую я, без ложной скромности, монопольно претендую. Ибо, по доверительному признанию Мессинга, об этом своем позднем (и, увы, не осуществленном) замысле он ни с кем, кроме меня, не делился. Возможно, это была бы его лебединая песня, но беспощадная старуха с косой явилась, чтобы оборвать ее.

С середины 50-х годов в научно-популярных журналах и периодической печати все чаще стали появляться публикации о дельфинах. Причем, преобладали статьи не развлекательного характера, а серьезные попытки

привлечь внимание ученых к этому удивительному животному.

Вольф Григорьевич живо заинтересовался "дельфиньей тематикой" и просил меня делать вырезки из газетных и журнальных сообщений о любых экспериментах, проводящихся в лабораториях с дельфинами, о каждом случае столкновения человека с дельфином в открытой стихии.

Кроме того, нами были просмотрены десятки произведений античной литературы, где хотя бы вскользь упоминалось о них, и выписки складывались в специальную папку. Мы отыскивали сказки и легенды разных народов с дельфинами-персонажами, некоторые Мессинг просил меня перечитывать вслух по нескольку раз. Особенно умиляло его предание о дружбе древнегреческого мальчишки и дельфина, невольно заученное мной наизусть.

Каждое утро, идя в школу, мальчик приносил своему морскому другу какое-нибудь лакомство и угощал его. В благодарность тот подставлял свою мокрую спину, мальчишка усаживался на нее, и дельфин отвозил его на противоположный берег бухты, разрезавший городок на две части. А в урочный час приплывал к берегу, чтобы переправить школьника назад, домой.

Но толчком к замыслу Мессинга поэкспериментировать с этими удивительными существами и послужили довольно частые сообщения о спасении дельфинами в открытом море обессиленных или раненных людей — при кораблекрушениях или опрометчивых дальних заплывах во время купания.

Ход рассуждений Мессинга был таков. Как существо чрезвычайно умное и ласковое, дельфин может играть с человеком в воде и резвиться как малое дитя: катать на спине, подталкивать на отмель, подпрыгивать и нырять, состязаясь в ловкости. Так играют с человеком и его домашние животные — собака и кошка.

Но каким образом дельфин понимает, что плывущий даже сравнительно близко от берега человек ранен или обессилен, если нет даже следа крови, что как-то могло бы объяснить его догадливость? Почему он не вступает с ним в игру, а уверенно, как медсестра на поле боя, уводит его от опасности!

Очевидно, стрясшуюся с человеком беду дельфин понимает не визуально и не другими известными органами чувств. Можно предположить, что он "перехватывает" импульсы страха, улавливает чувство смертельной опасности, обуревающие в такую минуту человека. Ведь бедствие прежде всего о с о з н а е т с я, о возможной гибели человек д у м а е т, и эти мысли улавливаются дельфином — вот что поражает!

И тогда Мессинг задался вопросом: а нельзя ли проверить возможность понимания дельфином человека не в критической ситуации, когда все-таки можно себе представить "радар" инстинкта, а в самых благоприятных условиях, и главное — в решении качественно разных задач и без использования условных рефлексов животного.

Здесь уместно вспомнить наших псевдотелепатов, о которых говорилось в начале книги. О тех "угадываниях" предметов и признаков, когда в комбинации слов заранее заложен шифр-отмычка. Точно такие же трюки проделываются на арене цирка или на эстраде и с различными животными.

Дрессировщик просит зрителей высказать свои просьбы к животному: пролаять сколько-то раз, выбрать одну конкретную фотографию из нескольких, исполнить тот или иной акробатический номер. Артист высказывает затем эти пожелания "человеческим языком" своему четвероногому партнеру, и тот "дословно" все понимает и точно проделывает. Но и здесь знакомый шифр: в позе, в жесте, в словах и интонациях голоса дрессировщик подает исполнителю заранее

отрепетированные условные сигналы. Конечно же, не о таких номерах мечтал Мессинг. Да и не на публичные выступления рассчитывал он в этом своем замысле.

Предполагалось, что по завершении "внутренней готовности" к проведению опытов, Мессинг получит если не командировку, то хотя бы разрешение Академии наук поработать некоторое время в дельфинарии на черноморском побережье Грузии. Поэтому он под разными предлогами отклонял гастрольные поездки в те края, пока не представится возможность отправиться туда, сочетая приятное с полезным. Ему хотелось соединить отпускное время с гастрольной поездкой, чтобы подольше поработать с дельфинами.

В чем видел он смысл этой пробной работы? Какие возможности — свои и дельфинов — хотел проверить? Полный ответ теперь уже никто дать не может. Не будут весомыми и мои сведения, так как идею свою Мессинг не опробовал экспериментально. Я лишь укажу направление, в котором он двигался.

Желание у него было "скромное": общаясь несколько недель с одной и той же особью, попытаться давать приказания дельфину тоже телепатически, не отрабатывая с животным никаких опытов, основанных на запоминании команд при помощи условного рефлекса. Только мысленное внушение, как и в зрительном зале: направиться к правому барьеру аквариума, подплыть к служащему делфинария в зеленом комбинезоне, проскочить в среднее из трех колец, опущенных в воду, и так дальше. Но, повторяю, все это — без единого знака и звука. Расчет был на то, что диковинный спектр дельфина близок к человеческому. Мессинг допускал, что во время такого сеанса ему придется себя доводить до невероятно высокой степени нервного накала — выше того, которым он лихорадит публику в зрительном зале. Нужно будет посылать дельфину своего рода "лазер-

ный" пучок мысли — вот в какой теоретической плоскости лежал замысел Мессинга. К нему он шел и готовился годами, изгрыз массу научных и любительских сведений о дельфинах, "вживаясь" в их образ.

К сожалению, свалившиеся на него в последние годы недуги выбивали его из седла, мешая планомерной подготовке к фантастическому, небывалому опыту. И не оборви смерть все замыслы, кто знает, какой величественный памятник можно было бы поставить этим морским интеллектуалам.

Образ жизни — постоянные разъезды — не позволял Вольфу Григорьевичу держать у себя дома "каждой твари по паре", о чем он всегда мечтал: превратить свою квартиру в Ноев ковчег. И не только для развлечения, но и на благо науки. И человечества.

Глава 47. ПЛАНЕТЫ И МИРЫ

С древних времен научился человек использовать себе в помощь животных — "братьев наших меньших" — в тех случаях, когда их природные данные и инстинкты дают больший коэффициент полезного действия, чем его собственные возможности, в том числе и дух, и интеллект.

Издавна известны голубиная почта и соколиная охота. Собака, традиционно охранявшая человека и отыскивавшая ему дичь, теперь натаскана обнаруживать наркотики и яды. Все новые и новые виды животных "призываются" на службу в армию. В частности, дельфины — в качестве миноискателей и в помощь подводным ремонтным работам.

С прошлого столетия человек стал все больше имитировать и применять в технических приборах и аппаратах конструкции, которые он заимствует в анатомическом многообразии животного мира. А научное "дитя" последних десятилетий — бионика — копирует и сложнейшие биологические процессы жизнедеятельности животных, насекомых и растений.

Как видим, оказалось, что человеку — венцу творения — недостаточно ресурсов своего собственного организма, чтобы моделировать инструменты для познания и практической эксплуатации окружающего мира.

Но все ли свои возможности он исчерпал? Возможно, что физические — да. Как бы ни росли спортивные рекорды год от года, все же есть тот рубеж, за который ступить человеку не дано. Скажем, как говорил Вольф Григорьевич, — без технических приспособлений преодолеть прыжком трехметровую высоту или поднять штангу весом в полтонны. И не соревноваться ему в скоростном беге с антилопой.

Но несомненно, что далеко не все использовано им из арсенала духовных сил интеллекта. Жизнь и деятельность Вольфа Мессинга яркое тому подтверждение.

Я уже отмечала, что и по признанию самого Мессинга, и по архивным "раскопкам", которые я производила в процессе работы над книгой, и по появляющимся время от времени в мировой печати сообщениям, — людей с парапсихологическими способностями не так уж мало. Еще большее число даже не подозревает о наличии у себя таинственного дара. Но по сравнению с полчищами техников, инженеров, научных работников и даже маститых ученых, движущих прогресс человеческой цивилизации, все-таки число телепатов ничтожно.

И пусть кому-то моя мысль покажется фантастической, но я попытаюсь доказать, что, возможно, парапсихологическая наука поможет решению глобальной

проблемы, перед которой очутилось человечество. А ведь нужно быть слепцом, чтобы не видеть, что жизнь на земле во всех ее аспектах, развитие общества землян подходит к тупиковой черте. По подсчетам специалистов, отнюдь не настроенных крайне пессимистически, многие сырьевые запасы на земле почти полностью будут исчерпаны через сорок лет. Еще раньше надвинется острейший энергетический голод.

Но если даже наука будет развиваться семимильными скачками, если будут найдены заменители сырья и открыты иные виды энергии, то все равно человечество очутится перед неразрешимой проблемой: самоубийственным перенаселением планеты. Никакой рост городов ввысь, ни уход под землю не решит нависающей угрозы. Не остановить геометрическую прогрессию и значительным сокращением рождаемости.

Только одно радикальное средство отодвинет человека от подхода к критическому рубежу: термоядерная катастрофа. Но мало кого устраивает такая перспектива. Ибо может статься, что оставшейся чудом в живых какой-нибудь парочке обезьян снова придется стартовать к эволюции, чтобы через миллионы лет ее потомки издали первый звук человеческой речи...

И уже несколько десятилетий назад стало очевидным, что выход может быть найден только в возможном расширении "жилплощади" человечества — в его прорыве в космические дали. Это единственная альтернатива. Выход в большой космос разрубит этот гордиев узел: неограниченно расширится жизненное пространство, будут найдены неисчерпаемые источники сырьевых ресурсов, возможно, более "калорийных", чем на Земле, решатся другие смежные проблемы, которые, возможно, коренным образом изменят и улучшат жизнь на нашей планете.

Вот почему в последние годы все ведущие космические державы так лихорадочно устремляются в даль-

ние уголки космоса, а не только на его ближние подступы, где, в основном, ставятся задачи военного характера. Время неумолимо подпирает, отсюда, возможно, исходит волна массового психоза людей и падение нравов в людском сообществе.

Человек спешно разыскивает в безбрежной Вселенной планеты и миры, годные для заселения. С немеющим энтузиазмом приступил он и к поиску островов в океане космоса, на которых существует разумная жизнь. Ибо подсознательно непереносима мысль о полном одиночестве человека во Вселенной. Более того, втайне мы надеемся, что разумные существа и их цивилизация окажутся неизмеримо выше земной. Только при таком соотношении возможно спасение нашей собственной цивилизации. И только в этом случае мы можем надеяться на их готовность к мирному сотрудничеству.

Но вот уже человек побывал на Луне, обследовал Марс и другие планеты, и нигде не обнаружено даже примитивных зачатков жизни. Ни один из обследованных космических объектов не пригоден и для переселения.

В начале 70-х годов американскими учеными отправлены радиосигналы в те уголки галактики, где теоретически их могут принять разумные существа. Увы, этот сигнал, возможно, достигнет искомых существ к середине... следующего столетия. Столько же потребуется времени и на ответ (при условии доброжелательной и немедленной ответной реакции инопланетян).

День и ночь ведущие обсерватории мира тщательно прощупывают и прослушивают космос на предмет принятия каких-либо "цивилизованных звуков". И зто пока не дало никаких обнадеживающих результатов.

Нельзя ли допустить, что телепатические данные таких людей, как мой друг Вольф Мессинг, приведут нас к спасительно скорым контактам с неведомыми сожителями по Вселенной?

Закройте на миг глаза и дайте волю воображению. И уже через несколько секунд, нужных, чтобы вспомнить астрономические объекты, вы "побываете" у созвездия Гончих Псов, Волос Вероники или Андромеды. Не будучи материальной, наша мысль в доли мгновения преодолевает расстояния, которые не могут быть покрыты даже со скоростью звука и за тысячи лет.

Так нельзя ли телепатически передать наш SOS! когда корабль — планета Земля — уже сейчас терпит в космическом океане бедствие?!

Еще более вероятной кажется мне возможность телепатически принимать позывные других цивилизаций, если таковые подаются или будут поданы. Ведь можно допустить, что они идут уже много лет и даже столетий к нам, но их нельзя принять никакими материальными (самыми чувствительными) приборами. Ведь мы предполагаем, что инопланетяне ступенькой выше нас в физикодуховной конструкции, а потому сигналы эти пролетают мимо. Что глухому соната Бетховена!

Наконец, чем, кроме парапсихологических импульсов, объяснимся мы с ними в случае контакта? На каком языке? Какими жестами? Самым логичным будет предположить, что общим "языком" сможет стать телепатическое общение — все еще такое редчайшее на Земле.

Вольф Мессинг был простым смертным, но его дар парил над нашими обычными способностями, даже исключительными. Ибо дар этот — из сферы неведомого, очень уж непохожего на "материальное творчество". И не этот ли дар, открытый в других и направленный в сторону Космоса, избавит нас от тягостного одиночества во Вселенной?

Допускаю, что написанное в этой главе будет звучать наивно для специалистов, но это лишь еще одна мечта о прекрасном будущем нашей планеты, которую я очень люблю.

Глава 48. СМЕРТЬ ВЫБИРАЕТ ЛУЧШИХ

Состояние Вольфа Григорьевича — а слух о его тяжелом заболевании уже распространился по Москве — волновало не только близких его друзей. Даже люди, мельком знавшие его, при случае выражали свою озабоченность. А уж кто хорошо знал и его, и меня, те по нескольку раз на дню, иногда ни свет, ни заря звали меня к телефону. Так что дни с 31 октября по вечер 8 ноября я провела у столика с телефонным аппаратом, словно диспетчер на междугородной телефонной станции, но без отдыха и смены. А когда в редкие минуты телефон замолкал, я сама звонила в институт с тем же вопросом: как он?

В таком напряжении и тревоге прошло 8 дней!

Вечер 8 ноября. На улице бесится праздничная толпа, догуливает последний день октябрьской вакханалии, и у меня на душе тревожно и тоскливо. В десять вечера я еще раз беспокою дежурного врача, но ничего утешительного в ответ не получаю — состояние крайне тяжелое, почки не функционируют.

Чудовищное перенапряжение последних дней на фоне собственной болезни — воспаления легких — сказалось: меня свалил глубокий сон, и я проснулась в половине седьмого, не помня, как заснула, словно после общего наркоза. Но осадка в душе от тяжелых сновидений или каких-либо смутных предчувствий не было. Я с тревогой посматривала на молчащий телефон. Календарь показывал пришедший день — 9 ноября 1974 года, а в восемь двадцать утра телефон-таки позвонил.

В черном небе — слова начертаны,
И ослепли глаза прекрасные...

И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

(Марина Цветаева)

...Позвонил Александр Давыдович, заведующий отделением, и сообщил, что Вольф Григорьевич скончался вчера в 23 часа... Зная, что я больна, они не решились сообщить печальную весть на ночь. А сам он — мертвый — уже не мог телепатически передать мне последний пульс души...

Теперь на мою долю выпала обязанность сообщить трагическую новость другим и, придя в себя от первого удара, я тут же позвонила Валентине Ивановской, его ведущей. И только повесила трубку, как молнией пронзило сознание: МОЗГ! Мозг Вольфа Мессинга!

И сразу вспомнилась легенда о том, что его мозг оценивался в миллион...

Если исследование его мозга действительно могут что-то дать науке, то он принадлежит всем, и ничьей собственностью быть не может. Также, как сердце Шопена, хоть оно и похоронено в Польше.

Сейчас, когда быстротечное время сгладило боль утраты, позволю себе дать читателю бухгалтерскую сторону предполагаемой сделки.

В обоих полушариях коры головного мозга насчитывают 14 миллиардов клеток — как пчелы в улье. И если они оценены в миллион — долларов ли, рублей ли, — то сколько же стоит каждая клеточка, уникальный и неповторимый феномен природы?! Так вот, оказывается — семь десятитысячных доллара, микроскопически малая часть цента. Не слишком ли дешево?

Но тогда эти саркастические мысли с коммерческим уклоном мне не приходили — до иронии ли в такие минуты?

А время торопило, в любой час могли провести трепанацию черепа, процедура, от зрелища которой у меди-

ков-новобранцев волосы встают дыбом: обследованные части мозга кусочками складывают в живот покойнику... Тем нелепее было представить мне эту жуткую процедуру с мозгом Мессинга. Я немедленно набрала номер телефона профессора Анатолия Владимировича Покровского и высказала ему свою озабоченность по этому поводу. Он ответил, что вскрытие поручено профессору Крымскому, а сам он сегодня отдыхает, и что на Крымского можно положиться, он-де халатности не проявит. Но сколько бывает непредвиденных случайностей! Пытаюсь дозвониться профессору Крымскому, оказывается, что номер телефона у него новый, а женский голос дотошно расспрашивает меня — кто я да-зачем, — но все же объясняет, как с ним связаться. Увы, по новому адресу мне ответили, что профессор у ж е ушел в клинику на в с к р ы т и е!

Все, я опоздала! Нервы на пределе! Скорей в институт, только бы успеть!

Саша, мой сын, в тот день был единственным дежурным врачом кожно-венерической больницы, что оставляло мало шансов оторвать его хоть на часок, но ждать такси по вызову, да еще в воскресный день — пропащее дело. И я решаюсь склонить Сашу к нарушению служебного долга: срочно подвезти меня на своей машине в институт, пока вся процедура по вскрытию не закончилась. Но сын отказывается везти меня не столько из-за занятости (как раз на удачу тяжелых больных под его опекой не было), сколько беспокоясь о моем состоянии — воспаление легких!

Я твердым голосом сказала:

— Александр, сейчас не разговор матери с сыном, ты же знаешь наш девиз — в серьезном деле шуток нет! (А как хотелось сказать: "...с тобой говорит друг не Вольфа Григорьевича, а МЕССИНГА..."), да и теперь есть кое-что поважнее моего здоровья. Давай в машину, и мигом за мной!

Минут через пятнадцать я не вбежала, а влетела в кабинет к профессору Крымскому и сразу же — о мозге Мессинга.

— А вы думаете, мы сами не понимаем ситуацию? Даже, если глубокие исследования окажутся малопечатляющими для науки, мы в любом случае должны сохранить его мозг, ну, символически хотя бы. У меня есть друзья в Институте Мозга и я обещаю, что они об этом позаботятся, — ответил мне профессор, дружелюбным жестом указывая на кресло.

Наконец, я могла облегченно вздохнуть и, обессиленная, почти упала на сидение. Нервы размякли, и впервые после сообщения о его кончине комок подступил к горлу...

Грустную минуту прервал стук в дверь. Крымский сам пошел открывать и увидел незнакомую ему гостью. То приехала по моей просьбе ведущая Вольфа Григорьевича, и я представила их друг другу. Оставляя нас в кабинете, профессор предложил моему сыну пойти вместе с ним на вскрытие на правах бывшего сотрудника. Одно время Саша консультировал у нас кожных больных.

— А, была не была, пойду, — сказал он в сердцах, потому что теперь он удваивал время своего отсутствия на работе.

А мы с Валентиной Иосифовной с нетерпением стали дожидаться их возвращения из прозекторской. Но, по сути, какое утешение они могли принести!

Саша пришел один, ему уже необходимо было возвращаться в свою больницу. Но вкратце он сказал: технически операция Покровским была проведена блестяще, вероятнее всего, летальный исход наступил из-за ошибок и плохого ухода в послеоперационный период. Во всяком случае, высочайшую бдительность нужно было проявить до конца, а не надеяться, что золотые руки хирурга уже обеспечили успех. Директор институ-

та был в отпуске, и персонал института не имел должного контроля.

К большому сожалению, это вообще характерно для медицины в СССР и для хирургии в частности: когда великолепный успех прекрасного, иногда даже гениального врача сводится на нет неумелыми медсестрами, недобросовестными нянями, недостатком нужных лекарств и инструментов, неправильным питанием и многим другим.

Случай с Мессингом не оказался исключением. Видимо, он это предвидел, а потому просил вызвать за его собственные деньги знаменитого американского доктора Майкла Дебеки с бригадой медработников. Статистика среди больных, прооперированных доктором Дебеки: из 100 — 93 имеют благополучный исход. Но просьба Мессинга не была удовлетворена.

Что касается мозга, то его нашли в довольно склеротическом состоянии, но без очевидных патологических отклонений, и вес оказался стандартным. Словом, как у людей...

Теоретически мозг Мессинга мог оказаться интересным для ученых лишь в том плане, что можно было надеяться выявить какие-то следы воздействия на него необычайной психической сущности телепата. Но практически надежды на обнаружение такого воздействия почти не было.

Сами исследования по парапсихологическим явлениям еще находятся в зачаточном состоянии, а, следовательно, нет ни нужных приборов, чтобы обнаружить такие следы, ни ученых, чутье которых было бы ориентировано на оккультную область.

глава 49. ТРАУРНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Я провела читателя по лабиринту жизни Мессинга, заходя с ним то в волшебные терема сказки, то в каждодневное жилье суровой действительности. Многое узнали мы, идя по лабиринту, а у выхода подкараулила нас неизбежная скорбь — мы провожаем его в последний путь.

Так у Екклезиаста сказано: "Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь". Я знала латинское напоминание — "Ментo мори!", но оно всегда застает нас врасплох.

Короткое сообщение о кончине Вольфа Григорьевича Мессинга появилось лишь в газете "Вечерняя Москва", да и то спустя шесть дней — 14 ноября. Совсем не понятна такая задержка, даже если сделать скидку на праздничные дни: веселье-де не должно омрачаться. И сообщили только 14-го, в день похорон, не упоминая о них, дата же смерти дана была правильная — 8 ноября. И у большинства читателей была уверенность, что, естественно, за такой отрезок времени похороны состоялись. Так что мало кто, кроме близких его друзей, знали о времени проводов. Хорошо хоть то, что Министерство культуры дало распоряжение поместить гроб с телом покойного Мессинга для прощания в Центральный Дом работников искусства — ЦДРИ. Это оставляло надежду, что из ЦДРИ весть о дне похорон достигнет большего числа москвичей, что в какой-то степени и произошло.

В морг, где все эти дни находилось тело Вольфа Мессинга, мы приехали вчетвером: Валентина Ивановская, молодой друг Вольфа Григорьевича Алексей Мессин-Поляков, дружба с семьей которого длилась более 30 лет, я и мои сыновья.

Тело вынесли из общего отделения, и гроб установили на своего рода лафете — скромной копии настоящего лафета, на который водружают останки крупных военачальников или государственных деятелей.

Алексей вынул из кармана маленькие ножницы и отрезал небольшой завиток седых кудрявых волос у виска Вольфа Григорьевича, бережно положил в почтовый конверт и спрятал в записной книжечке. Алеша воспитан в интеллигентной русской семье. Все они: бабушка, мать Алексея и он сам относились к Мессингу, как к святому. Не мало добра сделал Мессинг для этой семьи.

Постояли мы в печальном карауле, пока не прибыл сотрудник отдела культуры Моссовета, и тогда решено было закрыть крышку гроба и ехать в ЦДРИ.

На Октябрьской площади нашу машину остановил постовой дорожный инспектор и заявил, что въезд на улицу Дмитрова перекрыт до двух часов. На вопрос, что случилось, милиционер ответил: "Неужели не знаете? Сегодня будут хоронить Вольфа Мессинга, и процессия пройдет по этой магистрали...

— Очень тронуты заботой милиции, — сказала я с грустной иронией, — но тело Мессинга в нашей машине... Мы направляемся в ЦДРИ... Обратно будем проезжать после полудня...

Перед входом в ЦДРИ уже была толпа, половину которой составляла милиция. Эксцессов никаких не было, и только у пожилых женщин в руках — скомканные влажные носовые платочки. Пришедших проститься было бы значительно больше, сообщи власти дату похорон вовремя. Возможно, они опасались паломничества студентов, у которых Мессинг пользовался огромной популярностью, и верующих, для которых Мессинг был святым. Последняя публика — верующие — нежелательна была на траурной церемонии. Никакие вступительные слова ведущей Мессинга в стиле лекторов по атеистической пропаганде не могли поколебать у религиозной публики убеждения, что способности Мессинга дарованы Небом. И когда гроб проносили в холл первого этажа, женщина средних лет, пробившись к изголовью гроба, сказала: "Святой человек ушел... Царство тебе Небесное...".

Я стояла в почетном карауле, когда в зале появился народный артист, клоун Юрий Никулин — любимец Вольфа Григорьевича. Ступая на цыпочках, он неслышно и как-то очень застенчиво, словно провинившийся, прошел к гробу и стал рядом со мной. Мельком бросив на него взгляд, я заметила, что на его лице остался не сня-

тый грим. Именно в эти часы у него проходили съемки на "Мосфильме", и он прервал работу, чтобы отдать последний долг своему давнему другу.

К гробу подходили все новые лица, знакомые и незнакомые мне, минуту стояли в скорбном молчании, поставив у изголовья венок или скромный букетик.

Подошло время отправляться в путь — действительно дальний и последний. У выхода терпеливо ждала толпа, увеличившаяся, пока мы находились в зале, на добрую сотню человек. А милиция в зал людей не пропускала.

По закону в Советском Союзе каждая могила должна быть зарегистрирована и закреплена за близким родственником, попечителем или доверенным другом умершего. За ним остается право выбирать и место захоронения и решить все иные вопросы, связанные с похоронным обрядом, требовать от администрации кладбища гарантии сохранности и чистоты места погребения и т. д. И эту честь отдали мне как единственному близкому ему в последнее время человеку. Я высказала пожелание, чтобы Вольф Григорьевич был похоронен на Востряковском кладбище рядом с его супругой Аидой Михайловной. С моим доводом согласились, и к половине второго мы прибыли к этому печальному месту. Щемящая сердце картина, и я опускаю ее описание...

И вновь дорога к ЦДРИ, где нас ждали для традиционных поминок. Столы накрыты в большом зале ресторана на последнем этаже здания. Столы сдвинуты в один ряд, не для экономии места, а по российскому обычаю, чтобы все поминавшие составляли как бы одну семью. И это был действительно тесный кружок его близких друзей и искренних почитателей, что-то человек тридцать. Среди них был и Алексей, и иллюзионист Ефим Кубанский, ныне живущий с супругой в Лос-Анжелесе, и многие другие знакомые. Но находилось и официльное лицо, не знаю уж, поклонник ли Мессинга, зна-

ток ли парапсихологии или просто "психолог"-наблюдатель — мрачноватый дядя от Министерства культуры. Ему же, как лицу официальному, предоставили первому сказать прощальное слово. И как положено государственному мужу, речь он произнес по древнейшей формуле — о мертвых говорят только хорошо или не говорят ничего. Но в хорошее входило лишь канцелярское перечисление заслуг Мессинга перед обществом, с непременным упоминанием его щедрого пожертвования средств на строительство двух боевых самолетов во время последней войны. Потом о постоянной финансовой помощи Мессинга детскому дому с более, чем ста малышами. Но почему-то он забыл упомянуть, что Вольф Григорьевич за долгие годы своих выступлений собрал в общей сложности миллионную аудиторию, давшую государству несметную прибыль. И никто не удосужился предложить хоть крупицу этих средств выделить на исследования парапсихологических явлений, создать хотя бы скромную научно-экспериментальную лабораторию с привлечением специалистов-психологов. Напротив, долгие годы, как инквизиция во времена средневековья, шельмовали само название "парапсихология" как лженаучное. Быть может, тем самым и свели вдохновенное творчество Вольфа Мессинга к функции театрального гастролера. А сам он пробить стену не мог.

А вот Алеша говорил от всего сердца, тепло и проникновенно. Потом выступали многие другие, кто был чем-то обязан Мессингу за его помощь или просто восхищался и преклонялся перед ним.

Я выступила последней. От волнения — сбивчиво. Но, кажется, все поняли меня и без красноречия. А потом уже без регламента каждый вспоминал добрые часы и дни, которые ему посчастливилось провести с Мессингом, истории и эпизоды из его жизни. Этикет не позволял мне делать какие-либо записи, но я внимательно

вслушивалась в рассказы, отзвуки которых попали в некоторые очерки моей книги.

Мы с Валентиной Иосифовной Ивановской последними покинули поминальный обед, и, теперь уже бывшая, ведущая Вольфа Григорьевича проводила меня до стоянки такси. Расстались мы нежно, без слов.

Итак, из моей жизни выпало огромное звено человеческой дружбы, многие годы согревавшей меня, будившей чувства и мысль, наполнявшей смыслом порой суровое бытие.

Однако беда имеет иной раз и обратную силу: не расслабиться, не упасть духом, сжать боль в кулаке помогает она, когда ты взял на себя обязательство перед самим собой исполнить до конца неоплатный долг перед ушедшим другом.

КНИГА, решила я, будет ему лучшим памятником, от меня и ото всех, кому он щедро дарил доброту своей души.

Глава 50. HOMO SAPIENS

Закончив предыдущую главу, я взяла эту латинскую категорию — человек разумный — совершенно с противоположным значением: чтобы с грустной иронией поведать и о том, сколь мелочен и жесток может быть этот "венец природы". Никакими биопатическими биотоками не передать ему порой ни мысли о человеческой доброте, ни чувства элементарной порядочности, ни даже гордости за свое высокое призвание.

Многое было оборвано смертью Мессинга в моей жизни, опустошено и смято. Но внезапная потеря на-

стоятельно требовала и активных шагов с моей стороны.

Прежде всего, пока жива память о свершившемся, как-то воздействовать на тех, от кого зависело должным образом воздать память Мессингу. Хотя бы символически, в достойном памятнике на Востряковском кладбище. И, конечно же, книга, в общих контурах уже зревшая во мне, но для которой нужно теперь бережно собрать как вещественные следы последних дней, так и эмоциональные впечатления от случившегося.

А между тем мое здоровье оставляло желать лучшего. Воспаление легких все-таки не шутка, если вовремя не устранить опасность осложнений. К счастью, я была окружена заботой близких — сына Александра и моей невестки Ивушки, освобождавших меня от тягот быта.

Несколько позже начались события низкопробного детективного свойства. Мне позвонила Валентина Ивановская и сообщила, что она получила милицейскую повестку с требованием явиться в отделение. И приписка, что по делу Мессинга. А днем позже такую же "весточку" получила и я. Но с более конкретным пояснением: в качестве понятой при описании имущества в квартире Вольфа Григорьевича. Такие милицейские повестки игнорировать нельзя, ибо напросишься на принудительный привод. В назначенное время за мной "любезно" прислали машину, и я отправилась с ними на улицу Герцена. Кроме двух представителей 1-ой нотариальной конторы Москвы там уже была Валентина Ивановская, которой тоже эта мышиная возня вокруг "дела Мессинга" доставляла мало радости.

Юристы составили протокольные бланки и начали дотошный осмотр квартиры. Притупили к закрытому на замок, окованному полосками железа старинному сундуку, когда-то наполненному вещами Аиды Михайлов-

ны. А когда вскрыли, он оказался совершенно пустым. Лишь на дне лежали пожелтевшие страницы газет и под ними сшитый мной когда-то пояс с двумя кармашками: для ценных бумаг и для золотого кольца с трехкаратным бриллиантом, которым Мессинг очень дорожил, скорее, как неким талисманом, чем ценностью, и если он его не надевал на руку, то все равно носил при себе: либо на груди, либо в кармашке. И еще несколько фотографий. Кармашек для перстня был пуст, а в другом обнаружили сберегательные книжки на общую сумму чуть больше миллиона рублей в старом исчислении, не считая не взятых за последние 10-15 лет процентов. Кроме этого было 800 рублей наличными.

Никакого завещания в квартире на нашлось, и мы, его близкие друзья высказали свое желание использовать хоть эту сумму наличных денег на постройку памятника. Но и такую мизерную сумму получить не удалось: законники тут же объяснили, что раз прямых наследников у Мессинга нет, то по закону РСФСР деньги переходят в собственность государства. Словно оно не было перед ним в неоплатном долгу за те огромные суммы, что приносили концертные выступления Вольфа Григорьевича! Ведь долг платежом красен, и что государству до этих несчастных копеек!

Наконец закончилась вся эта бумажная процедура, и мы подписали протокол, вздохнув с облегчением — гора с плеч. Но не тут-то было. В последовавшие за тем дни всех по очереди стали вызывать в прокуратуру, а меня даже и на печально знаменитую Лубянку, что не сулило ничего доброго.

Всем задавался стереотипный вопрос, куда делись ценности Мессинга (видимо, имелись в виду драгоценные камни, привезенные им из Польши) и, в частности, куда исчез его знаменитый перстень. Будто его собирались поместить в государственную казну или национальный музей. Причем, с каждым днем перстень "прибавлял" в весе по карату. Через несколько дней меня вызвали снова

14. Золотое кольцо с бриллиантом в три карата.
Талисман В. Г. Мессинга, с которым он никогда не расставался.

и уже спрашивали чуть ли не о 10-каратном бриллианте. Возможно, кто-то и верил в то, что именно в перстне сила Мессинга.

Провели обыск у женщины-домработницы, жившей последнее время в квартире Мессинга, но и у нее в доме не нашли тех вещей, которые у него действительно были: ни дорогой люстры, ни старинного фарфора, ни хрусталя в серебре работы Фаберже, ни даже многочисленных подарков, которые ему от всего сердца дарили. А дарили самые неожиданные вещи, из которых, пожалуй, можно бы составить добрую музейную экспозицию. Детские игрушки и поделки народных умельцев, картины и чеканку по металлу, восточные халаты ручного шитья, были даже морские раковины и кораллы — от дальневосточных моряков. Дарили учителя и школьники, рабочие, врачи, крестьяне, военные.

Нам намекали, что эти ценности весьма значимы, но следствие так ни до чего и не докопалось. А ключи от квартиры во время болезни и после смерти Мессинга были только у домработницы. Тут нужен был живой Мессинг, чтобы соединить недостающие звенья цепочки. Но среди лубянских Шерлоков Холмсов одаренных телепатическим видением не оказалось.

Пролетевший незаметно год стер из памяти детективное наваждение, а я, оправившись от болезни, целиком погрузилась в работу с архивом. Но и о настоящем памятнике не забывала ни на день. Ведь на его могиле администрация кладбища прикрепила только дощечку, будто там покоится безымянный скиталец, а фотографию размером с ладонь прикрепил Алексей. Он же активно взялся за дело, а Валентина Иосифовна Ивановская составила пространное письмо в Министерство культуры, напоминавшее бездушным чиновникам о заслугах Мессинга перед отечеством. Мы делали акцент на его огромном материальном вкладе в фонд фронта во время войны, чтобы пронять их. Хотя несомнен-

но, что еще больший вклад хоть и не столь осязаемый, внес он в парапсихологический сейф науки, и его наследство еще ждет своей оценки.

Мессинг имел право на большие почести даже и по признанию государства: он имел правительственную награду, а также получил звание заслуженного артиста РСФСР. Но из всех бюрократических инстанций приходил расплывчатый ответ: да, памятник Мессингу нужно поставить, но без соответствующих указаний (?!) вопрос конкретно решен быть не может.

В денежном выражении проблема заключалась в подыскании средств в сумме двух тысяч рублей, однако, не в них суть. Кто-то упорно стремился наложить вето на саму память о нем. В конце концов, мы изыскали бы средства отлить в бронзу или высечь в мраморе гипсовую модель головы Мессинга, хранящуюся у Ивановской.

Мы методично штурмовали Министерство культуры своими запросами, подключая к своим ходатайствам людей известных и заслуженных. Последнее обращение было подписано Народными артистами СССР Аркадием Райкиным, Юрием Гуляевым, Юрием Никулиным, Евгением Леоновым и известным диктором Центрального радио Юрием Левитаном...

Но воз и ныне там.

Глава 51. ДОРОГИЕ РЕЛИКВИИ

Как правило, люди высокой творческой судьбы оставляют по себе не только память сердца, но и материальные следы своего призвания: картину, ноты, книги, наконец, посаженный сад. Но какой осязаемый след оставляют после себя маги и волшебники? Какой плод остается после человека, чей творческий

дар заключался в способности видеть невидимое и слышать неслышимое? Что осталось от них у нас, кроме памяти и любви?! И может ли служить утешением мысль, что и тысячи других людей, сеявших при жизни добро и свет, уходят из жизни безвестными? И сейчас, семь лет спустя после смерти Вольфа Григорьевича, душа не может примириться с такой несправедливостью! Он заслужил, чтобы о нем помнили. Приходится лишь гадать, какие силы и почему воспрепятствовали достойному увековечиванию его памяти. Возможно, что сокровенную тайну об этом он унес с собой в могилу. Такое подозрение приходит на ум, когда вспоминаю один эпизод, вернее разговор — с недомолвками и недосказанностями.

Как-то Вольф Григорьевич перечитывал письмо, ранее полученное им из Израиля. Пересказал нам его содержание — о тамошней жизни. Как раз наступил рубеж 70-х годов, и уже первые ручейки еврейского Исхода потекли из советской России.

Пристутствовавшая при этом наша общая знакомая спросила, почему бы не уехать и Вольфу Григорьевичу, раз уж наступили такие времена — многие покидают неуютную родину. Вольф Григорьевич взглянул на Анну Михайловну и ответил:

— Вот она, — и показал глазами на меня, — с Сашей уедут, и Саша будет работать врачом где-то на севере Америки. Я ведь Тане это уже однажды сказал в день рождения Саши, когда ему исполнилось 10 лет. Я знаю, она не верила, и сейчас станет возражать, мол, маму не оставит, да и меня, но нас уже не будет. Она уедет в 78 году. Что же касается меня, то меня скорее уберут, чем выпустят.

Глядя в пол, тихо и размеренно произнес эту фразу Мессинг. И ни тогда, ни в другое время не комментировал эти сакраментальные слова. И они были слишком весомо произнесены, чтобы я позволила себе лезть

за разгадкой ему в душу. Сам он никогда даже не заикался о возможности получить вызов, как ни разу не было и разговора о том, чтобы съездить хотя бы по туристской путевке, скажем, в Болгарию или на прежнюю родину — в Польшу, которую он помнил и любил до последних дней. И зто казалось особенно странным, если учесть, что первые сорок лет жизни он провел в непрерывных заморских путешествиях. Не исключаю, что ключи от тайны держали на Лубянке.

Предсказание Мессинга сбылось. В 78 году мы с сыном покинули Родину. И слова Мессинга "где-то на севере Америки" означают теперь конкретный адрес. Мой сын успешно кончил за два года колледж в Охайо и при нем оставлен работать врачом и преподавателем.

Быть может, на западе сейчас уже находится кто-то, кому могла быть известна хоть какая-то крупица тайны Мессинга, лежащей в одной из папок с грифом "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО".

Мне же удалось вывезти на Запад только дорогие мне реликвии, связанные с именем Вольфа Мессинга. Большой художественной или материальной ценности они не представляют, но надо ли говорить о том, как они дороги мне сейчас. Иногда мне хочется открыть дверцы "хельги" в своей детройтской гостиной, достать одну из двух чашек, из которых попивали московские чаи Вольф Григорьевич с супругой, налить в нее тутошнего "липтон ти" — смещать прошлое с настоящим. Но я одергиваю себя: слишком хрупки эти фарфоровые сувениры — первого выпуска знаменитой в старой России фарфоровой фабрики Кузнецова. Уцелев во время перелета через океан, они должны дождаться лучших времен, когда имя их прежнего хозяина воскреснет из забытья. И тогда я ставлю чашку назад, так и не выпив из нее, на прежнее место за стеклом. Оттуда же глядит на меня глазами-щелками кукла "Эскимос", подаренная Мессингу на севере. А у ног куклы серебряный порт-

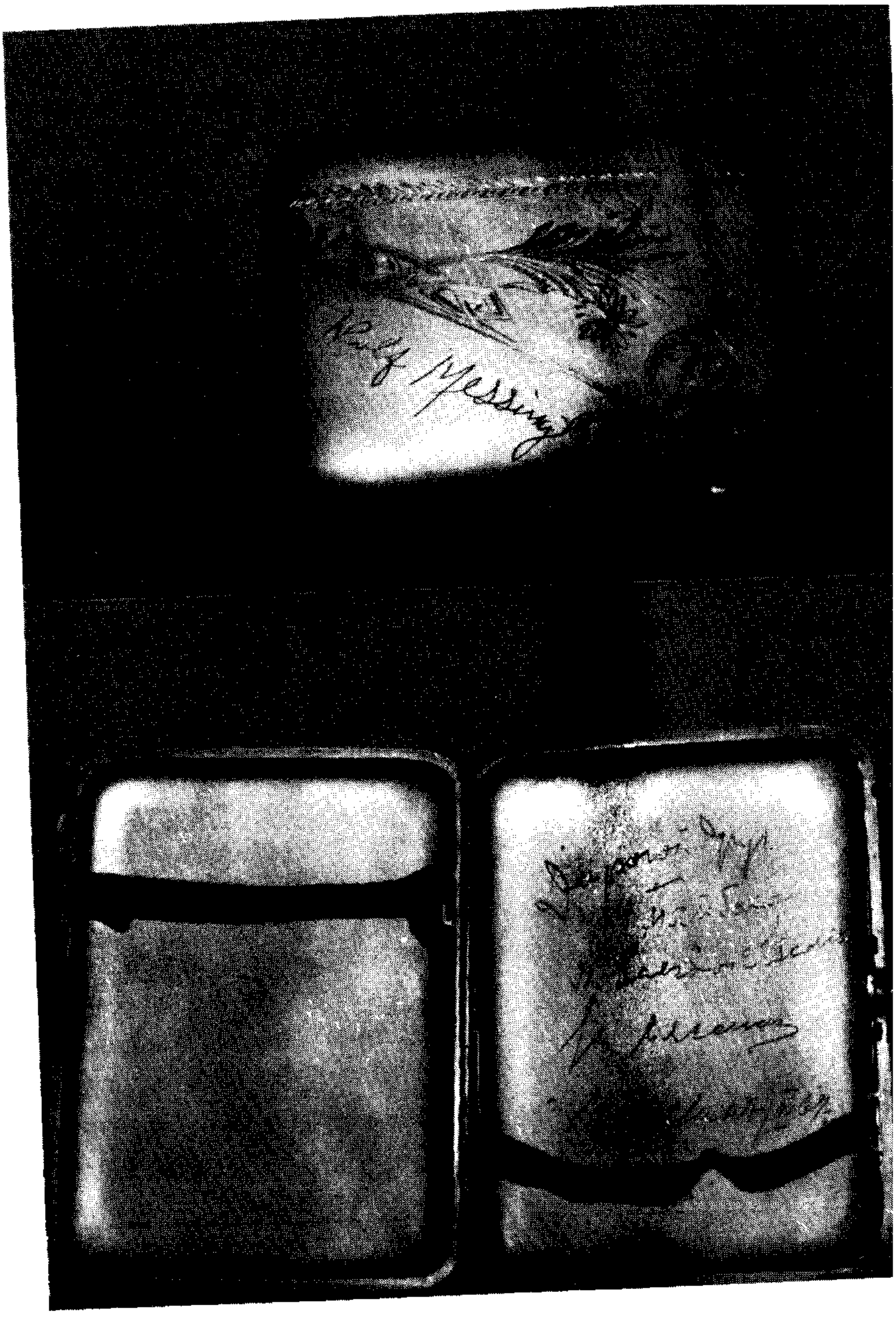
сигар Мессинга, внутри которого Вольф Григорьевич написал своей рукой, а гравер по написанному выгравировал: "Дорогой друг Тайболе, я всегда с вами. В. Мессинг. Москва. 27 марта 67 г."

Мне кажется, и до сих пор хранит он никотиновый смрад ненавистного мне "Казбека". Потому я его никогда и не открываю. Пускай этим занимается "Эскимос" по ночам, когда люди спят, а сказки оживают.

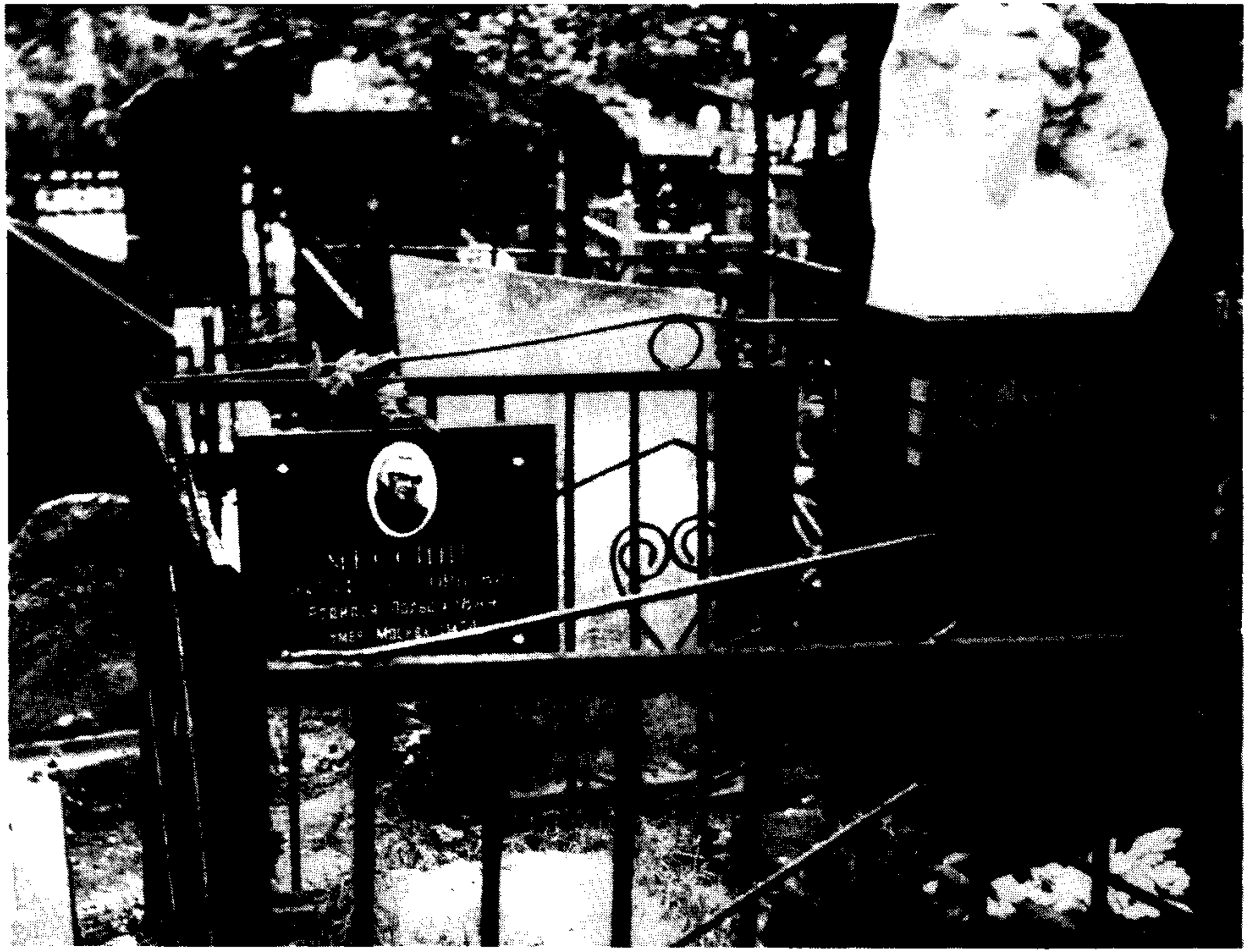
Там же, а не на обычной книжной полке, храню я и два томика дорогих ему книг: уже упоминавшиеся мной "Дневник хирурга" А. Вишневского и "Мысли и сердце" Н. Амосова. Но прежде я упомянула о них в связи с пребыванием Мессинга в госпитале, как об аттрибутах грустного тогда для него быта. А сейчас я благоговейно глажу обложку каждой из них. Какое счастье, что удалось сберечь их и привезти с собой! А сколько пропало при пересылке из Москвы в США. Дарственные надписи медиков с мировым именем — лучше любых моих слов свидетельствуют о глубоком уважении и признании необычайного дара Вольфа Григорьевича Мессинга этими знаменитыми учеными и врачами. "...в знак удивления и восхищения чудом" — написал Николай Амосов. Можно ли сказать лучше!

Сохранился и деревянный мужичок, подаренный Мессингу на Волге крестьянами. Удалось мне также перевезти несколько фотографий, сделанных мною и другими фотографами. Среди них есть и фотография кольца-талисмана с большим бриллиантом.

Я уже говорила, что у Мессинга никого из родных не осталось в живых, но недавно отозвалась единственная живая душа — племянница, Марта Мессинг, чудом уцелевшая, убежавшая из концлагеря с русскими людьми. Она живет в Аргентине. В России же родных и близких у Мессинга не осталось, и поэтому эта последняя и самая грустная реликвия была выдана мне:



15. Портсигар Мессинга.



16. Могила Вольфа Григорьевича Мессинга.

РЕГИСТРАЦИОННОЕ
УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано гр-ке Лунгиной Т. Л.
о регистрации на участке №38 могилы 4828
на умершего 08/11-74 г. Мессинга В. Г.,
захороненного на Востряковском кладбище.

Заведующий кладбища — Тляха.
14/11-74 г.
Востряковское Бюро
похоронного обслуживания.

Недавно я получила известие из Москвы: не дождавшись в течение 7 лет установления памятника государством, Валентина Ивановская и Алексей от себя установили черную доску из гранита с фотографией Вольфа Мессинга, выполненной на керамике.

Доведется ли мне когда-нибудь посетить могилу дорогого мне человека?

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Вольф Григорьевич Мессинг 8

2. Татьяна (Тайболе) Лунгина. Грузия, 1954 г. 18

3. Вольф Мессинг, его жена Аида Михайловна и Т. Лунгина 24

4. Мессинг с женой и Т. Лунгиной в Тбилиси, 1954 г. 26

5. Вольф Мессинг у могилы жены. Москва, 1963 г. 53

6. Телеграмма Сталина 88

7. Самолет, построенный на пожертвования В. Мессинга 88

8. Вольф Мессинг. Москва, 1960-е. 134

9. В. Мессинг со своим любимцем 188

10. На Волге 190

11. Вечер рассказов 190

12. Александр и Ива Лунгины после свадьбы 202

13. А. Лунгин с сыновьями. США, 1981 202

14. Золотое кольцо с бриллиантом в три карата. Талисман В. Г. Мессинга, с которым он никогда не расставался. 272

15. Портсигар Мессинга 278

16. Могила Вольфа Григорьевича Мессинга 279

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	Появление кудесника	9
Глава 2	Война	14
Глава 3	Вторая встреча с кудесником	17
Глава 4	Аида Михайловна	20
Глава 5	Будничные тревоги	27
Глава 6	Пасхальная встреча	29
Глава 7	Исцеление	32
Глава 8	Мессинг рассказывает	36
Глава 9	В объятиях эскулапа	43
Глава 10	Первый тяжелый удар	47
Глава 11	А жизнь идет	54
Глава 12	Берлинская эпопея	59
Глава 13	Открытие Европы	63
Глава 14	Польская мозаика	67
Глава 15	Шквал войны	73
Глава 16	Российские будни	77
Глава 17	Передовой тыл	85
Глава 18	Под пристальным взором науки	90
Глава 19	Научные лабиринты	94
Глава 20	Что же я могу?	105
Глава 21	Познать себя	115
Глава 22	Человеческое мышление	121
Глава 23	Факты – упрямая вещь	129
Глава 24	Зритель требует жертв	136
Глава 25	В объятиях Морфея	148
Глава 26	Темные эскулапы	155
Глава 27	Клиенты, казнимые сумасшествием	159
Глава 28	На сцене и в зале	167
Глава 29	Семейная хроника	171
Глава 30	И вновь гиппократы	176
Глава 31	Юбилей	179
Глава 32	Бренное тело	183
Глава 33	Волжские перекаты	184
Глава 34	Говорят свидетели в Америке	192
Глава 35	Занимательная философия	204
Глава 36	Сереженька	207

Глава 37 Воспоминание о будущем 211
Глава 38 За кулисами медицины 214
Глава 39 Уголовная хроника 219
Глава 40 За пределами разума 226
Глава 41 Не единым духом жив человек 229
Глава 42 Ну-ка, зеркальце, скажи 234
Глава 43 Тревожные минуты 238
Глава 44 Живинка в деле 241
Глава 45 Владимирский старец 243
Глава 46 Ноев ковчег 248
Глава 47 Планеты и миры 255
Глава 48 Смерть выбирает лучших 260
Глава 49 Траурная церемония 264
Глава 50 Homo sapiens 269
Глава 51 Дорогие реликвии 274
Список иллюстраций 281

ЭРМИТАЖ

ЭРМИТАЖ — Publishers of New Russian Books
2269 Shadowood, Ann Arbor MI 48104, USA. Tel (313) 971-2968

В 1981-1982 ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ:

АВЕРИНЦЕВ, Сергей. "РЕЛИГИЯ И ЛИТЕРАТУРА" (143 стр.) 7.00
Сборник философских статей.

АКСЕНОВ, Василий. "АРИСТОФАНИАНА С ЛЯГУШКАМИ" (384 с.) 11.50
Полное собрание пьес. Илл. Э. Неизвестного. (В тв. обл. 20.00)

ВИНЬКОВЕЦКАЯ, Диана. "ИЛЮШИНЫ РАЗГОВОРЫ" (144 стр.) 7.50
Тонкие психологические заметки, описывающие преломление в детском сознании проблем морали, религии, смерти, секса, политики. С иллюстрациями И. Тюльпанова.

ВЛАДИМОВ, Георгий. "ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ" (402 стр.) 15.00
Новый, переработанный автором вариант знаменитого романа.

ЕЗЕРСКАЯ, Белла. "МАСТЕРА" (112 стр.) 8.00
Сборник интервью с Бродским, Вишневской, Максимовым, Неизвестным, Ростроповичем и др. С фотопортретами.

ЕФИМОВ, Игорь. "ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА" (332 стр.) 8.50
Философская система, анализирующая человеческие страсти, (В тв. об. 16.00)
рассматривающая удовольствие и страдание как формы познания.

ЕФИМОВ, Игорь. "МЕТАПОЛИТИКА" (250 стр.) 7.00
Под псевдонимом А. Московит. (В тв. обл. 14.00)
Философская систематизация мировой истории.

ЗЕРНОВА, Руфь. "ЖЕНСКИЕ РАССКАЗЫ" (160 стр.) 7.50
Первый прозаический сборник известной ленинградской писательницы, выпущенный ею после выезда в Израиль.

ЛЕЙТМАН, Игорь. "КОНТУРЫ ЛУЧШИХ ВРЕМЕН" (128 стр.) 7.00
Политико-социальное исследование современного мира.

ЛУНГИНА, Татьяна. "ВОЛЬФ МЕССИНГ — ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА" (270 с.) 12.00
Рассказ бывшей московской журналистки о знаменитом (В тв. об. 18.00)
телепате и маге. С фотографиями.

МИХЕЕВ, Дмитрий. "ИДЕАЛИСТ" (280 стр.) 9.00
Роман, описывающий жизнь московского аспиранта в 1960-е годы.

РЖЕВСКИЙ, Леонид. "БУНТ ПОДСОЛНЕЧНИКА" (240 стр.) 8.50
Новый роман, посвященный встрече второй и третьей волны русской эмиграции в Америке.

СУСЛОВ, Илья. "РАССКАЗЫ О ТОВАРИЩЕ СТАЛИНЕ И ДРУГИХ ТОВАРИЩАХ" (140 стр.) 7.50
Сборник сатирических рассказов-анекдотов.

УЛЬЯНОВ, Николай. "СКРИПТЫ" (234 стр.) 8.00
Сборник статей, посвященных судьбам России.

При отправке заказа просьба добавлять к сумме чека 1 доллар на пересылку (независимо от количества заказываемых книг). При покупке трех и более книг — скидка 20%.